История любви 127

Кристина Роуз

- САХАР И ПЕРЕЦ -

KRISTINA ROES - SUGAR AND SPICE

Сахар и перец
Кристина Роуз

Аннотация
Кристина Роуз. Сахар и перец
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14

Аннотация

Матери двух дочерей очень нужен «мужчина в доме».

Зачем? Чтобы делать чисто мужскую работу. И в награду за это — сладкие булочки, доверительные разговоры и… НИЧЕГО больше!

Так считала привлекательная рыжеволосая Алекс Маккарт — и просчиталась! Красавец Роб Кейлен вовсе не против стать «мужчиной в ее доме»… только не в качестве помощника и мастера на все руки, а в качестве друга, заботливого мужа и пылкого возлюбленного!..

Кристина Роуз
Сахар и перец

Глава 1

Роб с облегчением снова опустился в лодку. Клева не было. Когда рыба клевала, он чувствовал себя обязанным ловить ее. Когда же она не клевала, он мог только делать вид, что рыбачит, и сладко вздремнуть.

Жизнь — отличная штука!

Как совладелец самой успешной подрядной компании графства, он мог устроить себе выходной, когда хотел. У него было хорошее здоровье, хорошие друзья, собственная квартира, грузовик и эта лодка, в которой он сейчас лениво полулежал, чувствуя себя обязанным караулить несчастную рыбу по чисто сентиментальным причинам.

Но у него не было никого, с кем бы он мог разделить душевное одиночество.

В любовно-романтическом отношении в его жизни определенно чего-то не хватало. Роб поглубже нахлобучил бейсболку. Вчера вечером он отвез девушку после свидания домой в десять часов. К ней домой. И, пробормотав что-то насчет возможного желудочного гриппа, оставил ее у

двери и помчался назад к своей машине.

А с девушкой в общем-то все было в порядке, размышлял он. Коэффициент интеллекта не слишком высокий, но это не такой уж серьезный недостаток.

Эта девушка была как раз такой, какую он хотел, когда описывал приятелю Джо свой идеал. Она была молодой, веселой, с прекрасной фигурой. Так в чем же его проблема? Роб подумал, что он, возможно, на самом деле не знает, чего хочет от женщины. Или от отношений. Но он не хотел тратить весь день, думая об этом.

В любом случае нужно было хорошенько выспаться. Он поудобнее пристроил спину на подушке в лодке, стараясь найти более удобное положение, и закрыл глаза.

Лодка казалась менее удобной, чем обычно.

Роб надвинул кепку еще ниже на нос и попытался отбросить все мысли.

Минуту спустя он открыл глаза, раздраженно поднялся и сел. Чувствуя себя неустроенным и несчастным, он стал вспоминать вчерашний вечер, который оставил у него неприятный осадок. Нужно было соединить какие-то обломки.

Она была совершенно нормальной, милой девушкой. Ну не работала она над кандидатской

диссертацией в области биофизики, так и он тоже. Главное — была веселой и миловидной.

Роб застонал. Когда это живость характера и миловидность стали качествами, которые он ненавидит?

Он понял, что ему просто надоело встречаться с женщинами, стараться понравиться им и играть во все эти игры. Может быть, он действительно был противником отношений, как сказал Джо, но пора было что-то с этим делать.

«И что же ты собираешься делать?» — осмелился поинтересоваться его внутренний голос.

«Я собираюсь перестать ходить на свидания», — ответил он молча.

«А что потом?»

Да разве вопрос в этом? Он мог бы посвятить себя вдовам и сиротам. Стать «матерью Терезой». Вернее, отцом. Когда он умрет, люди будут стекаться толпами к его могиле и усыпать ее цветами в знак благодарности его великой жертве во имя человечества, мрачно подумал он.

Леска на удочке Роба дернулась и туго натянулась. Определенно, что-то попалось на крючок. Теперь придется вытягивать леску, только чтобы отпустить рыбу обратно. Роб плавно потянул, стараясь не повредить рыбе рот.

Он подвел рыбу к борту лодки и подцепил сачком. Отличный экземпляр, если бы он хотел почистить его, выпотрошить и приготовить на ужин. Но он не хотел.

Схватив рыбину, он ощутил, как ее холодное мокрое тело затрепетало в его руке. Крючок застрял. Хвост рыбы забрызгал его водой, когда Роб потянулся к сумке с инструментами за плоскогубцами.

Их там не было. Он вдруг вспомнил, что доставал их, чтобы затянуть болт в лодке, и не помнил, чтобы клал их обратно. Это означало, что они должны быть где-то в грузовике.

Им была предпринята попытка вытащить крючок. Никаких шансов.

Придется грести к берегу, чтобы достать плоскогубцы, оставить рыбу, которая ему не нужна, или отпустить ее с крючком в челюстях, из-за которого она погибнет от голода.

Он опустил рыбину в сачок.

Это всего лишь рыба.

Вот черт! А ведь это уже комплекс «отца Терезы». Он сел на ручку сачка, опустил его свободно болтаться с рыбиной в воду и взялся за весла.

Действительно глупо. Следовало дать рыбе умереть.

Роб начал грести.

Привязав лодку к причалу и взобравшись на него, он обнаружил плоскогубцы на сиденье грузовика. Когда подцепил крючок и наконец-то освободил рыбину, она снова обрызгала его водой в благодарность за труды. Тут зазвонил сотовый телефон, и Роб раздраженно ответил:

— Сейчас восемь часов субботнего утра. У меня выходной.

— Откуда ты знаешь, что это я? — Голос Джо, его партнера по подрядной фирме, звучал удивленно.

— Это должен был быть только ты. Никто другой мне бы сейчас не позвонил. Оставь меня в покое.

— Значит, ты один?

— Я ловлю рыбу.

— Из грузовика?

— Я ловил рыбу. А теперь разговариваю с тобой по телефону, а мне бы этого вовсе не хотелось!

— Слушай, у меня есть для тебя работа.

— Ну конечно. Именно поэтому ты звонишь в такое время.

— Но этой леди действительно нужна помощь. Ее котел…

— Джо, я хочу, чтобы ты перестал отвечать на

телефонные звонки. Пусть это делают секретари. Они знают, как откладывать заказы. А почему ты звонишь мне? Попроси кого-нибудь из наших ремонтников заняться этим.

— Ты не поверишь, но один заболел, а другой на вызове.

— Ну, тогда я тоже заболел. С данного момента.

— Роб, дружище, ты же знаешь, что я сделал бы это сам, если бы мог. — И Джо, вероятно, сделал бы. Но он был совершенно безнадежен, когда дело касалось самого элементарного ремонта водопровода или отопления. Рвение Джо, с которым он старался помочь каждому клиенту, иногда просто сводило Роба с ума, но он старался помнить, что Джо был настоящим гением во всем, что касалось финансовых деталей функционирования подрядной компании.

— Запиши адресок, Роб. — Роб выслушал его и ручкой нацарапал адрес на тыльной стороне ладони.

— Я уверен, Джо, что ты уже пообещал этой несчастной дамочке, будто кто-нибудь приедет к ней сегодня утром.

Наступила долгая тишина. Роб выругался про себя, а вслух сказал:

— Черт возьми. Я хочу, чтобы ты перестал так

делать. Или хотя бы давал клиенту телефоны наших конкурентов. Тогда, если никто не появится, будут выглядеть плохо они, а не мы.

Джо все еще не произнес ни слова.

— Ну ладно, я заскочу туда, прежде чем ехать домой. Но, Джо, теперь ты у меня в долгу.

— Разве я не нашел для тебя самую симпатичную девицу, какая когда-либо ходила по земле? Кстати, как прошло ваше свидание?

— Вообще-то эту девицу я не могу считать услугой с твоей стороны. Фактически это она привела меня к мысли вообще прекратить ходить на свидания.

— Ты ничего не получил?

— Джо, ты невероятно груб. Хочешь верь, хочешь не верь, но женщины могут предложить гораздо больше, чем просто секс.

— Ты бы не думал так, если бы получил его. — Если бы Джо был в пределах досягаемости, ему бы не поздоровилось, и он прекрасно это понимал. Впрочем, должно быть, он понял, что переборщил. — Ну, ладно. За мной должок. Обещаю.

Роб, ругаясь, повесил трубку. Он забрал одежду из лодки, закинул ее в грузовик и вырулил на дорогу, направляясь по адресу, который дал ему Джо.

На пороге дома его встретил фартук. Огромный, крахмальный, сложенный вдвое и перехваченный несколько раз завязками, он был испачкан мукой посередине и по бокам. Внутри его, как Роб наконец заметил, была женщина.

— Я из «Дж. Р. контракторз», — объявил он. — Как я понимаю, у вас проблема?

— Вы слесарь? — с сомнением в голосе спросила она.

— Не совсем… — Роб вдруг осознал, что выглядит так, словно провел прошлую ночь в канаве. Может быть, следовало сказать ей, что он из конкурирующей фирмы, уныло подумал он. Весь вид его говорил о том, что вряд ли он мог преуспеть хоть в чем-то.

Мужчина у двери был самым неряшливым представителем фирмы, какого только Алекс Маккарт видела в своей жизни. Небритый, на грязных джинсах больше дырок, чем ткани, да еще этот рыбный запах. Что же случилось с теми аккуратными чистенькими ребятами в униформе цвета хаки с именами, написанными на нагрудных карманах? Должно быть, они исчезли, когда пришел индивидуализм.

С другой стороны, он приехал по вызову в субботу утром. И это чудо.

Мужчина порылся в заднем кармане и вытащил бумажник, плоский и блестящий от постоянного сидения на нем, и достал из него удостоверение личности. Алекс внимательно изучила его. Он, наверное, был единственным человеком в Соединенных Штатах, который выглядел на фотографии в удостоверении лучше, чем в жизни.

— Отлично, — сказала она, возвращая ему карточку. — Заходите.

Ремонтник вошел в ее дом осторожно, почти опасливо. Она провела его вниз, во влажный тропический лес, который когда-то был ее подвалом. Вода извергалась из двух разных труб, и, несмотря на многочисленные ведра, миски и полотенца, расставленные, чтобы собирать ее, победа явно была за водой. Алекс подняла одно из полных ведер и ногой подвинула на его место, под течь, пустую миску. Она вылила ведро в раковину и поставила его вместо таза. Так она сделала полный круг, заменяя и выливая полдюжины емкостей, а мужчина наблюдал за ней.

— Хорошая система, — заметил он. Алекс стиснула зубы. Если этот рабочий получает пятьдесят долларов в час за то, что отпускает комментарии вроде этого… да она просто не будет платить!

Небрежно взглянув на трубы, он подошел к крану и закрутил его. Вода продолжала капать. Зачем-то поковырявшись в одном из отверстий, этот тип вылил еще больше воды.

Потом он взял ключ и, продвигаясь все дальше от нагревательного котла, проделал в трубе несколько новых дырок, устроив таким образом еще несколько новых течей. Алекс в бешенстве повернулась к нему, и тут ремонтник заговорил:

— О'кей, произошло вот что — две главные трубы, ведущие от радиаторов к котлу, проржавели. Теперь, если вы посмотрите вот сюда, — сказал он, расковыривая еще одну дыру, — то увидите, что вот здесь прогнило примерно шесть футов трубы, а в другой примерно четыре фута.

Алекс посмотрела. Даже она понимала, что это действительно так. Она более-менее могла сообразить, что ему пришлось сильнее разрушить трубу, чтобы выяснить, как сильно она повреждена. Но все же…

— Итак, дешевле всего обойдется отремонтировать это, если заменить проржавевшую часть трубы до того места, где она еще не повреждена. На это уйдет примерно два часа работы, куски трубы и фитинги.

Началось, подумала Алекс. Долларовые знаки

так и замелькали у нее перед глазами.

— Могла я сделать что-то, чтобы этого не случилось? Могу я сделать что-нибудь, чтобы такое не случилось снова?

Ремонтник задумчиво посмотрел на нее. Потом снова перевел взгляд на трубу.

— Этому дому где-то лет шестьдесят?

— Что-то вроде того.

Он пожал плечами.

— Вода собирается в этих трубах после того, как побывала в радиаторах, и остается там, разъедая металл, пока снова не попадет в трубы. За шестьдесят лет это обязательно приведет к повреждениям. Самое лучшее, что вы можете сделать в доме такого возраста, — это целовать трубы и умолять их, чтобы они продержались еще хотя бы год.

Алекс просто онемела. Этот парень что, сумасшедший? Целовать трубы?!

Мужчина секунду внимательно изучал ее.

— Это была шутка, — терпеливо сказал он. — Вы не можете сделать ничего, только регулярно сливать воду из котла и по мере необходимости заменять трубы.

Алекс почувствовала, что ее щеки пылают. Шутка. Она чувствовала себя полной идиоткой.

— Значит… ну… я полагаю, вы можете начать ремонт, — запинаясь, произнесла она.

— Отлично, — ответил мужчина.

Он пододвинул пустое ведро под сливное отверстие котла, наполнил его ржавой водой, вылил в раковину, потом наполнил снова и повторил эти действия несколько раз.

— Когда котел будет пуст, почти все протечки остановятся.

Алекс кивнула, но говорить не могла. Ее глаза не могли оторваться от тела этого мужчины. Он был высок, широк в плечах, но достаточно строен, чтобы можно было видеть движение его мускулов.

Она зачарованно смотрела, как он наклонился над котлом и как при этом заиграли мускулы на его боку и напряглись мышцы на бедрах. Каждое движение казалось легким, не требующим усилий. Он обладал силой, которую даже не использовал.

От него нельзя было оторвать взгляд. Лампочка под потолком подвала подчеркивала, как туго натянулась рубашка на его груди, как плотно сидят джинсы на мощных бедрах, силу, с какой его руки взялись за ведро.

Что-то кольнуло у нее под ребрами. Стало труд-

но дышать.

Он повернулся к ней.

— Это нужно было сделать. — У него были твердо очерченные, привлекательные губы под густыми усами, русые волосы, выгоревшие, почти белые, брови, загорелая кожа. И улыбающиеся голубые глаза.

Алекс сглотнула. Отступила назад.

— Отлично. — Ее голос прозвучал хрипло и сдавленно. Да что такое с ней происходит?

Мужчина направился вверх по лестнице. Его джинсы были старые и потертые и натягивались как вторая кожа, когда он двигался. Алекс облизала пересохшие губы.

Работа была довольно простой. Роб все еще любил работать руками, хотя ему почти уже не представлялось такой возможности. Большую часть своего времени он проводил за составлением планов и смет. Руководящая работа. Практическая работа действовала расслабляюще — если, конечно, вы никуда не спешите.

А дом был очень милым, каким-то тихим и уютным. Это можно было сказать, даже судя по подвалу. Он бы с радостью неторопливо поработал здесь подольше, если бы не был так голоден. Откуда-то доносился чудесный аромат, а ведь Роб

пропустил завтрак. Его желудок категорически протестовал против такого жестокого обращения.

На пороге кухни аромат просто оглушил его. Ваниль, корица и свежевыпеченный хлеб. Этого было достаточно, чтобы заставить взрослого мужчину плакать. Он откашлялся, и фартук обернулся на его голос.

— Если вы покажете мне, где находится термостат, я включу отопление, чтобы убедиться, что устранил течь.

У нее были большие глаза, и она выглядела так, будто готова убежать. Эта леди всерьез нервничает.

— О'кей, — сказала она и повела его в холл. Он включил отопление.

— Это займет всего несколько минут, потом я быстренько уберусь отсюда.

На ее лице промелькнула взволнованная улыбка.

— Вообще-то это занимает почти сорок пять минут. Это старый котел, и… — Она быстро взглянула на него и снова опустила глаза. — Но думаю, вы знаете это… — У нее как будто не хватало дыхания. Или ей не хватало слов? Потом она почти видимым усилием взяла себя в руки.

— Не хотите ли вы чашку кофе и рулет с корицей, пока ждете? — отважилась предложить она.

Все-таки есть Бог на небесах, подумал Роб.

— Это было бы великолепно, — с радостью сказал он.

Она метнулась в кухню, и он последовал за ней. Когда он пришел, она уже достала чашку и наливала в нее кофе, потом принесла тарелку с горой кусков рулета с корицей.

— Мне очень жаль, но все рулеты закончились, остались только такие кусочки. — Та же самая взволнованная улыбка, на этот раз еще и извиняющаяся. — Но на вкус они хорошие. Надеюсь, вы не против.

Они просто таяли у него во рту — сахар, масло и корица.

Роб выглядел огромным, когда сидел за кухонным столом. Стул под ним казался тонким, хрупким, а тарелка — маленькой. И он привнес что-то необъяснимое в кухню. Силу? Мощь?

Мужественность.

Именно это и было. Именно так он и сидел — непринужденный и уверенный в себе. И эти его размеры — плечи, натягивающие рубашку, мощные руки, большие ладони. Он даже пах мужчиной… Лосьон после бритья? Мыло? Его

собственная кожа?

«Ты несешь чепуху. Не пора ли тебе собраться с мыслями?»

Алекс резко выпрямилась, заметив, что стоит, наклонившись над ним. Она отошла к раковине и опустила руки в мыльную воду, ища, что бы вымыть. Это нервы. Ей пришлось много нервничать сегодня.

Когда она обернулась, тарелка с коричными рулетами была почти пуста.

Этот человек ест так, будто не садился за стол несколько недель.

Роб ел. У него были хорошие манеры, но рулеты уже почти исчезли, а ведь она дала ему огромную тарелку. Алекс посмотрела на него снова, стараясь быть объективной.

Ну, может быть, он ест нерегулярно. Может быть, и работает нерегулярно. Это могло бы объяснить его грязную одежду. Но как об этом узнать?

— Я признательна, что вы пришли сегодня утром, чтобы починить котел. Надеюсь, вам не приходится работать по выходным слишком часто.

— Нет проблем. Обычно я не работаю на вызовах в «Дж. Р.», но в этот раз вызвали меня.

Значит, он работает на них не постоянно. Алекс

пыталась придумать другой вопрос, который бы не прозвучал слишком очевидно, но мужчина внезапно встал.

— Надеюсь, вы не собирались сохранить эти рулеты? — Он застенчиво посмотрел на нее. — Я был чертовски голоден. А они оказались так похожи на рулеты от «Тетушки Эм».

Она улыбнулась, очень довольная.

— Они и есть от «Тетушки Эм».

Его чашка замерла на полпути ко рту.

— Это вы — Тетушка Эм?

— Вообще-то меня зовут Алекс. Но для бизнеса я использовала имя подруги. Алекс звучит не слишком уютно. Не по-домашнему.

— Вы делаете их здесь?

Алекс была довольна. Мужчина говорил с искренней заинтересованностью. Она же могла заговорить любого до потери сознания разговорами о своем пекарском бизнесе.

— Прямо вон там. — Она указала на маленькую комнатку рядом с кухней.

Роб вошел в крошечную пекарню, сиявшую чистотой. Пол был все еще влажный после мытья. Там стояли две промышленные печи, стопки огромных противней, рабочий стол, раковина. Это было единственное в доме хорошо оборудо-

ванное помещение с острыми углами; но даже здесь ей пришлось экономить, втискиваясь в пространство, которое когда-то было, кажется, черным ходом.

Он вспомнил, что это значит — начинать свой бизнес, жить на очень небольшие средства. Но ему не нужно было растить детей. А у этой леди, кажется, они были. Неудивительно, что она дошла до полного нервного истощения, пытаясь выжить, считая каждую копейку.

Может быть, счет, который он выставит за ремонт котла, пробьет брешь в ее финансах. Пусть Джо обойдется без прибыли. Он теперь у него в долгу.

— Похоже, кто-то сделал для вас хорошую работу, — сказал Роб.

— О да, они поработали на славу, — с энтузиазмом отозвалась Алекс. — У меня постоянный заказ на пять лет на поставку сладких рулетов плотникам. Они дали мне скидку. И сделали очень доброе дело. Иначе я не смогла бы расширить дело до тех пор, пока дети не закончат колледж. Мне нужно было быть дома, пока двойняшки были маленькими, а медицинская помощь стоила больше, чем я могла… — Она умолкла, румянец начал заливать ее щеки. —

Простите. Ну и тогда я взялась за изготовление рулетов с корицей от «Тетушки Эм» и так и не остановилась, зная, что никто, кроме меня, не находит это таким уж занимательным.

— А что, отец детей не помог вам? — Он проигнорировал ее извинение.

— Погиб в автомобильной аварии, когда они были еще совсем маленькими. Они даже не помнят его.

— Так вы вдова?

Что-то в его голосе заставило ее поднять глаза. У Алекс были большие серо-голубые глаза, от которых он, кажется, мог бы растаять.

— Да.

Роб отвернулся.

— Примите мои соболезнования насчет вашего мужа.

«Вдова с детьми», — подумал он. Ситуация оказалась даже более печальной, чем можно было представить.

— Это было очень давно, — сдержанно ответила она, возвращаясь в кухню.

Мужчина последовал за ней. Что он там говорил — всего несколько часов назад? Что-то о том, чтобы посвятить себя вдовам и сиротам. Легкомысленные слова. Ни к чему не обязывающие.

* * *

— Послушайте, мистер… как вас зовут? — Она прочитала тогда имя в его удостоверении личности, но при взгляде на него оно вылетело у нее из головы. Он действительно был красив — под слоем грязи.

— Роб. Роб Кейлен.

Алекс глубоко вздохнула.

— Роб, не хотите ли вы сделать для меня еще кое-какую работу? Я заплачу вам столько, сколько вы обычно получаете за ремонт, а вы могли бы делать это в любое время, когда свободны от другой своей работы.

Он посмотрел на нее, почему-то смутившись. Она просто хотела помочь ему. Он не был похож на попрошайку. Алекс надеялась, что не обидела его нечаянно. Она никогда не делала ничего исподтишка. Но он был таким голодным. А дом отчаянно нуждается в ремонте. Список того, что нужно отремонтировать, был длиной с ее собственную руку.

— Я вовсе не хочу отбирать работу у «Дж. Р.». Вы умеете делать то, что не относится к водопроводу?

Мужчина медленно кивнул:

— Я умею делать почти все.

Она верила ему. Он выглядел таким надежным.

«Ты не знаешь ничего об этом человеке», — предостерег ее внутренний голос. Но, идя на компромисс, подумала она, я ведь не предлагаю ему ничего, кроме еще одной работы. Если это не получится, я не обязана просить его вернуться.

Роб простонал про себя. Зачем ему все это! Он ведь не на самом деле обещал помогать вдовам и сиротам. Это была шутка.

Но что ему теперь делать в свободное время, если ни с кем не встречаться? Он нахмурился. Помощь фартуку, оказавшемуся в затруднительном положении, не была на первом месте в его списке.

Сироты, подумал он. Ну, во всяком случае, наполовину сироты. Овдовевшая мать. Но многие люди нуждаются в помощи больше, чем она. У нее есть крыша над головой и работа, приносящая деньги.

В то же время вдова, нуждающаяся в помощи, оказалась на его пути сразу же после того, как он пообещал помогать вдовам. Он потратил свое свободное время. Не важно, что ему нравилось работать тут, что это было спокойно и неспешно.

И он наверняка наберет лишний вес на рулетах с корицей.

Великолепно. Он не только должен помогать вдове, ему придется пожертвовать жизнью — он непременно заработает болезнь сердца. Ведь кондитерские изделия «Тетушки Эм» изобиловали сливочным маслом.

Приободрись, уговаривал он себя. Просто попробуй разок. Ты же, в конце концов, всегда можешь сказать «нет».

Роб посмотрел на женщину. Кажется, она боится, что обидела его. О Господи, неужели у него нет ни грамма здравого смысла?

— Договорились, — услышал он свой собственный голос. — Я буду здесь в следующую субботу.

Глава 2

— Может, перестанешь дергаться? — сказала Эмма серьезным тоном, который использовала лишь тогда, когда любимая подруга помогала ей обслуживать вечеринки.

— Я просто хотела посмотреть, что ты там делаешь. — Алекс вытянула шею, чтобы заглянуть в зеркало.

— Ты сможешь посмотреть, когда я закончу.

— А что, если мне не понравится то, как я выгляжу?

— Ты все равно будешь продолжать так выглядеть, потому что ты не захочешь ранить чувства твоей самой близкой подруги, которая потратила целый час, чтобы ты выглядела как femme fatale[1]. Знаешь, я ведь могла бы в это время делать что-нибудь приятное. Например, обслуживать похороны.

— Я не думаю, что у меня есть потенциал роковой женщины.

Эмма самодовольно улыбнулась:

— Тогда ты будешь очень удивлена.

---

[1] Примечания: 1
роковая женщина *(фр.).*

— А что, если мы напрасно устроили тут всю эту суету и парни окажутся абсолютными неудачниками?

— Что это еще за «мы»? — возразила Эмма. — Насколько я вижу, только ты суетишься, сидя в этом кресле.

— Ну хорошо, хорошо, я очень нервничаю.

— Я признательна тебе за эту жертву. А парни, вероятнее всего, окажутся неудачниками.

— Что?! Столько хлопот, а ты думаешь, что парни окажутся не пойми чем?

— Вообще-то я практически уверена, что они именно этим и окажутся, — ответила Эмма.

— Значит, ты потратила уйму времени, наряжая меня, а я при этом заработала нервное истощение, только для того, чтобы мы могли провести вечер, который обе возненавидим?

— Ты не возненавидишь этот вечер. — Эмма сильно стянула волосы Алекс и понизила голос. — Сегодня вечером ты начнешь реализовывать свой потенциал, обнаружив в себе привлекательность, о которой никогда и не подозревала. — Она наконец развернула Алекс лицом к зеркалу. — Ты будешь ослепительной женщиной!

Пока Эмма вытягивала из прически пару соблазнительных золотистых завитков у висков,

Алекс сидела, уставившись на свое отражение. Она как будто смотрела на кого-то другого. Собрав ее волосы вверх и назад, оставив буйство кудрей спускаться на плечи, подруга наложила ей макияж — так великолепно, что кожа Алекс стала выглядеть просто фарфоровой и ни одной веснушки не было заметно.

— Полюбуйся, какая красота! — воскликнула Алекс, ошеломленная своим перевоплощением.

— Нет времени. Тебе еще надо одеться. У меня есть для тебя пара джинсов и шелковая блузка.

Алекс внимательно посмотрела на джинсы.

— Эмма, эти джинсы я купила для Дарси. Они не подойдут мне.

— Они не могут принадлежать Дарси. Они же не украшены живописными дырами.

— Только потому, что она еще не успела поработать над ними.

— Ну, значит, они прекрасно подойдут тебе. В кантри-бар надо идти в джинсах.

— Но эти джинсы сшиты на четырнадцатилетние бедра. А мои четырнадцатилетние бедра уже постарели на двадцать лет.

— Просто придется лечь на кровать, чтобы застегнуть молнию.

— Что?

— И радуйся, что я не заставила тебя намочить их и высушить на твоем теле.

Алекс не двигалась. Эмма повернулась к ней.

— Надевай джинсы и рубашку. — В ее голосе появилась резкость. — Сегодня вечером ты будешь делать все по-моему и посмотришь, что из этого получится. После этого ты можешь вернуться к своей обычной жизни… если, конечно, захочешь.

Возмущенно пробормотав что-то, Алекс вдруг поняла, что имеют в виду подростки, когда говорят о деспотичных взрослых. Но она подчинилась. И джинсы застегнулись бы, даже если бы она стояла! Она надеялась только, что ей не придется ничего подбирать с земли…

Пришлось подкоротить джинсы. Дарси уже была на три дюйма выше, чем мать, и все три — в ногах. Потом Эмма достала из шкафа туфли и швырнула их Алекс.

— Ну честно, я не смогу надеть их. Они натрут мне ноги.

— А выражение «красота требует жертв» что, ничего для тебя не значит? Надевай туфли!

Алекс повиновалась.

— Великолепно! — немедленно отозвалась Эмма. — Идем.

— А как же ты?

— Что «как же я»?

— Разве мы не будем целый час выдирать твои волосы и терзать твое тело?

Эмма улыбнулась:

— Не дождешься.

Когда они пришли, бар был почти пуст; огни горели ярко, негромко играла музыка.

— Мне представлялось место потемнее, — сказала Алекс, — где никто не мог бы меня видеть.

— Ты выглядишь великолепно. Поверь мне.

— Привет! — прогрохотал голос из противоположного угла зала. — Вы, должно быть, Алекс и Эмма.

Алекс и Эмма обернулись на звук. Как, впрочем, и все в зале.

— Как приятно встретить вас, — пророкотал голос. — Идите сюда. — Двое мужчин встали. Один из них явно занимался бодибилдингом: огромный, мускулистый, с такой толстой шеей, что голова казалась крошечной. Другой был худой, бледный, с редкими волосами — почти невидимый рядом с ним. Естественно, громовым голосом обладал маленький. Алекс проскользнула на свое место, пока мужчины исходили слюной.

— Позвольте угостить вас выпивкой. — Не-

сколько человек, уже вернувшихся к своим разговорам, снова подняли головы. Такой голос заслуживал более значительных слов.

«Голос», которого звали Том, пошел за пивом. «Тело», Гарри, сидел, нахмурившись, и молчал. Алекс бросала нервные взгляды на Эмму, но та не делала никакой попытки завязать разговор. «Отлично, я сама могу сделать это», — подумала Алекс.

Ее бабушка подготовила внучку к этому моменту много лет назад.

«Делай вид, что ты можешь, когда ты думаешь, что не можешь, — учила она. — Никто никогда не узнает, в чем разница».

Так что сегодня Алекс будет играть роль привлекательной женщины. Соблазнительной. Пользующейся успехом. Плохо только, что ее пальцы мертвой хваткой вцепились в сумочку.

— Так кто у нас фанат кантри-музыки? — Том вернулся с пивом.

Эмма завела разговор, а Алекс скромно помалкивала. Если она будет ждать, пока Гарри начнет разговор, она может за вечер вообще не сказать ни слова.

Разговор перешел на профессии. Том руководил рестораном быстрого питания и в свободное вре-

мя играл в любительском театре. Гарри рассказал, что живет на пособие и поднимает тяжести. Никогда бы не подумали!

К счастью, заиграла музыка. Гарри нахмурился.

— Потанцуем? — пробормотал он. Или может, он только дернул головой, а ей послышалась речь?

— О'кей. — Алекс встала. Она узнала мелодию, под которую двойняшки танцевали дома. Она знала этот танец.

Поразительно, но Гарри действительно умел танцевать, и к концу второго танца Алекс стала получать удовольствие. Она была первый раз за долгое время в компании взрослых людей, и ей нравилось танцевать, а Гарри не требовал от нее поддержания разговора.

Вернувшись к столу, Алекс едва успела отхлебнуть пива, когда у ее локтя появился незнакомый мужчина.

— Не хотите потанцевать? — спросил он. Она посмотрела на Эмму. А каковы правила? Должна ли она все время оставаться с Гарри и Томом или можно танцевать с другими? Но Эмма старательно делала вид, что увлечена только тем, что говорит Том.

— Вы не против? — спросила она Гарри. Гарри пробурчал что-то неопределенное, что Алекс расценила как согласие, и к концу вечера она танцевала с пятью разными мужчинами, и даже не по одному разу.

— Ну, так что ты думаешь? — спросила Эмма, когда вечер закончился, и они отделались от своих кавалеров.

— Если сложить их двоих, как раз хватит качеств для целого человека, — смеясь, признала Алекс.

— Я не имела в виду Тома и Гарри, — фыркнула Эмма. — Я о том, как тебе понравился бар, танцы и встречи с мужчинами?

— Это было великолепно. Я чувствовала себя королевой бала, — ответила она. — Разумеется, эта королева школьного бала не имеет ничего общего со мной реальной, но я прекрасно провела время.

— Я рада, что тебе понравилось, — самодовольно ухмыльнулась подруга, — потому что я уже выбрала нам двух других парней для следующего свидания.

* * *

— Получил что-нибудь?

— Черт побери, Джо! Ты не думаешь, что мы могли бы начать хотя бы одно утро понедельника с другой темы? С любой другой темы — спорт, погода, политика, артрит твоей матери…

— Значит, не получил!

Роб направился в свой кабинет. Джо, никогда не отличавшийся тактичностью, следовал за ним по пятам.

— Так что случилось с Джоани?

— Ничего.

— Роб, ты такой джентльмен. Я правда восхищаюсь этим. Если бы у меня что-то было с женщиной, я бы не мог удержаться и сразу же рассказал об этом.

— Джо, я пошел домой — к себе домой — сразу же после того, как отвез ее домой — к ней домой.

— Ты позволил ей ускользнуть? Ты же ей понравился. Она такая классная, какой только может быть молоденькая девчонка. Что с тобой случилось?

Роб глубоко вздохнул:

— Получилось так, что она показалась мне родственницей. Вроде кузины или еще кого-то.

Джо наморщил лоб.

— В этом штате можно и с кузинами, — заявил он после недолгого раздумья.

— Это была шутка, Джо. — Роб уселся за стол. — Мне просто было неинтересно.

— Неинтересно? — Джо удивленно открыл рот. — Неинтересно? — Он сел на краешек стола Роба. — Ты не заболел, а? — В его голосе слышалась неподдельная озабоченность. — Только скажи мне, и я помогу тебе, если ты болен.

— Я совершенно здоров, Джо.

Роб переключил свое внимание на копии заявок и забыл о существовании партнера, пока тот не напомнил о себе, грохнув рукой по столу.

— Это все тот вызов в субботу утром, — сокрушался он. — Проклятие, Роб, я мечтал об этом с того самого дня, как мы открыли это дело! Я поеду по вызову чинить протекающий кран и встречу потрясающую женщину, одетую во что-нибудь прозрачное. Это была моя мечта, а повезло тебе. — Это было сказано с искренним разочарованием.

— Джо, ты не мог бы починить протекающий кран, даже если бы от этого зависела твоя жизнь.

— Ну ладно, и как она выглядела?

— Фартук, — рассеянно ответил он, уже вернувшись к своим подсчетам.

— Фартук? Она была похожа на фартук? — Джо задумался над таким образом. — Могу это представить, — медленно произнес он. — Кружевной белый фартук, прозрачный, и ничего под ним. Черные туфли на высоких каблуках. Какого цвета у нее волосы?

Роб сосредоточился на своих цифрах.

— Ее волосы… не знаю… рыжие, кажется.

— Рыжие волосы, до плеч. Что еще?

— У нее очень красивая улыбка. — Он помолчал, вспоминая. — И она ужасно нервничала.

— Нервничала? — Джо стукнул кулаком по оконной раме. — Может быть, это у нее в первый раз? И ты был там. — Он кивнул сам себе, оценивая ситуацию. — Роб, — вдруг объявил он, — я решил научиться ремонтировать котлы. Досконально. Ты можешь научить меня.

— Что? — Джо наконец-то удалось привлечь внимание Роба. Он поднял глаза на своего партнера. — Мы могли бы с тем же успехом перечитать Библию или отправить тебя в поле. Ну а теперь будь хорошим мальчиком и найди для себя пару-тройку девиц, пока я закончу эту смету. — Он даже не слышал отчаянного стона Джо, так был поглощен цифрами, лежащими перед ним.

Однако позже, когда все столбцы были просчи-

таны и сведены, образ просвечивающего фартука и струящихся рыжих волос всплыл откуда-то из глубины его сознания. О чем там говорил Джо?

Роб перевернулся на бок и искоса взглянул на часы около кровати. Почти десять. Субботнее утро. Ему уже скоро придется отправляться к вдове. Он выглянул в окно. Солнце сияло. Наверное, тепло. Прекрасное утро в начале весны.

Ехать не обязательно. Он ведь не давал клятвы. Вместо этого он мог бы покататься на автодроме или покидать мяч. Или забраться в спортивный магазин, чтобы посмотреть, не устроили ли они распродажу тех клюшек.

Роб снова уткнулся в подушку. Черт возьми, было бы так приятно отправиться куда-нибудь проветриться вместо того, чтобы торчать в доме, ремонтируя ржавую трубу. Но если он не поможет Алекс, то будет чувствовать вину до конца своих дней. Он не поедет к ней больше, а поедет только сейчас.

Сегодня он не выглядит таким грязным, подумала Алекс, открывая дверь. Он побрился, а его одежда, вроде бы та же самая, которая была на нем в прошлый раз, была чистой. И он избавился от того рыбного запаха.

Роб действительно был великолепен. Его ресницы были почти такие же, как брови, — густые и темно-золотые. Волоски на руках тоже золотились в солнечном свете. Руки выглядели теплыми и сильными, а его ярко-голубые глаза…

Тпру, сказала она себе. Это не свидание. Каждый мужчина вдруг стал казаться ей кандидатом, даже этот бедолага, которого она попыталась вытащить с улицы.

— Заходите. Давайте выпьем по чашечке кофе со сладким рулетом, и я расскажу вам, что нужно сделать.

Роб вполне уютно устроился в кухне. Там все так же чудесно пахло… и она приготовила отличный кофе. К тому же у Алекс была великолепная улыбка, именно такая, как он сказал Джо. И рыжие волосы — золотисто-каштановые — очень сексуального цвета. Он вдруг подумал, снимает ли она когда-нибудь этот фартук.

Женщина дала ему список работ, который, видимо, уходил корнями во времена, когда ковчег Ноя первый раз нашел твердую землю.

— Я начала составлять этот список, когда только въехала в этот дом, — сказала она извиняющимся тоном, — но мне, похоже, удалось вычеркнуть не слишком много пунктов. — Она говорила быстро,

почти задыхаясь. — Я отложила почти триста долларов и надеялась, что, может быть, вы просто начали бы выполнять ремонт прямо по списку и работали бы, пока не кончатся деньги. — Она взволнованно перевела дух.

Роб просмотрел список.

— Я могу сделать почти все, но не думаю, что деньги удастся дотянуть до конца этого списка.

— Я буду признательна за все, что вы сможете сделать. — Алекс улыбнулась, и Роб понял, что попался на крючок.

Хозяйка одолжила у соседа стремянку, и нанятый работник начал соскребать краску на задней стене дома. Работать на солнышке было просто замечательно. В воздухе пахло весной. Он подцепил отставший кусок краски и оторвал полоску длиной в фут. Было бы неплохо заново покрасить весь дом, но он, разумеется, не мог бы сделать это за триста долларов. Но сегодняшняя подкраска в любом случае продержится какое-то время.

Он только начал отрывать другой лоскут отслоившейся краски, как оглушающая музыка вдруг резко вырвалась из открытого окна. Он вздрогнул и еле успел подхватить скребок, вылетевший из его руки.

Тяжелый металлический рок визжал и завы-

вал на полную мощность. Это было почти так же приятно, как поход к зубному врачу, и звучало практически так же. Роб невольно стиснул зубы.

Музыка неожиданно прекратилась, из окна донеслись пронзительные звуки ссоры. Потом магнитола снова была включена, но на этот раз на поп-волне. Однако ничуть не тише. Звук все еще был достаточно громким, чтобы вызвать резкий всплеск продаж слуховых аппаратов во всей округе.

В следующие несколько минут музыка включалась и выключалась несколько раз, всегда с криками и воплями. А потом в паузе он услышал голос Алекс — низкий, медленный и очень властный. Слава Богу. Когда музыка заиграла снова, это была та же поп-волна, но звучала она значительно тише.

«Итак, похоже, я только что встретился с двойняшками», — подумал он.

Обдирая краску у окна на черной лестнице, он увидел одну из них и во плоти. Она была высокая, рыжеволосая, угловатая и вся в веснушках.

— Привет, я Дарси, — сказала она.

— Роб, — кивнул он. — Ты та, что любит рок или поп?

Дарси ухмыльнулась:

— Я не люблю рок, но Шеннон от него просто на стенку лезет.

— Заставить сестру лезть на стену было одним из моих самых любимых развлечений, — сказал он.

Она широко улыбнулась, ее веснушчатое лицо просто светилось удовольствием.

— Самое лучшее, — удовлетворенно признала она, отковыривая пальцами отслоившиеся куски краски. — А вы будете с нами обедать? Сегодня моя очередь готовить. Я постараюсь изобрести что-нибудь эдакое, чтобы мама поняла, какая это глупая затея — заставлять меня готовить.

— Ты хочешь сказать, что мне лучше пойти в «Макдоналдс»? — спросил Роб.

Дарси пожала плечами.

— Ну, я не сделаю обед совсем уж несъедобным. — Она снова радостно улыбнулась.

— Просто жду не дождусь, — сказал он.

Они ели в залитой солнцем столовой. Роб готов был поспорить, что стол тоже накрывала Дарси — ему пришлось тянуться за своими вилкой и салфеткой.

Полная противоположность сестре, Шеннон была округлой там, где у Дарси были одни острые углы. Темноволосая, кареглазая и серьезная. Ко-

гда они уселись, Дарси быстро швырнула тарелки на стол. На каждой лежал сандвич и кусок чего-то неизвестного.

Никто не произнес ни звука. Алекс осторожно откусила кусочек своего сандвича. Она жевала, не делая никаких замечаний. Девочки с интересом наблюдали за ней. Роб с безрассудством авантюриста откусил маленький кусочек.

Тунец, сливочный сыр и свежий хлеб. Он пожевал еще. На зубах что-то хрустело. Арахис.

— Питательно, — наконец объявила Алекс. — Хотя ты, похоже, добавила дробленый арахис для своеобразия, — задумчиво сказала она. — Тем не менее мне всегда нравилось что-то хрустящее в моем салате с тунцом.

Дарси выглядела немного разочарованной. Шеннон медленно откусила. Никто не упомянул другое кушанье на тарелках, и Алекс отодвинула неопознанный кусок на край тарелки. Роб последовал ее примеру.

После нескольких секунд молчаливого осторожного жевания все расслабились. Дарси начала говорить. Быстро. Что-то об игре в волейбол. Шеннон подхватила ее темп. Это было похоже на соревнование, когда один начинает предложение, а другой должен закончить его.

— Я сделала лучший в мире бросок… — Дарси.

— …когда Холли Уолтерс полностью продула, то есть я хотела сказать проиграла все, — Шеннон.

— И конечно, никто не мог взять его, потому что она влезла прямо у меня на пути. Так что я решила, что смогу…

— …вернуть ее. Так что в следующий раз, когда она… — Роб взглянул на Алекс, которая совершенно спокойно воспринимала весь этот гвалт, и решил, что лучше всего жевать в молчании. Сандвич начинал нравиться ему все больше. Дарси была права. Это действительно было нечто «эдакое».

Он внимательно всмотрелся в таинственную еду, а когда снова поднял глаза, обе девочки исчезли — голоса, тела, тарелки.

— Давайте-ка я принесу вам рулет с корицей, — предложила Алекс. — Вы будете рулет?

Что-нибудь острое было бы даже лучше, подумал он, совершенно ошеломленный. Она, наверное, даже не осознавала, что ежедневно живет в такой бурной атмосфере, в которую обычные люди не попадают месяцами. Как люди вообще умудряются сосуществовать с тинейджерами? И как они позволяют тинейджерам выжить? Вероятно, мать девочек знала ответ.

— Жаль, что так получилось, — сказала она, возвращаясь с огромной тарелкой кусков рулета с корицей. — Дарси иногда любит разыгрывать комедию перед посторонними.

— Вы хотите сказать, что она просто идеальный ребенок, когда находится в кругу своей семьи? — с издевкой спросил Роб.

Алекс посмотрела ему в глаза. У нее были густые, темные ресницы и прекрасные глаза, которые — улыбались.

— Она становится еще хуже, когда остается наедине с нами. А хуже всего то, что я была точно такой же в ее возрасте.

У Роба самая милая в мире улыбка, подумала Алекс. Она как будто окутывала ее и согревала все, чего касалась, заставляя ее улыбаться в ответ. И для мужчины, который не привык общаться с детьми, он абсолютно спокойно воспринял этот опасный для жизни обед.

Хотя, может быть, у него есть свои собственные дети. Она посмотрела на его левую руку. Кольца не было. Но это вовсе ничего не значило. Многие женатые мужчины не носят обручальных колец. И зачем она вообще туда смотрела?

— Как продвигается покраска?

— Отлично, — ответил он. — Южная стена в

плохом состоянии — там я почти все крашу заново, но остальное пока держится. Сколько у вас краски?

Они говорили о краске и о работе, и Алекс почувствовала себя еще свободнее. С этим мужчиной было легко общаться, и он явно не ждал от нее, что она будет изображать «роковую женщину в фартуке». А бывают ли у мужчин вообще такие фантазии?

Глава 3

— Не хотите ли выпить чего-нибудь прохладительного? — Алекс подошла к стремянке.

Робу было жарко. Была еще даже не настоящая весна, но солнце грело по-летнему и отражалось от стен дома.

— Это было бы великолепно. Дайте мне еще минут пятнадцать, и я закончу грунтовку.

Он посмотрел вниз. В солнечных лучах ее волосы, без всякого сомнения, были рыжими. У нее действительно прекрасные волосы. Забавно, как такое случается. Во всех отношениях обыкновенная женщина с волосами, которые смело можно было бы использовать для телевизионной рекламы.

Роб нанес грунтовку на большой очищенный кусок стены, и брызги грунтовки заляпали его джинсы около колена, а через дыру в джинсах и само колено.

Эти штаны, должно быть, уже миновали лучшую пору своей жизни. И по словам Джо, он выглядит в них как отщепенец. Вероятно, он прав.

Роб перестал красить и опустил кисть. «Готов поспорить, Алекс думает, что я какой-то безработный слесарь, которого „Дж. Р.“ использует для случайных субботних вызовов. Вот почему она предложила мне работу и продолжает меня кормить. Черт побери, она наверняка пытается помочь мне, стараясь не ранить мои чувства».

Роб продолжил красить. «Как это мило с ее стороны, — думал он. — Она вносит свою лепту в исправление ошибок человечества. Точно так же, как и я».

Роб чуть не рассмеялся. Вот он здесь, помогает вдове и полусиротам, пока она помогает побитому судьбой безработному помощнику.

«Вот интересно, позволила ли бы она помогать ей, если бы знала, что я не нищий? Наверное, нет», — решил он.

«Итак, она ведь собирается заплатить мне. А мне придется взять деньги, чтобы она думала, что помогает мне, а не наоборот. Черт, эта благотворительность становится такой сложной».

Когда он стал спускаться с лестницы, внутренний голос снова прицепился к нему: «Возьми деньги и потрать их на материалы».

Роб пожал плечами, чувствуя неловкость. Это будет обманом. Даже несмотря на то что делается

во благо.

«У тебя есть идея получше?» — спросил он себя.

Ответ был «нет».

Она поставила на стол огромный стакан чая со льдом. Стенки стакана запотели, и капельки воды уже начали скатываться вниз. Язык Роба вдруг стал тяжелым, горло перехватило. Ему было жарко. Так жарко, что вдруг захотелось нырнуть в этот стакан и плыть, плыть, до тех пор, пока он не высохнет.

Вытерев пот над верхней губой и пытаясь вести себя цивилизованно, он сел за стол и стал ждать, пока она сядет.

— Приступайте, — предложила она. — Мне еще нужно замочить несколько противней. Я закончу через минуточку.

Чай смочил горло. Может быть, даже слишком холодный. Но замечательный. Роб медленно опустил стакан.

На столе лежала развернутая газета. Он увидел большие буквы рекламы «Дж. Р.» на странице объявлений о знакомствах. Роб медленно покачал головой и снова глотнул чаю. Это была идея Джо — дать рекламу на этой странице, Роб же считал это безумной затеей.

Но Джо оказался прав. По этой рекламе они получили множество звонков. По большей части это оказались разведенные мужчины и женщины или молодые, только что купившие свой первый дом.

Джо постоянно придумывал такие штуки. Роб скорее рассчитывал бы на устные рекомендации или давал объявление в «Желтые страницы». Но Джо умел сделать бизнес успешным. И он был хорош в представительском качестве. Мог торговаться с поставщиками и завоевывать клиентов, в то время как Роб целиком обеспечивал то, что касалось собственно работы. Это было хорошее партнерство.

— Интересуетесь объявлениями? — спросила Алекс.

Она присоединилась к нему с кувшином ледяного чая и стаканом для себя. Она налила ему еще чаю.

— Не совсем. Скорее, просто любопытствую. Я никогда не мог понять, кто же отвечает на такие объявления.

Алекс выглядела взволнованной.

— Вообще-то мы с моей подругой Эммой отвечаем.

Роб удивленно поднял глаза. Надо быть послед-

ней идиоткой, чтобы отправиться на свидание по объявлению в газете.

— Простите.

— Не извиняйтесь. Я тоже считаю это безумием, — сказала она, и ее голос звучал спокойнее, чем когда-либо раньше. Может быть, ей просто требовалось время, чтобы проявить заинтересованность в людях. — Эмма влезла в эту кампанию, чтобы заставить меня — ну, я не знаю — встречаться с мужчинами, или изменить мою жизнь, или, может быть, дать ей моральную поддержку. В любом случае мы делаем это.

— И вы действительно ходили на свидание?

Алекс улыбнулась:

— Действительно ходила. Это было совместное свидание — двое мужчин встречаются с двумя женщинами. Мы встречались в кантри-баре. Один из них ничего не говорил, а другой только и делал, что говорил. Один телосложением напоминал танк, а другой едва мог поднять свой бокал с пивом.

— И тот, кто мог говорить, не был тем, с крепким телосложением.

— Как вы догадались?

— Да ладно, а почему вы собираетесь туда снова? — Это прозвучало как бы заинтересованно.

Он никогда не разговаривал с женщинами вот так запросто.

Алекс покачала головой:

— Я не совсем уверена. Я только что высказала Эмме все, что думаю об этих парнях, и вот уже мы планируем встретиться еще с двумя.

Она сделала большой глоток чая.

— Вообще-то, — вдруг созналась она, — это не совсем правда. Я делаю это снова потому, что хорошо провела время. Не с мужчинами, а просто потому, что «вышла на люди». Я не ходила на свидания с тех пор, как умер мой муж. Я все время была очень занята с близнецами и начинала свой пекарский бизнес. И… — Она помедлила, рисуя стаканом круги на столе. — Мне на самом деле не хотелось этого.

Он украдкой изучал ее, делая вид, что занят только своим чаем со льдом. Она, должно быть, была совершенно опустошена, когда умер ее муж.

— В общем, я шла на это свидание с мыслью, что все будет ужасно, а оказалось совсем наоборот. А поскольку я не жду, что встречу прекрасного принца, это может быть просто забавно — пойти куда-нибудь и встретиться с новыми людьми.

Она начала вертеть в руках ложку, потом тре-

вожно взглянула на него:

— Как вы думаете, в этом нет ничего плохого, если я иду туда, заранее зная, что не хочу ничего постоянного? То есть вы не думаете, что я должна проявлять к этим мужчинам какой-то серьезный интерес?

— Я не знаю, — медленно произнес он. — Думаю, если вы уверены, что не хотите ничего постоянного, вы не должны отвечать на объявления, в которых говорят, что хотят длительных отношений. Но… — Он сглотнул. Почему это прозвучало так плохо? — Есть много мужчин, которые просто хотят поразвлечься.

Ее рука крепче обхватила стакан. На этот раз она не посмотрела на него.

— Я не имела в виду — ну, спать с кем-то. Я имела в виду общение.

— А, общение, — тупо повторил он.

Алекс усмехнулась:

— Невероятно, да?

Роб пожал плечами:

— Думаю, это возможно.

Алекс покачала головой:

— Я все прекрасно понимаю. Я ведь уже большая девочка.

— Так, а почему вы не хотите чего-нибудь се-

рьезного?

— Хотите правду?

— Без сомнения.

— Мой муж убедил меня, что жена не лучшее для меня амплуа.

— Как это? — Он думал, что она просто идеальная жена — готовит чай со льдом, помогает бездомным и ведет свой собственный бизнес, имея на руках дом и двоих детей. И она очень привлекательная женщина.

Может быть, муж считал ее глупой? Какой она, кстати, не была. Хотя это не его дело. Роб был нанят только помогать, а не размышлять о ее привлекательности.

— Мне кажется, вы могли бы привлечь любого мужчину, — сказал он, удивляясь самому себе.

Она покраснела, и они оба торопливо допили чай.

Все дело в том, как он сказал это — так просто и мило. Ведь ему не надо от нее ничего, подумала Алекс. Он всего лишь констатировал факт. Что ж, с ним приятно общаться.

* * *

Через неделю Роб вернулся в дом, чтобы покра-

сить то, что загрунтовал раньше. И раз уж он был здесь, то укрепил шатающиеся ступени заднего крыльца. А на следующей неделе он, пожалуй, займется ремонтом крыши или раковиной в ванной.

«А что же с обещанием прийти сюда только один раз?» — ехидно поинтересовался его внутренний голос.

Роб вымыл руки и плеснул воды себе в лицо и на волосы. Он не понимал, что происходит. Ему нравится бывать здесь. Нравится разговаривать с женщиной, с которой не встречаешься, и с близнецами. Все, что он делал, выглядело как спектакль. Он был как рыцарь на белом коне по домашнему ремонту.

И все дополнительные преимущества были хороши. Даже неограниченное количество сладких рулетов и самые экстравагантные обеды, какие он ел в своей жизни. Сегодня снова готовила Дарси: гамбургеры без необычных ингредиентов и масса попкорна, политого шоколадным сиропом и посыпанного алтеем и арахисом.

— Я просто смешала все мои самые любимые продукты, — улыбаясь, сказала она. Роб не стал поддразнивать ее, не будучи уверенным, шутит она или говорит серьезно.

А теперь он намеревался удобно устроиться со стаканом чая со льдом рядом с Алекс. И сказать по правде, он с нетерпением ждал этого момента всю неделю. Запотевший стакан с чаем уже стоял на столе, и он услышал, как Алекс остановилась на пороге кухни.

— Роб, — позвала она его, — вы обещаете, что не будете смеяться и честно выскажете мне свое мнение о том, как я выгляжу?

Ну уж нет, он не высказал бы ей откровенно свое мнение. Когда женщина задает такой вопрос, последнее, чего она ждет, — это откровенное мнение. Он ведь не полный дурак.

— Конечно, — прозвучала бесстыдная ложь.

Взяв стакан с чаем, Роб сделал долгий медленный глоток. Он надеялся, что, когда придется заговорить, это даст ему время придумать что-то достаточно разумное и не слишком неприятное.

Алекс вошла, одетая в платье. Вернее, во что-то вроде платья. Юбка была не такого фасона, как он любил. Она была длинная и вся какая-то гофрированная и совершенно не открывала ноги. Поверх нее — рубашка из такой же ткани и такого же огромного размера, так что невозможно было понять, есть под ней тело или нет.

Но надо отдать должное, это был шаг вперед по

сравнению с фартуком. И даже очень большой шаг. Женщина была гораздо стройнее, чем он думал. У нее была фигура, но никакой лишней полноты.

— Ничего не говорите. Все написано у вас на лице.

Черт, он забыл, что должен выглядеть довольным, так он был удивлен.

— Я говорила Эмме, что это просто смешно. Я выгляжу так, будто напялила на себя мешок. — Она не давала Робу вставить слово. — Так нет же! Эмма сказала, что этот парень интересуется натуральными вещами. Я должна надеть эту ее одежду, которая мне безумно велика и сделана вся из морщин. Теперь мятая одежда — это нормально и даже модно.

Она достала из буфета два стакана и налила чаю, все еще бормоча себе под нос.

— И вы собираетесь пойти в этом? — с неприкрытым любопытством спросил Роб.

— Конечно. Эмма спланировала весь вечер так, чтобы я чувствовала себя полной идиоткой. Вот зачем нужны друзья — чтобы ставить нас вот в такие ситуации, иначе наша жизнь была бы настолько спокойной и приятной, что мы не смогли бы этого оценить.

Алекс рухнула в кресло и с жадностью отпила чаю. Роб пристально смотрел на нее.

Вообще-то она выглядела великолепно. Действительно, эта одежда поглощает ее, но все равно смотрится прекрасно. Оставив волосы свободно падать на плечи, вместо того чтобы собрать их сзади в свой обычный хвост, Алекс подчеркнула, как они прекрасны — волнистые, густые и такие мягкие. А еще она наложила макияж, и ее глаза стали более выразительными, кожа казалась кремовой, и она чудесно пахла — как цветок.

И почему-то, может быть из-за волос или макияжа или из-за длинных раскачивающихся сережек, она больше не напоминала домохозяйку, а превратилась в женщину, свидание с которой было бы большой удачей для мужчины. Особенно если он выбрал ее по объявлению в газете.

— Алекс, — сказал Роб, — я думаю, вы выглядите очень хорошо.

— Правда?

Он кивнул:

— Действительно хорошо.

Она опустила глаза и стала смотреть в стакан с чаем. Размешивала его. Изучала.

— Роб, можно я задам вам один вопрос? — спро-

сила она и торопливо продолжила: — Вы часто ходили на свидания?

— Вы спросили мое мнение, а потом решили проверить, есть ли у меня опыт в подобных делах?

Она вспыхнула.

— Ну, не совсем так, — запинаясь, ответила она.

Роб улыбнулся, ее волнение показалось ему очаровательным.

— Я ходил на свидания почти каждый выходной лет двадцать моей сознательной жизни. Если бы я потратил столько времени на что-нибудь другое, а результат был бы таким ничтожным, то перерезал бы себе горло. Однако, к счастью, это делает меня великим экспертом по свиданиям. Вы услышали голос знатока.

— И вы сказали правду?

— О да.

Она помолчала, поглядывая на него сквозь свои густые ресницы, чтобы убедиться, что он не поддразнивает ее, потом приняла комплимент.

— Спасибо.

— Не за что.

Оставив изобилие адресов, телефонных номеров и инструкций для девочек, Алекс ушла

раньше, чем он закончил загружать свои инструменты в грузовик.

Роб захлопнул откидной борт автомобиля и стал искать в кармане ключи, Дарси появилась перед ним.

— Роб, — сказала она, — я что-то плохо себя чувствую.

Выглядела она неважно. Веснушки казались нарисованными на зеленовато-бледном лице.

— Желудок? — спросил он.

Девочка не ответила, она просто нагнулась, и весь ее обед оказался на дорожке. Вытерев ей рот платком, найденным в заднем кармане, он положил руку ей на плечо.

— Пойдем внутрь, — сказал он. — Мы приведем тебя в порядок и позвоним маме.

— Вы не можете позвонить ей. — В голосе звучали отчаяние и боль. — Поэтому я и не сказала ничего, пока она не ушла.

— Дарси. — Роб старался, чтобы его голос звучал спокойно. — Мама захочет знать.

— Со мной все будет в порядке. Мне уже гораздо лучше.

— Но, Дарси, она едет на свидание с тем, кого даже не знает, и потому будет не против вернуться домой.

— Послушайте, я сделаю все, что скажете, если вы просто выслушаете, почему я не могу вызвать ее.

Дарси?! Все, что он скажет? Похоже, дело действительно серьезное.

— Отлично. Я хочу, чтобы ты пошла в дом и прополоскала рот, но ничего не пила. Потом я хочу, чтобы ты легла в постель и ждала меня с термометром во рту.

Дарси беспрекословно подчинилась. Роб взял садовый шланг и вымыл подъездную дорожку, а потом нашел в кухне большую миску. После этого пошел взглянуть на Дарси.

Как и обещала, она лежала в постели, из-за термометра во рту храня молчание. А неплохое это изобретение — термометр.

Вытащив его сразу же, как только увидела Роба, она воскликнула, размахивая градусником:

— Всего лишь чуть-чуть больше ста градусов. Я вряд ли больна.

— И сколько ты его держала? Тридцать секунд?

— Три минуты. Точно, как там написано.

Роб пожал плечами. Можно снова будет поставить ей градусник, когда она закончит говорить.

— Итак, почему не позвонить твоей маме? Она ведь не просто так оставила номер телефона.

— Потому что она на свидании. — Это было произнесено так, будто все объясняло.

— И что?

— А то, что ей нужно ходить на свидания.

— Зачем?

Девочка посмотрела на него так, будто он был слабоумным.

— Как же можно встретить мужчину, если не выходить?

— Может быть, ей и не хочется встретить мужчину. Она кажется вполне довольной своей жизнью.

Дарси округлила глаза.

— Эмма говорит, что мама хотела бы иметь мужчину, но не знает об этом, потому что у нее был плохой брак. Я слышала — ну, вернее подслушала их. Мы с Шеннон подумали об этом и решили, что Эм права. Маме не следует жить одной. Мы ведь не будем с ней все время, вы же понимаете.

Что ж, а она, пожалуй, права. Но все же…

— Но это всего лишь одно свидание. Ты же не ждешь, что она найдет идеального мужчину на первом же свидании. Всегда можно перенести свидание на другой день.

— Разумеется, она не найдет идеального муж-

чину на этом свидании. Тетя Эм сказала, что большинство тех, кто дает объявления, неудачники. Но маме нужна практика.

— Твоей маме вовсе не нужно этому учиться.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я мужчина, и я понял, что с ней очень приятно быть вместе.

— Но вы же не встречаетесь с ней. Кроме того, — серьезно добавила Дарси, — мама должна выйти только за богатого. Растить детей совсем недешево, знаете ли.

— Послушай, многие люди, когда выбирают партнера, с которым хотят прожить жизнь, думают о гораздо более важных вещах, чем деньги, — сердито начал он и вдруг замолчал. Кем это он себя возомнил? Он, который понятия не имеет, как найти спутницу жизни, и пытается это сделать уже много лет, не имеет права давать советы. Но помочь он все-таки должен, И ему совсем не повредит провести один вечер здесь — все равно нет никаких особенных планов.

— О'кей, я останусь здесь и не стану звонить твоей маме, если ты пообещаешь, что в следующий раз, когда тебя затошнит, ты сделаешь все в эту миску.

Улыбка Дарси почти стоила этой уступки.

Роб спустился по лестнице. Было совершенно ясно, что этому ребенку невозможно отказать ни в чем.

— Шеннон! — позвал он. Он едва расслышал ее робкое «да?» и удивился, как две такие разные личности вообще могут быть близнецами. — Присмотри за Дарси, я хочу сходить в магазин за имбирным пивом. Это может успокоить ее желудок.

Он предположил, что она услышала его, когда еще одно слабое «да» донеслось из ее комнаты.

Глава 4

— Дарси подхватила желудочный грипп и не хотела звонить вам, поэтому я сказал, что останусь, пока вы не вернетесь. — Он направился прямо к стулу.

— Где Шеннон?

— Я отправил ее спать в десять часов.

— И она пошла? В субботу вечером?

— Да. Только пожаловалась мне, какой совершенно грязной была Дарси, и как даже от одного запаха тошноты — неплохое выражение, а? — ее мутило, и как она была крайне унижена, что сестру вырвало у парадной двери, где любой прохожий мог ее видеть. Поэтому я сказал, что меня тоже стошнит, если она не пойдет спать, и тут она галопом понеслась к себе.

Алекс успокоилась и даже улыбнулась. Роб отлично со всем справился.

— Я пойду проведаю их и сразу же вернусь. Не уходите.

Дарси мирно спала, ее лоб был холодным, и только слабый едкий запах напоминал о случившемся. Шеннон все еще не спала. — Я слышала,

как ты подъехала, — тихо сказала она, когда Алекс вошла в ее комнату. — Ты хорошо провела время?

— Ничего особенного. Мне кажется, за весь вечер я не сказала и ста слов.

— О... — В голосе дочери прозвучало разочарование.

— Ты надеялась на что-то большее?

Алекс уселась на край кровати, и Шеннон свернулась клубочком около нее.

— Тетя Эм говорила, что этот богат.

— Во всяком случае, не беден, я думаю, — владелец ресторана. — Она погладила прекрасные волосы Шеннон, отводя их назад от лица. Теперь ей нечасто приходилось касаться их. — Ты думаешь, было бы неплохо иметь рядом кого-то, кто может немного пошвырять деньгами?

— Я была бы не против этого.

Она улыбнулась:

— Думаю, я тоже была бы не против, но если бы это был правильный мужчина.

— Так, значит, ты собираешься искать кого-то, чтобы выйти замуж?

Алекс медленно покачала головой:

— Не думаю, Шеннон. Я не знаю, хочу ли я снова выйти замуж.

— Может быть, тебе бы это понравилось.

— Может быть, и да. Но это довольно серьезно — решить провести с кем-то остаток своей жизни. И после твоего отца я не встречала никого, кому бы хотела сказать это.

— Но ты не можешь встретить кого-то, если не будешь ходить на свидания.

Алекс потянула за густую прядь волос Шеннон.

— Ты хочешь, чтобы я встретила кого-нибудь?

Не глядя ей в глаза, Шеннон прошептала:

— Да.

Внезапная боль кольнула Алекс в сердце. Дочь хотела, чтобы она вышла замуж. Хотя по идее должна была бы возражать, чтобы кто-то появился в жизни ее матери!

— Шеннон хочет, чтобы я вышла замуж, — сказала она Робу, спустившись с лестницы. Он выключил телевизор и уже был готов уйти домой.

— И Дарси тоже.

— Дарси хочет, чтобы я вышла замуж?

— Именно поэтому она не хотела прерывать ваше свидание, надеясь, что это будет Мистер Подходящий.

— Вы не против остаться еще на несколько минут и объяснить, что случилось сегодня ве-

чером?

Роб снова уселся.

— Разумеется. Хотите пива?

— А у меня есть пиво?

— Теперь да. Я принес имбирного для Дарси и упаковку из шести банок для себя. Я подумал, вдруг этот вечер окажется долгим.

Она покачала головой:

— Нет, он только казался долгим.

Роб улыбнулся:

— Вот поэтому я и перестал ходить на свидания.

Взяв из рук Алекс пиво, Роб снова развалился в кресле.

— Спасибо, что остались.

— У меня все равно не было никаких планов.

Женщина тоже открыла пиво и сделала большой глоток. А потом другой, третий. Она чуть не застонала от наслаждения. Ледяная горечь струилась по ее горлу, унося с собой все воспоминания о прошедшем вечере.

— Тяжелый вечерок, а?

Она опустила свое пиво.

— Одним словом и не выразишь.

— Да-а, вот таковы они, тяжелые вечера, — произнес Роб с чувством.

Алекс секунду внимательно смотрела на него. Конечно, вокруг такого мужчины, как Роб, спокойного и уверенного в себе, все время вьются женщины и болтают без умолку. А потом они хотят заарканить его и…

— Так у вас поэтому не было никаких планов на сегодняшний вечер? — поспешно спросила она.

— Не совсем. — Он задумался. — По-моему, я стал слишком придирчивым. Иногда бывает слишком много разговоров, а иногда нам вообще нечего сказать друг другу. Бывает несовместимость в чем-то другом.

Алекс почувствовала, как кровь устремилась к ее лицу. Секс. Она снова внимательно посмотрела на него. Он действительно был очень привлекателен. С этой своей мужской самоуверенностью. С этими густыми усами и неторопливой улыбкой. С большими руками, покрытыми завитками золотистых волос.

Его грудь должна быть такой же — большой, сильной и покрытой золотистыми завитками, спускающимися вниз к… Она с трудом сглотнула. Наверняка множество женщин находит его привлекательным.

Он между тем продолжал:

— Так или иначе, я устал пытаться. Я подумал,

если это должно было случиться со мной, это уже случилось бы. — Он пожал плечами. — Так что я бросил это дело.

Теперь она поняла, почему ей так легко с ним. Роб не искал себе женщину и даже не смотрел на нее как на женщину. Вот поэтому они могли бы стать друзьями. Она была согласна.

* * *

Она выглядит усталой, подумал Роб, когда Алекс опустилась на большой диван. Девочки были правы. Может быть, ей действительно нужен кто-нибудь.

— Итак, расскажите мне о сегодняшнем вечере, — сказала Алекс и пошла в кухню, чтобы принести еще пива.

— Не понимаю, почему они обе так вдруг стали волноваться о деньгах, — беспокойно заметила она, не осознавая, что от испуга пьет слишком много и слишком быстро. — Деньги не были для нас большой проблемой. То есть, я хочу сказать, мы, конечно, небогаты, но справляемся. Я могу позволить им ходить в драных джинсах, но при этом откладываю деньги на колледж.

— Не думаю, что Дарси беспокоится о себе, — осторожно заметил Роб. — Мне кажется, она

заботится о вас. Она боится, что вам будет одиноко, когда они уедут в колледж, и надеется, что какой-нибудь симпатичный богач мог бы вас развлечь, а заодно решить ваши финансовые проблемы.

Алекс допила второе пиво и освободилась от алюминиевой банки. Как же она сама не подумала об этом?

Она покачала головой и произнесла:

— Вы знаете, что тут не так? Они же не поверят мне, что я не хочу встретить мужчину.

— А вы уверены, что не хотите? — Роб никогда всерьез не верил, что женщина может предпочесть одиночество.

Алекс посмотрела в сторону.

— Я ведь уже была замужем. И поняла, что это не для меня. Может быть, я не подхожу для брака? Не думаю, что мы дотянули бы до нашей первой годовщины, если бы я не забеременела. Но это все равно не осчастливило его.

Время растянулось и как будто замерло, а они оба сидели и слушали ночные звуки, доносящиеся из окна.

— Можно я спрошу кое-что, Роб? — наконец заговорила она.

Тот неохотно кивнул. Он совсем не стремился

к откровениям.

— Как вы думаете, можно напиться, выпив два стакана пива?

Он посмотрел на нее. Слова выговаривались с трудом. Она лежала, привалившись к подлокотнику дивана, откинув голову назад. Ее шея была длинной и нежной.

— Да.

— Так я и подумала. — По ее губам скользнула слабая улыбка. — А вам не пришло в голову, что я собираюсь спихнуть на вас Дарси?

— Еще не заглядывал так далеко. А вы правда собираетесь?

— Нет. Я просто чувствую себя смешливой и глупой. И счастливой. Как будто это был лучший момент в моей жизни, когда я рассказывала вам историю моей жизни. — Она рассмеялась. — Думаю, теперь мне пришла пора пожелать вам доброй ночи.

Робу нравилось смотреть на смеющуюся Алекс, нравилось чувство, возникшее в нем, когда она сидела рядом, свободная и раскрепощенная. Он совсем не спешил домой.

Попытавшись встать на ноги, но неудачно выбрав момент, она зашаталась, согнулась и в конце концов повисла у него на руке.

— Роб, раз уж вы уже решили не идти домой и дождаться меня, вы не могли бы помочь мне подняться?

Мужчина встал и мягко поддержал ее. Попытка встать самостоятельно оказалась неудачной. Он обхватил ее рукой, чтобы помочь удержаться на ногах. Она прильнула к его плечу.

С ней было так приятно, тепло и уютно. Так, должно быть, чувствуют себя братья, имеющие очаровательную младшую сестричку, а не командиршу-старшую. А может быть, даже ни один брат не мог бы почувствовать такое, но ему нравилось это ощущение. Ему всегда хотелось чувствовать себя таким братом — быть старше, мудрее, быть покровителем.

Он повел ее к лестнице.

— Мои кости как будто рассыпались.

— Вы, должно быть, сильно устали, если два пива так подействовали на вас.

— Ага, — вздохнула она.

Алекс добралась до подножия лестницы и схватилась за перила. Он опустил руку. Ее тело поплыло вниз.

— Тихо, тихо, — произнес он, подхватывая ее. — Я помогу вам подняться по лестнице.

— Отличная мысль, — прильнув к нему, ска-

зала она.

Подумав, что она заснула еще до того, как он довел ее до комнаты, он опустил ее на кровать. Но ее глаза вдруг открылись и одарили его сияющей сонной улыбкой.

— Спасибо, Роб.

— Спокойной ночи.

Она свернулась калачиком, повернувшись к нему лицом, и протянула к нему руку.

— Я всегда хотела иметь брата.

Роб посмотрел на нее сверху вниз. Ее волосы рассыпались по подушке, обрамляя лицо. Длинные темные ресницы лежали на нежной щеке, она была вся такая нежная и зовущая. Роб накрыл ее одеялом. Может быть, ей действительно нужен мужчина? Она казалась такой слабой и одинокой.

Он тихонько вышел из дома и закрыл за собой дверь, проверив, что замок защелкнулся.

Следующим субботним утром Роб не появился. Не появился он и к обеду. Может быть, прошлая неделя совсем добила его, подумала Алекс. Наверное, он больше не хотел тратить свое время, убирая за больным подростком или укладывая спать подвыпившую женщину.

Алекс почувствовала, как по спине побежали

мурашки. Она будет скучать по нему. Ей нравилось, когда он приходил в дом, нравилось болтать и смеяться вместе с ним. И нравилась его манера разговора с девочками, временами шутливая, временами всерьез. Дарси, похоже, зауважала его.

А как он привлекателен! Высокий. Крепкий. Рядом с ним чувствуешь себя маленькой и хрупкой. Яркие голубые глаза и красивое лицо за этой щеткой усов. И наверняка он выглядел бы совершенно неотразимо, если бы имел возможность носить приличную одежду вместо этого старья. Но ведь это не его вина, тут же подумала она.

Вдруг Алекс услышала, как на подъездную дорожку въехала машина, и побежала посмотреть. Это был Роб — в чистых джинсах.

Парадная дверь распахнулась раньше, чем он успел ступить на крыльцо.

— Не смогли пропустить очередную порцию политого шоколадом попкорна? — Она была очень рада видеть его.

— У меня была кое-какая работа на «Дж. Р.», — прозвучал ответ с улыбкой. От этой улыбки у нее внутри разлилось тепло. — Что Дарси приготовила сегодня?

— Ни за что не расскажет. Какую-то загадочную

пищу. Но загадка в том, почему я продолжаю настаивать, чтобы она готовила еду, видя ее решительность делать что-то совершенно несъедобное.

— Чтобы удержать ее от более серьезных выходок? — предположил Роб.

Алекс шире распахнула дверь.

— Может быть, и так, — ответила она.

Роб снова взял соседскую стремянку и забрался на крышу. Прекрасный день для ремонта крыши. Солнце, легкий приятный ветерок и не слишком жарко. Он прощупывал черепицу вокруг, проверяя замазку и поврежденные края. Алекс лучше всего было бы сделать новую крышу. Но он кое-что закрепит, что-то замажет, и эта крыша должна будет продержаться еще несколько зим.

А со временем она, может быть, сможет позволить себе сделать новую. Конечно, тогда дети уже будут в колледже. Причем сразу двое, что, конечно, не улучшит ее финансы. Но может быть, она уже выйдет замуж — за какого-нибудь богатого парня, которого подберут для нее близнецы.

Эта мысль раздражала его. Хотя и не болезненная, она все же была неприятной. Он постарался отбросить ее. Его это не должно трогать. Если ей повезет, ему за нее нужно только радоваться. Но

он знал, что будет чувствовать все, что угодно, но только не радость, хотя и не понимал почему.

Роб спустился по лестнице и сходил за кровельной дранкой, молотком и гвоздями. Он начал с задней стороны дома и продвигался по верхнему этажу до фасада, потом перешел к нижним секциям. Ему особенно нравилась эта часть работы. Можно заглядывать в комнаты, и это давало ощущение какого-то домашнего уюта. Что-то вроде того, что было на прошлой неделе, — ухаживать за Дарси, когда она заболела, и за Алекс, когда та немного перебрала, — и это вызывало у него какие-то собственнические чувства к ним.

Под ритмичный стук молотка хорошо думалось. Они были прекрасной семьей. Он правильно выбрал своих вдову и сирот. Пусть даже и наполовину сирот. Алекс хорошо воспитала своих девочек. С ними обеими все будет в порядке, независимо от того, как по-дурацки они могут себя вести время от времени.

Он обогнул угол. Еще один маленький кусочек, как раз над комнатой Алекс, и он закончит работу с дранкой. Потом еще замазать в нескольких местах, и дело сделано. Он осторожно ступал — один шаг на незакрепленную дранку, и он окажется на земле.

Роб подошел к окну, чтобы проверить, плотно ли подогнана над ним крыша, и просто окаменел. Дыхание со свистом вырывалось из его груди, он схватился за раму. Алекс стояла в своей комнате совершенно обнаженная.

Она была самой красивой женщиной, которую он когда-либо видел.

Роб понимал, что должен отвернуться, но от солнца в голове грохотал молот, и дыхание почти остановилось.

Ее волосы были подняты вверх и заколоты, как будто она только что вышла из душа. Алекс стояла, повернувшись к нему спиной. У нее были красивые плечи и длинная, стройная спина, узкая талия, прекрасные округлые бедра и стройные ноги с идеальными лодыжками.

Она словно сошла с прекрасной картины. Только ее тело в тысячу раз лучше. Живое и реальное. Он почти ощущал его нежность, его теплоту. Он попытался отойти, но ноги дрожали, а голова кружилась.

А потом она повернулась. Что-то как будто обручем сдавило его грудь. Ее грудь была округлой и высокой, с тугими сосками. Свет играл на выпуклостях ее тела, а тень ласкала соблазнительные углубления. Она потянулась за чем-то в шкафу.

Стало видно, как изящно изогнулось ее тело, как поднялась грудь.

Великий Боже. Роб отступил на несколько шагов, держась за стену. Он прислонился коленями к стене, стараясь вдохнуть немного воздуха, и понимал, что даже если сейчас упадет на землю, то ничего не почувствует.

Пот струился по его бокам и спине, руки дрожали. Как же он мог не заметить всего этого? Даже под этим пекарским фартуком. Даже под модно-мятым костюмом. Она была прекрасна — сформировавшаяся женщина, нежная, созданная для прикосновений.

Ему надо убираться отсюда. Роб выпрямил дрожащие ноги и прислонился к стене, во рту пересохло. Спотыкаясь, он стал пробираться к лестнице.

Но вдруг передумал.

Когда он снова смог контролировать свои руки, то вернулся к ремонту крыши. Алекс получит самый лучший ремонт, какой только видело человечество. Он чувствовал себя как мальчишка, которого застали за разглядыванием порно-журнала, — подглядывал в окно, как какой-то извращенец. Снова вспомнил то состояние, когда был не в силах пошевелиться. В тот момент на

него можно было даже бросить бомбу, и он бы ничего не заметил. Проклятие, как же ему теперь встречаться с ней?!

Наконец даже самая крошечная трещинка в кровле была замазана и он спустился — так тихо, как только мог. Если ему удастся отнести соседу лестницу и потом сразу пойти к машине, ему не придется встречаться с ней. И не придется возвращаться. Он позвонит и сообщит, что все закончил и что не может работать больше. Найдет какое-нибудь объяснение.

Сложив стремянку, он поднял ее на плечо. Пока все хорошо, никто не попался ему на пути. Направился к соседям, но стремянка лязгала и звякала, как ни старался он ступать тише.

— Эй, вы пробыли наверху довольно долго. Хотите чаю со льдом?

Он замер на месте. Алекс пропалывала палисадник. Роб словно язык проглотил. Мозг как будто улетучился из головы. Его взгляд скользнул по ее телу прежде, чем он снова повернулся к соседскому дому.

— Тогда я тоже устрою себе перерыв. — Ее голос звучал радостно.

Роб был наказан. Он не знал, какой грех совершил, но был наказан за него. Медленно

прислонил стремянку к соседскому гаражу. Проверил ее два или три раза. Протер всю. Но ему, увы, все-таки надо вернуться. И увидеться с ней.

Скользнул взглядом в ее сторону и торопливо отвел глаза. Видел достаточно, чтобы знать, что на ней надеты обрезанные джинсы и просторная футболка. Нет, он не мог просто ускользнуть.

Пройдя вслед за ней на кухню, вымыл руки над раковиной. Она доставала стаканы, лед и тарелки… как будто ничего не произошло. Роб плеснул себе в лицо воды. Алекс положила на стойку рядом с ним полотенце.

Он вытер лицо и сделал глубокий вдох. Потом еще один. Когда пришел в себя, она ждала его, счастливая и невинная. Роб бочком пробрался к столу, сел на стул и взял стакан, просто вцепившись в него. Сделал долгий глоток, потом снова посмотрел на нее.

— Вы в порядке?

— Да. Все отлично. Мне просто немного жарко, — пробормотал он, когда она внимательно посмотрела на него.

— Вы не думаете, что заразились от Дарси гриппом, а?

Он покачал головой.

— Давайте, я налью вам еще чаю.

Роб посмотрел на свой стакан. Он был пуст.

— И у меня есть печенье.

Он следил за ней глазами. Она не подавала абсолютно никаких сигналов. Шла к холодильнику и не раскачивала бедрами, не наклонялась, чтобы ее шорты приподнялись вверх. Просто шла к холодильнику.

Роб с трудом разомкнул руки — они как будто приклеились к стакану. Он глубоко вдохнул. Эта женщина, кажется, совершенно не осознает, в какой великолепной оболочке существует.

Она не делала ничего, чтобы приукрасить свою внешность — убирала волосы в простой хвост, не делала макияжа, носила одежду на несколько размеров больше. Алекс могла бы оказаться самым тщательно хранимым секретом во всем Гранд-Бенде.

Роб сделал еще один мучительный вдох. Он не хотел ничего — лишь желал иметь женщину-друга. Как здорово проводить время без того напряжения, которое возникает между мужчиной и женщиной, когда они встречаются. Хорошо иметь семью, в которую можно прийти вот так запросто. Ему нравилось помогать Алекс и девочкам и то, что они были признательны ему за работу.

Но чтобы сохранить это, нужно было вычеркнуть из памяти всего одну минуту, которая вообще-то даже и не должна была случиться. В своем воображении Роб закрасил ее изображение черной краской. Он запер его в ящик и утопил. А если образ когда-нибудь вернется к нему, то будет вспоминаться как какой-то фильм, а не реальность. Разумеется, он так и сделает.

Глава 5

Алекс стиснула зубы. Она заставила Роба остаться на ужин, который сама приготовила. В первый раз ему не нужно было беспокоиться, во что вонзятся зубы в следующую минуту.

Но сама не слишком наслаждалась ужином. Сначала она беспокоилась о Робе. Он казался напряженным и каким-то официальным — может быть, он все еще нехорошо чувствовал себя после работы на крыше под палящим солнцем?

Но ему вроде бы стало лучше, когда начался обед. Близнецы начали болтать, и он пришел в норму.

Только она чувствовала себя неуютно. После ужина должна была заехать Эмма и привезти противни, которые одалживала… и Алекс не была уверена, что хочет, чтобы Роб был здесь, когда она приедет.

На этот раз выбор времени появления Эммы был безошибочным. Подруга появилась как раз тогда, когда Алекс подавала десерт, и появилась она одетая для вечеринки, на которую собиралась ехать позже.

Она выглядела великолепно и была похожа на рекламный ролик какой-нибудь дорогой косметики, или средства для волос, или просто красивой жизни.

Она представила Эмму Робу и поймала жадный взгляд, который Эмма бросила на него. У Алекс упало сердце. Возможно, было бы даже лучше, если бы ее новый друг и ее лучшая подруга подружились, но ведь необязательно радоваться этому.

Она пошла в кухню, чтобы отрезать еще кусок пирога. Делала все нарочито медленно. Когда вернулась к столу, Роб и Эмма разговаривали о фильме, который оба видели. Обоим фильм понравился. Они обсуждали понравившиеся моменты и вовсю шутили. Алекс тоже смотрела фильм и не могла понять, что они в нем нашли.

Перестав смотреть и слушать, просто гоняла свой кусок пирога по тарелке. Раскрошила корку на десять тысяч кусочков и покрыла каждый из них капелькой начинки. Потом смешала все кусочки в кучу.

— Ну, мне пора идти, — сказала Эмма. — Было приятно познакомиться, Роб.

Алекс пошла проводить ее до двери, а Роб и девочки начали сравнивать разные виды сухих

завтраков. Дарси была обеими руками за них, а Шеннон была уверена, что сахар и консерванты могут вызывать преждевременную смерть.

Она подождала, пока подруга переступит порог, и только тогда спросила:

— Что ты о нем думаешь?

— О Робе?

— Ну конечно. Ты же видишь, что он как раз такой, какого, по твоему мнению, я должна искать, — привлекательный, большой и веселый. Правда, он не богат.

Эмма покачала головой:

— Это не важно. Все, что я могу точно сказать, это то, что он совершенно не интересуется мною.

— Нет?! — Она понятия не имела, почему почувствовала такое облегчение.

— Алекс, я не думаю, что он сможет сказать тебе хоть что-нибудь обо мне. Он больше интересовался пирогом.

— Но вы оба, казалось, были так захвачены разговором.

— Это была просто болтовня. — Эмма рассмеялась такой очевидной нервозности подруги.

Алекс улыбнулась. Ее улыбка становилась шире, а напряженные мускулы расслаблялись.

— Хорошенько повеселись на вечеринке, —

сказала она и помахала Эмме на прощание.

Так, значит, Роб больше интересовался пирогом, чем Эммой. Ну что ж, пока неплохо. Алекс могла сделать пирог с закрытыми глазами. Каждую неделю, и каждый раз разный. И каждый раз огромный, если Робу так нравится. Путь в дом оказался гораздо короче, чем когда она провожала Эмму.

Холодная вода обрушилась на его грудь. Роб резко дернулся и врезался головой в дно раковины.

— Черт побери, выключи воду! — рявкнул он.

Поток воды прекратился. Он потихоньку выбрался из-под мойки. Шеннон стояла на коленях рядом с ним.

— Роб, мне так жаль. Я не надела контактные линзы, поэтому решила вымыть руки, чтобы надеть их, и я…

Роб внес некоторые коррективы в речь, которую собирался произнести. Прямой и откровенной Дарси он мог бы сказать все, что угодно и на какой угодно громкости, но если он скажет то же самое мечтательнице Шеннон, ее подбородок задрожит, а он будет чувствовать себя последним ублюдком весь остаток дня.

— Шеннон, разве ты не видела, что мои ноги торчат из-под раковины?

— Ну, по-моему, что-то такое видела, но не очень обратила на это внимание, потому что…

— И ты не заметила, что раковина здесь открыта и что нет дренажной трубы, и просто открыла воду прямо мне на рубашку?

— О, ваша рубашка, — беспомощно произнесла она. Она подошла ближе и близоруко всмотрелась в нее, потом пощупала мокрое пятно. — Мне так жаль вашу рубашку.

Роб выругался про себя. Какая рассеянная!

Он вдохнул и извинился перед Шеннон за грубость. Она собрала свои принадлежности для контактных линз и перешла в другую ванную. Потом он снова залез под раковину.

Нет, проблема была совсем не в мокрой рубашке. Он вышел из себя потому, что Алекс собиралась на очередное свидание. Она сказала девочкам, что они могут сами выбрать кого-нибудь по объявлению и сами написать письмо, и вот сегодня вечером она собирается встретиться с каким-то ничтожеством.

Но она ведь уже ходила на такие свидания и раньше, и все было нормально.

Да, но это было до того, как я… до того, как она… Он не мог закончить это предложение даже в своей голове.

«Что ж, теперь ты знаешь, что под всей этой мешковатой одеждой у нее есть тело».

Проблема не в том, что я об этом знаю. Вот когда какой-то другой парень узнает об этом, будут неприятности.

«Слушай, она наденет что-нибудь гигантское, и этот парень еще пожалеет, что не указал в своем объявлении, что она все-таки должна иметь фигуру».

Роб протянул руку за трубой, которую снял, чтобы прочистить.

— Да, наверное, все так и будет, и я разъярился совершенно зря, — пробормотал он. Он вдруг обрадовался, что пришел сегодня и взялся выполнить еще одну неблагодарную работу. По крайней мере он все еще будет работать, когда она будет уходить, и увидит, как она оденется.

И о чем ему вообще беспокоиться? Роб знал Алекс уже несколько недель и за все это время не видел ее в хоть сколько-нибудь соблазнительной одежде. Все будет в порядке.

— Вы пойдете в этом? — Роб едва успел взять себя в руки прежде, чем его голос сорвался на крик. Он не мог отвести взгляд. Буквально не мог двинуть глазами. Дьявол, да она просто вываливается из лифа своего платья.

«Она вовсе не вываливается из платья», — уверял внутренний голос.

Хорошо, уступил он. Может быть, и не вываливается. Но он же видит верх ее груди! А платье слишком облегающее.

«Оно не облегающее».

Он же видел и талию, и бедра, и ноги, и, черт побери, он видел ложбинку между грудей.

«Ну хорошо, ты видишь ложбинку между грудей».

Алекс не может выйти из дома в таком виде.

«А я думаю, она так и пойдет».

У него вдруг будто молот застучал в голове.

— Слишком, да? — застенчиво спросила Алекс.

Роб откашлялся, тщетно стараясь подобрать правильные слова.

— Я сказала детям, что они могут выбрать для меня и платье тоже. — Алекс смущенно наклонила голову. — Оно принадлежит Шеннон.

— Вы позволяете своей дочери носить такое платье вне дома?

— Она надевает под него футболку.

Роб стал рассматривать само платье. Оно было черное и напоминало комбинацию. Узкие бретели и низкий глубокий вырез. Оно облегало талию и расширялось на бедрах.

Может быть, если бы он не знал ее, то подумал бы, что она выглядит очаровательно. Чертовски привлекательно. Особенно сейчас, когда ее волосы волнами спадают на плечи. Платье сидит на ней просто идеально.

Но черт побери, он знал ее, и она излучала совсем неправильную энергетику. Она была само приглашение.

Может быть, это то, чего она хочет.

Так не может быть.

«Ты хочешь сказать, это не то, чего хочешь ты». Этот противный внутренний голос все никак не унимался.

Алекс подошла к зеркалу в холле. Внимательно осмотрела себя.

— Я не могу пойти в таком виде! — Ее голос сорвался на визг. Она была просто в ужасе. Роб торжествовал.

Алекс повернулась, услышав, как он подходит, и скрестила руки на груди. Роб с трудом сглотнул.

— Может быть, вам следует надеть жакет, — хриплым голосом предложил он.

Она благодарно взглянула на него:

— Жакет. Да, жакет действительно прекрасно подойдет.

Метнувшись вверх по лестнице, взволнованная женщина вскоре вернулась с двумя жакетами — теплым шерстяным, который закрывал почти все, и коротким, более легким.

— Думаю, лучше зеленый, — сказала она.

Роб предпочел бы закрытый шерстяной, но вынужден был признать, что другой лучше сочетается с платьем. И закрывает достаточно. Он с облегчением выдохнул.

Двойняшки галопом слетели с лестницы, чтобы проводить ее.

— Ты выглядишь великолепно, мам, — сказала Шеннон, когда Алекс целовала ее.

— Но не забудь снять жакет, когда вы будете ужинать, — сказала Дарси. Алекс поцеловала и ее.

— Послушайте, а что, если я отвезу девочек куда-нибудь поужинать или, может, порыбачить? — отчаянно предложил Роб. Он должен быть здесь, когда она вернется домой.

Алекс остановилась у порога.

— Думаю, да. Да, разумеется. Я буду чувствовать себя лучше, если буду знать, что им есть чем заняться, кроме телевизора и ссор друг с другом.

Ну вот, теперь он проведет вечер с двойняшками. О чем он только думал? Но Дарси и Шеннон

просто обезумели. По крайней мере были такими за долю секунды до того, как начали спорить, куда лучше поехать — на ужин или на рыбалку. Он уныло смотрел, как Алекс вышла из дома, и чувствовал себя полным идиотом.

Роб энергично взялся за весла и направил лодку в дальнюю часть озера. О чем, во имя Господа, он только думал, предлагая отвести близнецов на ужин или рыбалку?

Образ Алекс, стоящей в черном платье перед зеркалом, все время маячил у него перед глазами. Кто знает, что попытается предпринять этот неизвестный, когда привезет ее домой?

Она сама на машине. Никто не привезет ее домой.

Она может пригласить его к себе чего-нибудь выпить.

«Отлично, и как, по-твоему, это понравится Алекс, когда она обнаружит в гостиной тебя в роли дуэньи?»

Роб налег на весла.

Девчонки вопили во весь голос. Чуть раньше, забравшись в его грузовик, они почувствовали себя неловко и замолчали. Роб стал задавать вопросы, побуждая их расслабиться, Очередная стратегическая ошибка.

За гамбургерами они рассказали ему обо всех своих хороших и плохих учителях, о рейтинге их волейбольной команды, кто был слабаком, а кто тупицей (на этот счет мнения разделились) и что они собираются делать, когда пойдут в колледж. Это заняло примерно три минуты — и за это время каждая умудрилась съесть два бургера, молочный коктейль и большую порцию картофеля-фри.

— Теперь нам нужно вести себя тихо, если мы не хотим распугать всю рыбу. — Роб вклинился в крошечную паузу, хотя наверняка на сто миль вокруг не было ни одной рыбы, которая бы не слышала, как они подъехали. Он дал каждой девочке удочку и достал старую банку с рыбкой икрой.

— А что в этой банке? — с беспокойством в голосе прошептала Шеннон.

— Икра. Мы используем ее для наживки.

— Не червяков?

Так вот почему она не проявляла интереса к рыбалке. Она их боялась.

— Нет. Только икру.

Дарси запустила в банку палец и помешала, давя икринки. Она подцепила одну со дна и вытащила ее на свет.

— Я просто должна насадить это на крючок?

— Да, потом перебросить ее через борт лодки и ждать, когда появится кит, — ответил Роб.

Она послушалась. Но прежде чем Шеннон успела забросить свою удочку, рыжая бестия снова заерзала.

— Что такое?

Темперамент Дарси, подумал он, совершенно не подходит для рыбалки.

— Подопри чем-нибудь свою удочку, а потом садись сюда и греби.

Роб показал ей, как грести. В благодарность она окатила его водой. Девчонка была сильной и явно любила устраивать из всего шоу. Рыба сегодня в безопасности. Но Дарси изо всех сил старалась не шуметь.

Через несколько минут она стала грести не так усердно. Роб расслабился, устроившись на носу лодки. Может быть, все не так уж и плохо. Он может растянуться и немного вздремнуть, а девочки пока подустанут и угомонятся.

Но заснуть ему не удалось. Рыбалка утомила Шеннон не так быстро, как сестру, но она тоже не была готова провести весь вечер в бездействии. Сначала они пререкались, кто будет грести, потом Шеннон села на весла, а Дарси давала ин-

струкции на каждый ее взмах. Когда Роб промок до нитки, то решил, что будет лучше дать им еще несколько уроков.

Он научил их грести вместе, что они делали довольно ловко, и поворачивать. Прежде чем ехать домой, они сделали круг по всему озеру. Они уже развернули лодку, когда Роб заметил, что на одной удочке клюет.

— Стойте, — сказал он. — Мы поймали какую-то водоросль. — Он пробрался на корму лодки и осторожно потянул. Леска натянулась как струна. Потянул снова. Черт, это была не водоросль. Девчонки, должно быть, все-таки поймали какую-то бедную глухую рыбину.

Роб наматывал леску на катушку, пока не добрался до спутанного узла, потом стал вытягивать руками. Когда рыба показалась из воды, он услышал за спиной приглушенное протяжное «о-о». Он потянул снова, рыба вынырнула и забилась на крючке. Сестры не проронили ни звука.

Он достал сачок и подхватил рыбину.

— Достаточно большая, чтобы забрать ее, — сказал он.

— Забрать? О нет! — почти хором воскликнули они. В их голосах звучали и удивление, и радость, и волнение.

Роб улыбнулся. Он схватил рыбину, вытащил крючок и опустил ее в воду.

Девочки сидели, замерев, и смотрели на рыбу.

— С ней все будет в порядке? — спросила Дарси.

— Да, все будет хорошо.

Рыбина на секунду замерла, плеснула хвостом и исчезла. После тишины Шеннон заговорила первой.

— Мне действительно нравится рыбалка, — сказала она.

Роб чувствовал себя героем.

— А что вам нравится делать, когда вы не печете? — спросил ее новый знакомый. Алекс старалась придумать какой-нибудь остроумный ответ, но не для того, чтобы произвести впечатление на этого парня. Он был гораздо тупее предыдущего.

Она подняла глаза, чтобы ответить. Слова замерли у нее на губах. Помощник официанта, убирающий грязную посуду, потерял равновесие, кувшин с водой накренился над ее плечом и… опрокинулся. Ледяная вода плеснула на ее плечи, на спину, побежала вниз по жакету.

Официанты и их помощники рванулись к ним, наперебой предлагая салфетки, чтобы вытереть

воду и собрать лед.

Алекс извинилась и пошла в дамскую комнату, чтобы привести себя в порядок. Ее платье было почти сухим, а жакет промок насквозь.

Что же теперь делать? В жакете нельзя было оставаться, а платье обтягивает.

Алекс снова посмотрела на себя. Да, слишком пышные формы. Джек, отец двойняшек, всегда так говорил. После рождения детей он просто возненавидел ее тело. Когда они поженились, она была очень худенькой. Бедняга Джек начал с Твигги, а закончил с Долли Партон — и ненавидел это. Он дразнил и насмехался над ней, игнорировал ее. И Алекс стала носить мешковатые футболки и бесформенные блузы… которых нет сейчас под рукой, чтобы помочь ей, такой беспомощной в платье своей дочери.

«Так просто сделай вид, что чувствуешь себя уверенно. Сделай вид, что это великолепно — иметь такую роскошную фигуру».

Алекс глубоко вздохнула.

«Но пожалуй, лучше воздержаться от глубоких вздохов».

Алекс выпрямила спину и пошла, держа жакет перед собой, как бы прикрываясь им.

«Жульничаешь».

Ее кавалер встал, когда она вернулась к столу. Тарелки переставили на сухую скатерть, и от инцидента практически не осталось и следа.

— Я не знал, захотите ли вы остаться, — сказал он. — Если вам неуютно, мы можем уйти.

— Я легко отделалась, — беспечно ответила она. — Почти вся вода попала только на жакет. Почему бы нам не остаться?

Он передал мокрую одежду официанту, который, казалось, только для этого и торчал рядом с ними, и уселся напротив нее.

— Вы не промокли? — спросила Алекс, разворачивая сухую салфетку и пытаясь снова начать разговор.

Никакой реакции. Женщина подняла взгляд. Парень не отрываясь смотрел на ее грудь.

— Ч-что?.. А, нет. Вовсе нет, — задыхаясь, ответил он. — Через минуту они принесут наши закуски. — Он говорил, обращаясь к ее груди.

Алекс неловко заерзала, скрестив руки перед собой. Это не помогло. Бедняга исходил слюной.

Она опустила руки и попыталась подтянуть лиф платья вверх, стягивая его вниз на спине. Ее визави тяжело вздохнул. Будь ее воля, с этим свиданием было бы уже покончено.

Ужин продолжался, несмотря на то что разговор

продвигался кое-как. Вдруг возникло множество тем: грудка цыпленка, двубортные костюмы, грудь колесом в строю. Собеседник думал только в этом направлении.

«Я бы пожалела его, если бы мне не было так жаль себя, — подумала Алекс. — Если бы я действительно была спокойна насчет моего тела, я бы даже смогла посмеяться над этим».

Но это было не так, и она не могла смеяться. Ей было слишком неловко, стыдно и тревожно, чтобы назвать это приятным вечером.

Когда она вернулась, дом сиял всеми огнями. Уже с дорожки было слышно, что перепалка между Дарси и Шеннон в самом разгаре. Дверь ей открыл Роб, с него текла вода. Похоже, тут тоже не заладилось. Нельзя приглашать своего кавалера в такой дом.

— Мы поймали рыбу, — объявил Роб.

— Вы что, ныряли за ней?

Его улыбка стала еще шире.

— Нет, это было бы слишком просто.

Алекс прошла мимо него в дом. Она вдруг безумно обрадовалась возвращению.

— Как свидание? — Роб небрежно прислонился к дверному косяку, но в его голосе звучало нетерпение. Неужели он беспокоился о ней? Ее

озадачила такая мысль. А ведь неплохо заставить его поволноваться.

— Парень был очень даже ничего, пока я не сняла жакет.

Роб резко встрепенулся и окинул ее взглядом с головы до ног, не заметив ничего необычного.

— Вы сняли жакет на свидании?

Алекс кивнула.

— Официант устроил ему обряд крещения. — Она протянула ему свой пиджак в пластиковом пакете, который ей дали в ресторане. Вероятно, их рыба была суше.

— Он приставал к вам? — В голосе Роба звучала злость. Мускулы на его плечах напряглись, натягивая рубашку. Это каким-то образом смягчило горечь, и она уже была не против поговорить о прошедшем вечере.

— Нет, — призналась она. — Он даже не прикоснулся ко мне, но при этом не мог оторвать взгляда от моей груди, как ни пытался. И мне было стыдно за нас обоих.

Она выглядела подавленной и униженной, и Роб нежно обнял ее за плечи.

— Я думаю, вы выглядите отлично, — сказал он, заглядывая ей в глаза. — Даже великолепно.

В ее глазах все еще было беспокойство.

— Но тяжеловата в верхней части.

— Нет. Вы очень… привлекательны.

Привлекательна? Привлекательна — слишком слабо сказано. У нее такое тело, которое могло бы остановить движение на оживленной улице. Он вдруг понял, что за ситуация сложилась там.

— Этот парень, вероятно, просто не ожидал такого. Поэтому он и не смог справиться с собой.

Краска стала заливать ее щеки.

— Вы ведь не сказали бы этого, чтобы лишь утешить меня?

Роб покачал головой:

— Ни за что.

Она закрыла глаза, и он почувствовал, как ее плечи вздрогнули, когда она сделала глубокий вдох. Он надеялся, что она не делала глубоких вдохов перед своим кавалером. Только не в этом платье. У парня мог бы случиться сердечный приступ.

А потом она, опустив голову, прислонилась к его груди. Что-то перевернулось у него внутри, но она отступила, выпрямилась и посмотрела на него.

— Спасибо, Роб.

Алекс взбежала вверх по лестнице и спустилась, одетая в свою обычную мешковатую одежду.

Почему, подумал он, она тщательно скрывает тело, за которое любая женщина отдала бы полжизни?

В кухне она казалась неприступной.

— Кто из вас, — обратилась она к девочкам, — хочет одолжить Робу одну из своих больших футболок, чтобы он не ходил мокрым?

Двойняшки исчезли, их топот вдруг донесся с верхнего этажа.

— Отличная уловка — заставлять их вот так исчезать. — Роб не хотел, чтобы она отдалялась. Хотелось снова ощутить ту близость, промелькнувшую между ними.

Ее напряженная улыбка смягчилась.

— Да, — согласилась она, глядя ему в глаза.

Роб готов был поклясться, что топот, донесшийся с лестницы, могли издавать только лошадиные подковы. Ее улыбка стала печальной.

— Только это ненадолго.

Выбирая футболку, Роб остановился на той, где было написано: «Спасите ламантинов». Кто мог бы поспорить с этим?

— Расскажите мне о рыбалке, — попросила Алекс девочек. Ей пришлось внимательно выслушать все мельчайшие подробности приключения. Реальные события были преувеличены.

Но кто бы стал возражать, если его самого представили кем-то вроде Тома Круза и Жака Кусто, вместе взятых? Герой позволил Алекс проводить себя до двери.

Ему вдруг захотелось поцеловать ее на прощание.

Глава 6

— Получил что-нибудь?

Однажды в понедельник Джо обнаружат с раздробленным черепом, подумал Роб и отправился за кофе.

— Или ты все еще болтаешься у своей вдовушки? — лукаво подмигнул партнер.

На этот раз просто проломить эту тупую башку ему показалось мало.

— У нас с Алекс не такие отношения, — объяснил он самым спокойным голосом, на какой только был способен. — Я просто пытаюсь ей помочь.

Лицо приятеля расплылось в довольной ухмылке.

— И я готов поспорить, что она тоже иногда выручает тебя. — Он хитро прищурился. — Но тебе бы понравилась малышка, которую я подцепил в этот выходной… Она была просто супер. Высокая, длинноногая. Грудь как… — Он сделал вид, что обхватывает ладонями грудь. Неудивительно, что Алекс так тщательно пряталась. Такие, как Джо, наверняка с воплями и стонами бегали бы

за ней по улице. — Мы просидели в баре до закрытия, — не унимался он. — Потом продолжили пить и танцевать у нее дома, а потом — ну, ты знаешь.

— Ты никогда не думал найти что-нибудь постоянное, остепениться, может быть, завести семью? — к удивлению Джо, спросил Роб.

— Остепениться? Ну конечно, когда стану старше. А сначала я должен перебеситься.

— Джо, тебе тридцать пять лет. Твои выкрутасы уже сейчас представляют угрозу для общества.

— Но они же доставляют мне удовольствие. Когда что-нибудь другое начнет привлекать меня больше, вот тогда я и остепенюсь.

Роб вдруг замер, пораженный. В кои-то веки друг сказал что-то разумное.

— Но как ты узнаешь, что нашел кого-то и что уже пришло время? — серьезно спросил он.

Посмотрев на Роба так, будто тот сказал что-то в высшей степени глупое, Джо заявил:

— Дружище, это время не придет, пока я не найду кого-нибудь, с кем захочу остепениться. А до тех пор я буду наслаждаться тем, что имею.

— Откуда ты знаешь, что не устанешь от свиданий до того, как найдешь ту самую женщину?

Приятель покачал головой и заговорил с бес-

конечным терпением, как учитель просвещает своего самого непонятливого ученика:

— Я люблю свидания. Я люблю женщин. Я люблю секс. Меня это вполне устраивает.

Много времени спустя Роб подумал, что подход Джо достаточно прост. Но его собственные чувства к Алекс вдруг стали такими… запутанными.

* * *

Роб смог добраться до дома Алекс только после ленча: сначала неразбериха на работе требовала его внимания, а потом был долгий телефонный разговор с недовольным клиентом. Ремонтник все испортил, и у клиента были все основания сердиться, так что Роб из кожи вон лез, чтобы все компенсировать. Похоже, ему это удалось — клиент повесил трубку вполне удовлетворенным.

Он терпеть не мог, когда его служащие портили работу. Ошибки случаются, и эта была не такой уж серьезной. Но он все же был на стороне клиента, который должен знать, что получит хорошую работу с первого раза.

Джо имел больше перспектив как владелец, но он согласился, что Роб будет отвечать за контроль качества. В конечном счете, как бы Джо ни раздражал его временами, это было хорошее

партнерство. Бизнес расширялся, появлялись новые клиенты, а старые возвращались, значит, они делали все правильно.

У парадной двери он позвонил, но никто не ответил. Записки тоже не было. Ничего.

Он почувствовал себя брошенным. Они всегда были здесь и ждали его. Двойняшки плясали вокруг него и рассказывали, что произошло за эту неделю, а Алекс встречала его кофе или чаем с рулетом с корицей и своей великолепной улыбкой.

Он снова позвонил. Опять никакого ответа.

Ну и как ему делать ремонт, если нельзя попасть в дом? Оскорбленный и обиженный, Роб прошел через палисадник на задний двор. До его уха не доносилось ни единого звука, ни единого шороха. Это был один из тех ленивых дней в начале лета, когда воздух напоен ароматом, а пышные облака плывут по бледно-голубому небу.

Роб был уже готов повернуться и направиться к машине, когда заметил в гамаке Алекс. Она безмятежно спала, ее дыхание было медленным и тихим. Завитки ее длинных волос обрамляли лицо, ее губы были розовыми и пухлыми. Ее тело, нежное и расслабленное, словно жаждало прикосновения.

Что-то сжалось у него в груди. Как же он раньше

не замечал, насколько она красива? Замечательные волосы — темно-рыжие, вьющиеся и густые. А ее тело! Мужчины сражались в битвах, чтобы завоевать на одну ночь такое тело, как это, — стройное и изящное, но с манящими изгибами. В таком теле можно утонуть и знать, что умер счастливым.

Роб отступил на шаг назад. А ведь какой-то мужчина однажды влюбится в нее — в эту красивую женщину, такую веселую, милую, добрую и любящую.

Только он должен быть достоин ее, вдруг зло подумал Роб.

Роб направился к дому, но остановился на полпути. Раньше он никогда не видел Алекс отдыхающей. Всегда в заботе и в делах: то пекла, то везла куда-то детей или проверяла бухгалтерию. За целый день у нее вряд ли было время присесть. Может быть, она заболела? Но она не выглядела больной. Наверное, просто устала.

Задняя дверь открыта. Он принесет ей чаю со льдом. Если он положит много льда, чай может быть еще холодным, когда она проснется. Он поставил чай на уличный стол. Ее ресницы затрепетали, глаза открылись.

— Роб. — Она сонно улыбнулась ему. Он снова

почувствовал в груди странное стеснение.

— Вы в порядке?

— М-м-да. Я смотрела на облака. — Она улыбнулась. — А потом, видимо, задремала.

Роб пододвинул стул и сел рядом с ней.

— Устали?

— Один из работников Эммы заболел, поэтому вчера вечером я помогала ей обслуживать фуршет. Мы работали до двух часов ночи, а потом пришлось рано встать, чтобы печь.

— И близнецы в беспрецедентном порыве щедрости позволили вам подремать?

— Близнецы сами проспали. — Веки Алекс снова сомкнулись.

— Я не хотел вас будить, — сказал Роб, вставая. — Я оставлю чай на столе и пойду работать.

— Вы принесли мне чай? — Голос Алекс был таким довольным, будто он сделал что-то замечательное. — Спасибо, — сказала она, перебросила ноги через край гамака и попыталась встать. Но она все еще была полусонной и, споткнувшись, упала в его объятия. Он вдруг обнаружил, что крепко обнимает ее, прижимая к своей груди.

Она подняла на него глаза все с той же сонной улыбкой.

— Извините. — Выпрямляясь, она коснулась

его рук. — По-моему, мне надо было проснуться прежде, чем пытаться встать. — И опустилась в кресло, которое только что освободил Роб. — Я еще сплю на ходу.

Было так хорошо ощущать ее в своих объятиях. Она оказалась меньше, чем он ожидал, теплая и такая нежная, что ему захотелось крепче сжать ее и никогда не отпускать.

— Я подумал, что смогу закончить ремонт крыши в передней части дома, — сказал он, поднимая глаза вверх.

— Отлично. — Она вдруг задумалась. — А разве вы уже не израсходовали все деньги, которые я должна заплатить вам?

Роб попытался придумать правдоподобный ответ — он уже давно израсходовал их на материалы.

— Не все, — солгал он. — Я скажу вам, когда деньги закончатся.

— Но, Роб, вы приходите сюда уже несколько недель. Даже по минимальным расценкам давно пора уже было добавить.

Поскольку его не интересовали никакие расценки, то они дошли до минимума.

— Наверное, это просто кажется, что я здесь бываю больше, чем на самом деле, — небрежно

сказал он.

Обманщик из него плохой, но Алекс все еще была сонной. Он очень рассчитывал на это, потому что вдруг понял, что готов проводить здесь все субботние дни.

— Объясни мне еще раз, почему я должен идти с тобой на это мероприятие? — потребовал Роб, поправляя галстук. Они стояли перед самым большим рестораном в городе.

— Потому что это самая большая благотворительная кампания в году, которую проводит торговая палата, и это хорошее дело, — сказал Джо. — Кроме того, хотя бы раз в году, я думаю, нам нужно дать людям возможность узнать, что представляет собой Р. из «Дж. Р.».

— Представительское лицо у нас ты, — сказал Роб, хотя и чувствовал, что не прав. — А не могу я просто купить билет и оставить все как есть?

— Нет. — Джо был непоколебим. — Иначе никто не узнает, как развито у тебя чувство гражданского долга. Ну а теперь иди и общайся с людьми. Деловое сообщество будет счастливо видеть, как ты исполняешь свои гражданские обязанности.

Роб знал, что Джо прав. Это действительно было хорошее дело, а хорошие дела иногда нужно поддерживать личным присутствием, а не толь-

ко деньгами. В конце концов это займет всего пару часов.

Ему все это не нравилось, но Джо выглядел счастливым. Он решил, что прошла целая вечность, когда шумная толпа местных деловых мужчин и женщин направилась в сторону столовой на ужин.

Поймав Джо за локоть, Роб постарался отойти как можно дальше от двери.

— Я не могу войти туда, — в отчаянии произнес он.

— Можешь.

— Нет, я не могу позволить, чтобы женщина у раздаточного стола увидела меня.

— Роб, это самое неубедительное… — Джо обернулся. — Которая женщина? — спросил он, разглядывая официанток.

— Рыжая у овощных закусок. — Роб отвернулся, а Джо изумленно разинул рот.

— Та, что с роскошной фигурой?

Роб внимательнее посмотрел на Алекс. На ней был какой-то старинный костюм. Все женщины на раздаче были так одеты. Вероятно, это должно было сочетаться с морской темой ужина. Только на большинстве женщин костюм сидел как мешок, а Алекс он облегал как вторая кожа. Очень

тесная кожа.

Роб почувствовал, как у него над верхней губой появляется испарина.

— Да.

— А почему она не может видеть тебя?

— Это та женщина, которой я помогаю по субботам.

— Та?! — Лицо Джо расплылось в улыбке. — Это твоя бедная вдовушка?

— Да, — мрачно подтвердил Роб.

Джо обнял Роба рукой за плечи.

— Ну ты даешь! — произнес он с возрастающим энтузиазмом. — Ну и как она? — Джо понизил голос.

— Я не могу позволить ей увидеть меня, — повторил Роб. — Она наняла меня подработать, потому что думает, что у меня нет денег. А если узнает, что я не нищий, то не позволит мне работать.

— Она платит тебе? Когда вот так вот выглядит? Скажи ей, что я сделаю все бесплатно — в любое время. Обязательно скажи — в любое время, Роб.

— Мне нужно убираться отсюда, — настаивал он, но Джо, всегда такой практичный, когда это касалось дела, впихнул его в угол. — Я принесу тебе еду, — предложил он. — Она никогда не

увидит тебя в этой толпе.

Роб окинул взглядом огромный зал. Приятель был прав. Алекс была занята своей работой, а здесь толпилось несколько сотен людей. Она никогда не узнает его, особенно в деловом костюме. Ему не о чем беспокоиться — нужно только вытерпеть похотливые замечания Джо и не заснуть во время произнесения речей.

Вместо того чтобы сосредоточиться на достижениях торговой палаты, Роб вдруг понял, что разглядывает Алекс и ее откровенный наряд. Рядом с ним она всегда была такой осторожной, а здесь просто выставляла себя напоказ. Несмотря на медленный огонь, разгорающийся у него в груди, ему пришлось признать, что она чувствует себя неловко.

Роб угрюмо ковырял вилкой цыпленка, которого ему принес Джо, и тут увидел Эмму, которая стояла позади Алекс и что-то шептала ей на ухо. Ну конечно. Это она наверняка в последнюю минуту уговорила Алекс помочь ей. А потом сказала, что там можно встретить мужчину. Уж не Эмма ли заставила Алекс влезть во все это?

Он вдруг жутко разозлился на Эмму за то, что она подвергает ее такому риску. А после того как подруга поговорила с ней, он совсем разъярился,

потому что Алекс выпрямилась и приободрилась.

— Я иду за вторым, — прошептал Джо, забирая у него тарелку.

— А у них есть второе?

— Не знаю. Надо пойти посмотреть.

Роб старался не следить за Джо глазами. Мужчины со всех сторон зала устремились назад к буфету с тарелками в руках.

Еда была так себе, подумал Роб. Весьма средненькая жестковатая курятина была не настолько хороша, чтобы все эти парни хотели добавки.

Роб заставил себя смотреть на говорящего. По крайней мере он мог хотя бы изображать интерес. Ему удавалось это целую минуту. Потом суматоха у сервировочного стола привлекла всеобщее внимание. Мужчины, стоящие в очереди за зелеными бобами, дружно бросились в очередь за картофелем.

Роб снова стал смотреть на оратора.

Что? Мужчины ведь стояли в очереди за зелеными бобами. Роб снова посмотрел на сервировочный стол. Но они выстроились в очередь, чтобы посмотреть на Алекс. А когда она сбежала от зеленых бобов, они все рванули за ней к картошке.

Взбешенный, Роб направился к сервировочному столу. Потом остановился, вернулся на свое место и сел. Он все равно не мог ничего поделать с тем вниманием, которое она вызывала. Если он придет ей на помощь, она увидит его… и поймет, что он лгал ей. Обязательно найдется кто-то, кто расскажет ей, что он владеет самой успешной подрядной фирмой в графстве и что он вовсе не безработный мастер на все руки, за которого она его принимала.

Роб сполз вниз в своем кресле. Голова его гудела, кровь бурлила в венах.

Тут толпа расступилась. Алекс все еще стояла там в полный рост. Ее щеки пылали. Она не сияла улыбкой, но и не выглядела несчастной.

Он не мог ее понять, даже если бы от этого зависела его жизнь.

Алекс с удовольствием сбросила с усталых ног туфли на высоких каблуках. Она почти ощутила гул, когда ее ноги наконец оказались на свободе. Обслуживать вечеринки ужасно трудно. Особенно когда тебе приходится так наряжаться. Она порадовалась, что занимается выпечкой.

— Как дела? — спросила Эмма, падая в кресло рядом с ней. Туфли Эммы тоже были немедленно сброшены. Алекс потерла затекшие пальцы ног.

— После того как сняла туфли, лучше. А когда я совершенно избавлюсь от этого наряда, будет совсем хорошо. Не понимаю, как женщины умудрялись постоянно носить такие платья.

— Мне кажется, у большинства из них было чуть больше простора для дыхания, чем у тебя, — сказала Эмма. — Извини за костюм. И тысяча благодарностей за помощь.

— Нет проблем. — Она устало помассировала ноги.

Когда Эмма, попрощавшись, наконец отбыла домой, Алекс сняла свое платье и надела домашнюю рубашку и брюки. Окинула быстрым взглядом свое отражение в зеркале, потом вдруг всмотрелась внимательнее.

Она смотрела на себя другими глазами. Все было как обычно, освещение хорошее, но почему-то ее отражение показалось ей четче.

Одета так, как будто беременна, подумала она, внимательно глядя в зеркало. Широкая рубашка свободно свисала почти до колен, а брюки были мешковатые и бесформенные. И все вещи были как будто с чужого — и очень большого — плеча.

Алекс выпрямилась и посмотрела снова. Не помогло.

Когда же она начала носить такую одежду?

Было время, когда заправляла рубашку в брюки, которые, кстати, сидели точно по фигуре. Но это было много лет назад.

А начала так одеваться, когда Джек стал таким саркастичным. Когда она стала бесформенной, он критиковал ее меньше. Так что вместо того, чтобы вернуться к одежде, которую носила до беременности, она оставила себе все эти балахоны, а когда их нужно было заменять, покупала новые, такие же бесформенные.

«Не так уж и много ты ходила по магазинам», — язвительно заметил ее внутренний голос.

Она была слишком занята и большинство необходимых вещей находила в каталогах. Кроме того, ей ненавистны были походы по магазинам.

«Ты могла бы это полюбить, если бы позволила себе покупать одежду, которая тебе действительно нравится, — сказала она себе. — Ты абсолютно платежеспособна — у тебя даже есть деньги в банке детям на колледж, и только что заработала денег, помогая Эмме. Ну не катаешься как сыр в масле — ха-ха, — но вполне можешь позволить себе купить несколько новых вещей».

Она собрала рубашку по бокам и натянула ее, едва не оторвав пуговицы.

«Есть средняя линия между облегающей одеж-

дой и балахоном. Твоя задача, если ты решишься принять это, просто найти эту линию».

Алекс снова посмотрела на себя.

«Знаешь, а ведь тебе были не совсем ненавистны взгляды, которыми мужчины смотрели на тебя сегодня…»

Она улыбнулась и стянула рубашку еще туже.

Глава 7

Алекс осторожно шла по секции белья.

— Это просто смешно, — сказала Эмма. — Ты ведешь себя так, словно пробираешься по джунглям, а не по универмагу.

— Но я чувствую себя не очень уютно во всех этих вещах. Только посмотри на все эти орудия обольщения — прозрачные бюстгальтеры и трусики, которые не скрывают ничего, и ночные рубашки, которые мне было бы стыдно даже примерить.

— Сколько раз тебе нужно повторять? Просто притворись. — В голосе Эммы слышалось раздражение. — Что бы ты купила, если бы была довольна своим телом и хотела привлечь мужчину?

Алекс почувствовала, как сердце вдруг застучало у нее в голове. Ладони стали влажными.

— Не то чтобы ты собиралась надеть их для кого-то конкретного, — быстро поправилась Эмма, увидев, что подружка вот-вот задохнется. — Просто чтобы придать тебе уверенности, заставить чувствовать себя красивой.

Алекс с трудом сглотнула.

— Хорошо. Если бы я хотела купить что-нибудь, просто чтобы почувствовать себя красивой, я бы купила что-то вроде этого. — Ее руки потянулись к бюстгальтеру — персиковый атлас с кружевом. Он был не слишком мал, чтобы носить его каждый день, и к нему были подходящие трусики — прозрачные, женственные.

— Великолепно. — Эмма нашла ее размер и отправила Алекс в примерочную. Через несколько минут они уже выходили из отдела с покупкой в маленькой фирменной сумочке.

— Хорошее начало. Куда теперь?

— Еще? — возмутилась Алекс. — Нужно купить еще что-то? Я только что купила два бюстгальтера разных цветов и трусики, которые наверняка никогда не осмелюсь носить, а ты хочешь, чтобы я купила еще что-то? Ты что, купила долю в этом магазине?

— Тебе нужны платье, брюки, шорты и несколько блузок, — категорично заявила подруга. — Жакет, который есть у тебя дома, вполне к ним подойдет.

— Кто вообще приглашал тебя пойти со мной? — проворчала Алекс.

— Неправильная формулировка, — сказала

Эмма. — Кто практически умолял меня помочь ей подобрать несколько симпатичных вещиц и красивой одежды, чтобы она больше не выглядела как беременная?

— Я забыла.

— И кто, — безжалостно продолжала Эмма, — отказался провести день, катаясь на воздушном шаре с вероятным мистером «То, что надо», чтобы великодушно помочь подруге?

Мятеж Алекс был подавлен.

— Спасибо, что пришла, Эмма.

— Я знала, что ты так скажешь. Ну а теперь взгляни на брюки и платья.

Следующие три часа они провели в магазинах. Эмму не могли разжалобить ни натертые ноги, ни назначенные встречи. Она была серьезна и сосредоточенна — настоящий магазинный олимпиец. И к концу дня в руках у Алекс было больше сумок, чем она носила за последние пять лет, вместе взятых.

— Тебя что, совсем не волнует состояние моего банковского счета? — спросила Алекс, когда они уселись в машину.

— Я случайно узнала, что за последние десять лет ты вообще не тратила денег на одежду. Так что можешь себе это позволить. Но если так

беспокоишься, я могу предложить тебе больше дополнительной работы на вечеринках. — В голосе Эммы не было ни капли сочувствия. Она выехала со Стоянки.

— А что, если я не найду, куда надеть все эти вещи?

— Большую часть этих вещей ты можешь носить, когда печешь свои рулеты с корицей.

Алекс подумала, как это будет — заняться выпечкой в ее новых полупрозрачных бюстгальтере и трусиках. Весьма эксцентрично. Она прикрыла воображаемую картину новыми брюками и одной из блузок. Гораздо лучше. Может, надеть это в субботу, когда придет Роб? Может быть, он заметит разницу?

Надо отогнать эти мысли — она вовсе не собиралась наряжаться ради Роба. Предполагалось, что нужно наряжаться для всех этих заинтересованных холостяков, с которыми Эмма собиралась ее познакомить. Ей просто хотелось бы встретить холостяка, похожего на него.

— Эмма, ты думаешь, Роб привлекательный?

— Какой Роб?

— Мой Роб, который ремонтирует мне дом. Ты встречалась с ним, разве ты не помнишь?

— Он все еще продолжает у тебя работать? Я

думала, у тебя было только триста долларов на ремонт.

— Ну да. Он сам ведет подсчет своего времени и расходов и хочет, чтобы я заплатила ему сразу за все. Для него это будет как сберегательный счет.

— Алекс, опомнись. Деньги давно уже израсходованы, и он работает на тебя бесплатно.

Алекс опешила:

— Но почему?

Поскольку они стояли на светофоре, Эмма сказала коротко:

— Потому что Роб необычайно милый человек.

— Но ты считаешь его привлекательным?

— Да, — уступила она. — Как игрушечный мишка. Очень красивый мишка.

Алекс улыбнулась. Именно так Роб и выглядел. Большой и крепкий. Он принадлежал к тому типу мужчин, с которыми приятно быть рядом. А если работал бесплатно… ну, было бы интересно изучить его скрытые мотивы.

* * *

— Хорошо. Да. Поедем на рыбалку, — согласился Роб, невероятно раздраженный.

— Сегодня? Мы можем поехать сегодня?

— Да, когда я закончу здесь.

Близнецы начали свои намеки сразу же, как только он пришел утром. Пересказывали снова сагу о рыбе, спрашивали, как он думает, будет ли сегодня клев, говорили ему, какой он великий рыбак (против этой части он не очень возражал), и при этом были так ужасно навязчивы, что он сказал «да».

Они делали это, ничуть не выходя за рамки запретов, которые, видимо, установила Алекс. Хотя четырнадцатилетние детки могли бы быть и не так умны и послушны для своего же собственного блага.

Они помчались вниз сообщить Алекс. Через несколько минут он услышал, как она поднимается по лестнице, чтобы найти его. Он снова был под раковиной, готовый заменить трубу. После того как вчера прочистил ее, от старой трубы осталось просто решето. Наверное, только волосы и ржавчина удерживали ее от прорыва.

Из-за жалобной атаки двойняшек он чувствовал себя как город после осады и не вылез из-под раковины, когда женщина вошла в комнату.

— Роб?

— Да, — пробурчал он, не останавливаясь.

— Дети приставали к вам, пока вы не сказали «да»?

Вопрос поставил его в тупик. Он не хотел отвечать утвердительно и навлечь неприятности на Шеннон и Дарси, но, сказав «да», он бы мог насладиться ее сочувствием. Алекс поняла бы, как тяжела была эта двойная атака.

Он не ответил. Она опустилась на колени, чтобы видеть его лицо, и оказалась рядом с ним.

— Роб?

Роб подпер рукой голову. Она наклонилась очень близко к нему. Фартука не было. А рубашка, надетая на ней сегодня, казалась не такой огромной, как обычно.

Роб с трудом перевел дух. У нее было великолепное тело. Округлое и нежное. А кожа такая гладкая, что просто притягивала прикоснуться к ней.

И от нее пахло духами. Немного. Не слишком сильно. Но достаточно, чтобы заглушить ржавый запах старых труб. Этот аромат как будто обволакивал его, кружил голову.

Черт, она так близко! Он даже видел, как поднимается и опускается ее грудь при дыхании, как пульсирует вена под ее кожей. Пот вдруг заструился по его спине. Он не мог дышать.

Он рывком выбрался из-под раковины и сел, прислонившись к шкафчику и тяжело дыша.

Алекс вылезла вслед за ним.

— Роб?

Он хотел встать и уйти подальше от нее, но побоялся, что это может выдать его смущение.

— Вы в порядке?

— Да, все нормально. — Его голос прозвучал резко и хрипло. Таким голосом он не мог бы убедить даже самого себя, но она, должно быть, решила поверить ему на слово.

— Послушайте, девчонки докучали вам, пока вы не пообещали взять их на рыбалку?

Ее рубашка прекрасно облегает ее тело. И она заправила ее в шорты. И они тоже сидели идеально.

Отвернувшись, он пожал плечами.

— Я скажу им «нет». Простите, Роб, — сказала Алекс и при этом коснулась его руки. — Я говорила им не приставать к вам, но мне надо было проследить. С ними просто нет сладу, если они хотят чего-то добиться.

— Сладу нет, это точно, — пробормотал Роб.

— А вы уверены, что с вами все в порядке?

Он вяло облизнул губы. Потом кивнул. С ним было бы все в порядке, если бы она сейчас оказалась в нескольких сотнях ярдов отсюда… или лучше в другом штате.

Может быть, поняв это, женщина встала и вышла в холл.

— Подождите, — сказал он, вдруг осознав, о чем она говорила. — Я вовсе не против взять девочек на рыбалку. Мы можем поехать перед ужином.

— Вы уверены? — с сомнением спросила Алекс.

— Да, все будет нормально.

Она помедлила в нерешительности, потом сказала:

— Можно я тоже поеду?

Роб чуть не застонал. Он был совсем не готов провести время с ней. Потом он посмотрел на нее. У нее был неуверенный вид, словно она боялась, что могла обидеть его своим вопросом. Он видел, что она искренне хотела поехать.

— Конечно, — со всей сердечностью ответил он. — Это было бы великолепно.

Черт, что со мной такое? Роб залез назад под раковину.

«Ничего. Ты здоровый мужчина, не привыкший к воздержанию. Иногда природа просто берет верх».

«Но не с Алекс. Она — это сестра, о которой я мечтал, но которой у меня никогда не было. — Роб взял гаечный ключ. — И мне уже не шестнадцать

лет; я взрослый».

«Разве у взрослых нет гормонов?»

Взрослые держат свои гормоны под контролем.

«Ты тоже. Ты же не набросился на нее».

«Но мне бы этого очень хотелось». Роб с треском врезался головой в дно раковины. Точно. Если бы насчет этих вещей не было правил, он бы прижал ее к себе, обнял ее и потерялся во всей этой нежности ее тела. Он почти чувствовал ее губы на своих губах — мягкие, податливые, и то, как они улыбаются под его поцелуем. И ее тело. Вся эта нежность, эта обволакивающая теплота.

Что он вытворяет с собой? Его тело взвинчено до предела, поясница болит, по спине течет пот.

И это не в первый раз.

Нет. Роб перевернулся на спину. Она стала приходить к нему в спальню по ночам, по крайней мере в воображении. На ней было что-то прозрачное, сиявшее в лунном свете, а потом падала тьма, оставляя силуэт, нарисованный светом и тенью. Он протягивал к ней руки, и она тянулась к нему, скользила в его постель и ложилась рядом с ним.

Она прижималась к нему своим легким и гладким телом, ее пальцы легко касались его спины, ее дыхание щекотало его кожу. Он прижимал

ее крепче, желая впитать тот жар, которым она обладала. Тянулся и обнимал, разгорячаясь все больше, опьяненный желанием, но она оставалась только на его коже, шепчущая и ускользающая.

Потом он просыпался, запутавшийся в простынях, такой возбужденный, что его тело трепетало. А ее не было рядом.

Он старался не обращать внимания на эти сны, отгонял их, но ночью они возвращались снова. Он не помнил о них, пока не ощущал чего-то такого в реальной жизни — ее тепло и нежность, звук ее голоса, легкое прикосновение ее волос к его руке.

Роб попытался снова заняться трубой, но руки дрожали и не слушались его.

«Ну, и что ты собираешься делать со всем этим?»

Ничего. Абсолютно ничего. Я собираюсь вернуться к тому, что было, когда я впервые встретил ее, не думая о се красоте и не зная, что у нее есть все эти выпуклости и изгибы, и я мог любить ее просто как друга. Это просто безумие холостяка. Если бы я встречался с кем-то другим, этого бы никогда не случилось.

«Ну-ну, удачи тебе».

Роб работал весь день. Когда он прилаживал трубу, и позже, когда заменял треснувшее окно, и потом, когда замазывал протекающую водосточную трубу, он настойчиво старался изменить свое отношение к ней. И к тому времени, когда они все набились в его грузовик, чтобы ехать на озеро, он почти справился с собой.

Дарси сидела рядом с ним, ее костлявые локти пинали его под ребра на каждом ухабе. Девочки в очередной раз пересказывали сагу о рыбе. Алекс встретилась с ним взглядом поверх их голов. На этот раз история была уже раз в десять лучше реальной рыбалки.

Когда они очутились на воде, их гребля оказалась не лучше, чем в прошлый раз, хотя в рассказе она напоминала что-то вроде путешествия Одиссея. Роб даже подумал, что что-то не так запомнил. Но нет. Обе они по очереди гребли и регулярно плескали водой, а когда гребли вместе, то брызгали водой вдвое чаще.

После одного круга по озеру Роб и Алекс сидели, съежившись, на корме совершенно мокрые.

— В прошлый раз все было точно так же? — прошептала Алекс.

— Практически да, — ответил Роб. — Может быть, в прошлый раз мы вымокли больше, по-

сколько они только учились.

— А когда же они занимаются ловлей?

Роб покачал головой.

— Именно так они и поймали рыбу в прошлый раз. Они с воплями шлепали веслами по всему озеру, пока какая-то рыбина не бросилась к ним на крючок, только чтобы остановить их. Я подумал, что это могла быть жертва от предводителя рыб этого озера, который хотел тишины и покоя.

— Но на этот раз они даже не забросили удочки в воду.

— Думаю, девочки скоро заметят это. Но по-моему, они не станут от этого тише.

Алекс улыбнулась.

— Знаете, мне всегда казалось, что рыбалка не должна быть такой.

— Мне тоже, ведь я хожу на рыбалку уже много лет.

Пока девочки шлепали веслами по воде, Роб достал удочки и наживил их.

— Как насчет того, чтобы позволить им продолжать рыбалку самостоятельно? — наконец спросил он у Алекс.

— А мы пока посидим на солнышке на этом очаровательном сухом причале и посмотрим на них?

Роб кивнул.

— Думаю, это отличная идея. Я не знала, что можно заработать морскую болезнь, сидя в лодке на спокойном пруду.

Девочки довезли их до причала и отправились в свободное плавание. Глядя, как они отплывают, Роб почувствовал себя неуютно. Он остался один на один с Алекс и вдруг понял, что не хочет этого. Не сейчас. На ней была та же рубашка, которая так хорошо облегала ее фигуру. Только на этот раз была мокрая и прилипла к телу. И она сидела, откинувшись назад, уперев руки в землю позади себя, так что предзакатное солнце ласкало нежную линию ее шеи и подчеркивало высокие округлости грудей.

Роб почувствовал резкую боль в паху. Он отвернулся и пошел в дальний конец причала.

— Что-то случилось? — спросила она.

Меньше всего он хотел сейчас объяснять ей, что его гормоны совершенно взбунтовались. Впрочем, если бы он сказал так, они оба, возможно, могли бы даже посмеяться над этим. А потом луна перейдет в другую фазу или ночи не будут такими ясными и спокойными, и он сможет думать о чем-то еще.

Он внимательно посмотрел на нее. Она была

такой невинной. Несмотря на брак и наличие детей, казалось, что она вряд ли вообще что-то знает о сексе.

Возможно, поэтому он не заметил вначале, как она привлекательна. Она не делала ничего, чтобы привлечь мужчину. И дело было не только в одежде. Никакого глупого флирта, никаких тривиальных заигрываний, которыми пользуется большинство женщин. А для Роба после многих лет бесцельных свиданий это оказалось странно умиротворяющим. Он мог расслабиться и быть собой и не беспокоиться, что нужно играть в какие-то игры.

Но с другой стороны, когда все это случилось, он не чувствовал, что может завести речь о сексе. Это не было частью их отношений, и никто из них не хотел, чтобы было. А разговоры о сексе, даже если они оба договорились, что не хотят этого, обязательно привнесут его в их отношения.

Роб стянул свою футболку и выжал ее.

— Ничего не случилось, — наконец произнес он, натягивая снова мокрую футболку. — Думаю, я просто сегодня встал не с той ноги.

Алекс не сказала ничего. Когда он посмотрел на нее, она сидела, обхватив руками колени, и всматривалась в дальний берег озера. Он вдруг

почувствовал, что они бесконечно далеки друг от друга.

— Роб, я хочу, чтобы ты поехал со мной. — Джо говорил возбужденно и, может быть, немного обеспокоенно.

— Но если это еще одно мероприятие Торговой палаты…

— Нет. Ничего подобного. Я хочу, чтобы ты кое с кем встретился.

У Роба екнуло сердце.

— Джо, послушай, я признателен тебе, но сейчас это мне просто неинтересно. Мне нужен перерыв.

Приятель выглядел смущенным и разочарованным. Потом его осенило:

— Нет, я не хочу, чтобы ты встретился кое с кем ради себя; я хочу, чтобы ты встретился ради меня.

Это было совсем не похоже на Джо.

— Ты хочешь сказать, что тебе нужно, чтобы я встретился с кем-то, кем ты заинтересовался, и сказать, что думаю о ней?

— О, она тебе понравится. Она любому понравится. — Джо был полон энтузиазма. — Ну так как, сделаешь?

— Конечно. — Роб подождал, потом поинтере-

совался: — Где и когда?

— Сегодня вечером. Я заеду за тобой около семи. — Но, направившись к выходу, Джо остановился. — И знаешь, Роб, — в его голосе появилась нерешительность, — что-нибудь, кроме джинсов, хорошо?

Тот усмехнулся:

— Хорошо. Я позабочусь, чтобы твои друзья произвели на нее впечатление.

Он откинулся в кресле и стал смотреть в окно. Это, должно быть, какая-то особенная женщина. Он не мог припомнить, чтобы Джо когда-нибудь раньше говорил так — взволнованно и… напряженно… и просил его надеть что-то пристойное…

В семь часов Роб стоял в своей гостиной причесанный, в пиджаке спортивного покроя и отутюженных брюках, с безупречно завязанным галстуком. Когда Джо посигналил, подъехав к дому, он как раз смотрел на свое отражение в зеркале и думал, что так выглядит не слишком часто.

На Джо был костюм. Темный костюм с полосатым галстуком и белой рубашкой.

— О черт, извини. Ты хочешь, чтобы я надел костюм? Я могу переодеться за пять минут.

Тот внимательно посмотрел на него.

— Нет. Ты выглядишь нормально. Думаю, там будут люди, одетые по-разному.

Роб заглянул в машину. Она была безукоризненно чистой.

— А где же смятые обертки и банки из-под содовой? — спросил он. Это было совсем не похоже на машину Джо. И пахло тоже не как в машине Джо. Он, должно быть, искупался в одеколоне.

— Я устроил ей сегодня днем полную чистку.

Ух ты. Похоже, дело серьезное.

— Ты досконально вычистил машину, потому что везешь куда-то женщину?

— Ну, я не думаю, что повезу ее куда-нибудь. Я просто встречаюсь с ней. Но я подумал… — Голос Джо прервался.

Роб с удовольствием опустился на чистое сиденье. Может, эта женщина и не последняя, но Роб не скоро начнет жаловаться на ее влияние. Джо повел машину куда-то на окраину города.

— Куда мы едем?

— В Роуздейл. Там живет мой брат.

Роуздейл был пригородом Гранд-Бенда.

— Ты собираешься встретиться с ней у твоего брата?

Джо вытер вспотевший лоб.

— Прости, разве я не сказал тебе? Мы идем на пьесу, которую играет класс моего племянника.

— На игру класса Энди? — Энди было всего восемь лет. Но может быть, у него есть племянник постарше, которого Роб не помнил, — кто-нибудь из выпускного класса или из колледжа.

— Да. Это Хенни-Пенни, «Падающее небо».

Слова подвели его. Взволнованный приятель говорил о постановке учениками второго класса Хенни-Пенни? Джо?!

Тот нервно отыскал место для парковки и потащил Роба в школу, а там в душную, переполненную народом аудиторию. Родители бродили вокруг, дети суетились, кричали и носились.

— Нам надо было приехать сюда раньше, — расстроенно сказал Джо. — Я не знал, что за такими вещами люди приходят так рано. — Его глаза метались почти безумно в поисках свободных стульев. — Вот, — выдохнул он, заняв два. — Я должен быть у прохода.

Роб сел рядом и попытался найти удобное положение на металлическом складном стуле. Бедолага явно был не в своей тарелке. И не отрываясь смотрел на дверь. Роб окинул взглядом присутствующих. Родителям учеников начальной школы нет необходимости наряжаться. Во

всем зале только на них были галстуки. И хотя он увидел пару других спортивных пиджаков и костюмов, мужчины, одетые в них, выглядели так, будто это была их обычная рабочая одежда и они просто не успели переодеться. Похоже, Джо был единственным, кто специально нарядился для выступления. Он надеялся, Энди оценит это.

Сидя рядом с ним, приятель вдруг напрягся.

— Вот, — прошептал он. — Вот она.

Роб осмотрел проход и не увидел никого, кто мог бы привлечь его внимание в толпе обычных людей. Совершенно очарованному Джо, похоже, придется напомнить, что надо дышать. Может быть, за этим он и позвал с собой Роба.

Дети, причесанные и нарядные по случаю большого события, поднялись по ступенькам на сцену и исчезли за кулисами. Их учительница взяла микрофон, объявила пьесу, сообщила, что в последнюю минуту произошла замена исполнителя роли Цыпленка, и тоже исчезла.

Занавес дернулся и открылся. В зале резко погас свет. Хенни-Пенни, как он предположил, стояла под картонным деревом. Что-то большое и легкое вылетело из-за кулис и ударило ее по голове.

— Небо упало, — драматически объявила она, потом выглянула из-под куриной головы своего

костюма и помахала женщине, которая, должно быть, была ее бабушкой. Женщина восторженно замахала в ответ.

Да, Бродвей отдыхает. Пьеса разыгрывалась, как и представлял Роб, по всем канонам второсортной постановки. Артисты шепелявили, забывали текст, вели себя неестественно, а один ребенок вообще подумал, что это лишь прослушивание на роль. Сидящие вокруг родители напряженно смотрели и шевелили губами, когда их отпрыски выходили на сцену. В конце представления у всех присутствующих одновременно вырвался вздох облегчения, что у детей все получилось, и зал взорвался радостными аплодисментами.

Стоя на сцене, дети кланялись и улыбались, излучая радость и восторг своими беззубыми улыбками. Роб тоже улыбался. Было очень забавно видеть все это. Приятель тем временем хлопал изо всех сил.

— Разве это не прекрасно! — воскликнул он.

— Прекрасно, — согласился Роб. Правда, в его голосе не было такого энтузиазма, как у друга, но он старался. Когда зажегся свет и родители потянулись к выходу, Джо остался стоять на месте. Теперь он выглядел озабоченным.

— Я наконец познакомлюсь с той женщиной? —

спросил Роб.

— Еще минуточку, — ответил Джо. — Я думаю, мы пойдем в класс. — Но он не двинулся с места. Роб почти физически чувствовал его напряжение — стиснутые руки, напряженные мышцы, выступивший пот — это было совершенно не похоже на Джо, всегда такого естественного в общении. Он с легкостью проходил через мероприятия вроде обедов в Торговой палате. Ну а с женщинами — Роб никогда не видел, чтобы он так смущался перед женщиной. Бедный Джо.

Наконец он собрался, приготовился и, выйдя из зрительного зала, повел его по коридору, как человек, осуществляющий особую миссию. Роб надеялся, что никакой несчастный ребенок не попадется у них на пути, так как взгляд Джо был словно приклеен к двери, и никто и ничто не могло бы остановить влюбленного.

Они вошли в дверь. Учительница была занята детьми, родителями и костюмами. Роб с восхищением наблюдал за ней. Нужно было иметь навыки военачальника, чтобы учить второй класс, а эта женщина великолепно управлялась с ним.

Пришлось ждать, пока в комнате станет посвободнее и Джо сможет представиться учи-

тельнице.

— Привет, я Джо Джиарди, дядя Энди. Я только хотел сказать, что вы проделали прекрасную работу с этой пьесой, — пылко произнес он.

Женщина посмотрела на него и улыбнулась.

— Спасибо. Я думаю, Энди прекрасно сыграл Фокси-Локси. — Она быстро пожала ему руку, и повернулась к другим родителям.

Джо еще потолкался в классе, в конце концов все-таки вышел и направился по длинному коридору. Роб, совершенно уверенный, что о нем забыли, догнал его.

— Ты встречаешься сейчас с женщиной? — спросил Роб.

Джо обернулся, посмотрел на него долгим пустым взглядом.

— О чем ты?

Он понял, что другу нужна помощь.

— О женщине, с которой ты меня привез познакомиться. Когда ты встречаешься с ней?

— Я уже встретился с ней, — рявкнул он. — Ты разве не видел? Я представился, а она пожала мою руку.

Учительница? Джо заинтересовался учительницей? Тот был уже у выхода, и Роб поспешил догнать его.

— Ну, что ты думаешь? — спросил Джо, заводя машину и сосредоточенно всматриваясь в даль.

Надо было найти подходящие слова.

— Я думаю, что она очень привлекательная особа и прекрасно ладит с детьми, — прозвучало чистосердечное признание.

— Но как ты думаешь, я ей нравлюсь?

Роб запнулся. Разговор перешел на шаткую почву.

— Ты что, встретил ее сегодня вечером в первый раз? — осторожно спросил он.

— Ну да. Вчера я забирал Энди из школы и увидел ее. А теперь честно скажи мне свое мнение.

— Думаю, ты произвел очень хорошее первое впечатление. — Роб не был уверен, что Джо вообще произвел хоть какое-то впечатление, но он ведь был его лучшим другом.

Джо расслабился и вывел машину со стоянки.

— Ты считаешь? — спросил, на этот раз с надеждой.

— Безусловно. — Это было неподходящее время для откровенных признаний. Сейчас требовались утешение и поддержка. — Что ты будешь делать теперь? — спросил Роб.

— Ну, сказал моей невестке, что буду забирать Энди из школы до конца этой недели. Я подумал,

что если буду поблизости, то смогу поговорить с Лорой и, может быть, приглашу ее куда-нибудь, если все пойдет хорошо.

— Джо. — Роб подождал, пока не уверился, что привлек внимание своего друга. — Ты уверен в этом? Уверен в ней? Я хочу сказать, ты ведь даже, по сути, и не говорил с ней. Она может оказаться совсем не такой, какую ты ищешь.

Он видел, как Джо сглотнул.

— Ну, я в общем-то и не искал. — Это была чистая правда. — Но я совершенно уверен. — Это было сказано серьезно и даже немного испуганно.

Черт побери, подумал Роб. Разве может это произойти вот так? Ты видишь кого-то в противоположном углу комнаты, и — бинго! — ты понимаешь, что это она?

Но он много лет смотрел в противоположные углы комнат и так и не увидел ее. А ведь он искал. А его приятель никогда не искал и вдруг оказался ослеплен этой учительницей, которую встретил по чистой случайности. Любовь… подумать только. Ну что ж, возможно, помогая Джо пройти через это, он сможет ненадолго отвлечь свои мысли от Алекс.

Это было бы облегчением, подумал Роб.

Глава 8

— Послушай, Роб, ты занят? — начал Джо телефонный разговор в воскресенье днем. — Мне нужно, чтобы ты… ну… сходил на свидание кое с кем вместо меня. Я очень надеюсь на твою помощь.

Это должна была бы быть худшая женщина на земле, чтобы его любвеобильный друг добровольно отказался от нее. В противном случае он бы нашел способ встретиться с ней сам. Джо обычно совершает чудеса отваги и ловкости, которым позавидовал бы цирковой акробат, чтобы встретиться с понравившейся женщиной.

— Это кузина Лоры, которая приехала на сегодня в город. И если бы ты пошел с ней, я мог бы увидеть Лору.

«Я мог бы увидеть Лору». Как будто бы жизнь не могла предложить ничего лучше. Джо говорил как в первый раз влюбившийся подросток. Как влюбленный. Чтобы увидеть это, Роб сделал бы гораздо больше, чем только высидеть скучный вечер.

— Конечно. Я могу это сделать.

— Отлично. — Приятель был явно взволнован. — Это просто отлично.

— Что ты запланировал?

— Запланировал? — В голосе Джо было беспокойство. — Роб, я ничего не запланировал.

Это не слишком удивило Роба. Джо в принципе был не из тех, кто планирует. Удивительно было то, что сейчас он запаниковал из-за этого.

Надо было попытаться помочь ему выйти из затруднения.

— У Лоры были какие-нибудь идеи? Я имею в виду, что она собиралась делать со своей кузиной?

— Говорила что-то насчет того, чтобы показать ей старый город, пройтись по магазинам или выпить где-нибудь кофе.

— Ну это мы смогли бы сделать.

— Пойти с ними в старый город? Ты думаешь, этого для свидания было бы достаточно?

И это говорит Джо, который всегда считал, что покупка нескольких банок пива будет совсем неплохим развлечением для женщины.

— Думаю, это будет отлично, поскольку Лора и ее кузина хотят пройтись по старому городу.

— Я узнаю у нее. Мне перезвонить тебе?

— Нужно будет узнать время, — терпеливо

ответил Роб. — И что надеть.

Он сделал последнее замечание ради шутки, но друг воспринял все серьезно.

— Что надеть? Я не знаю, что надеть. Как ты думаешь, что мы должны надеть?

Когда в последний раз кто-то обсуждал с ним, что надеть? В средней школе? Но Роб был согласен на это, потому что это был Джо, влюбленный и наверняка оглушенный, а он был его другом много лет.

— Думаю, брюки и спортивную рубашку. Может, еще пиджак, если ты действительно хочешь произвести на нее впечатление.

— Пиджак, — пробормотал Джо, — спортивная рубашка. Брюки. — О Боже, он как будто записывает это! — Я перезвоню тебе.

Кузина Лоры оказалась довольно привлекательной высокой блондинкой, которая много улыбалась. Но даже будь она Годзиллой, Роб вряд ли бы это заметил. Он не мог оторвать глаз от Джо и Лоры. Вернее, от Джо с Лорой.

Лора была невысокая, энергичная и разговорчивая. У нее были короткие прямые темные волосы и широкая улыбка. А он вел себя так, будто она только что свалилась с луны. Выглядел жаждущим, полным надежды и совершенно оше-

ломленным. Говорил глупости и ронял за столом приборы. Лоре было достаточно заговорить с ним, и он просто расцветал от счастья.

Джо как будто стал другим человеком и выглядел таким счастливым, что просто сердце разрывалось. Роб надеялся, что его избранница сможет догадаться, какой на самом деле замечательный человек его друг, потому что приятель в этот вечер показал себя не лучшим образом.

Когда Джо пошел за напитками, Роб попытался замолвить словечко за друга.

— Знаете, мой друг превосходный бизнесмен, — начал Роб. — Прекрасный менеджер.

— Вы хотите сказать, что он не всегда такой неуклюжий? — спросила Лора.

Она определенно знала, как взять быка за рога.

— Да.

Девушка улыбнулась:

— Я так и знала.

— Просто нервничает, потому что очень увлечен вами. — Роб понял, что у него не очень ловко получилось приукрасить его в ее глазах.

— Не волнуйтесь. Большая разница, если кто-то сходит с ума из-за тебя и если он просто сумасшедший. А если ваш следующий вопрос будет: «Что вы думаете о нем?» — ответ такой: он мне

очень нравится. Вероятно, почти так же, как я нравлюсь ему.

Роб просиял, довольный ее откровенностью, а Лора продолжила:

— Вопрос только в том, сколько времени ему понадобится, чтобы понять это и перестать обращаться со мной так осторожно.

— И насколько же он осторожен с вами?

— На данный момент мы встречались три раза, и он дошел до того, что пожал мне руку у дверей. — Она улыбнулась. — Мне кажется, если он поцелует меня, то решит, что обязан сделать мне предложение.

Робу все больше нравилась Лора.

— А что бы вы сказали, если бы он так и сделал?

— Да.

Роб широко улыбнулся. Он был очень рад за друга.

— Но вы должны пообещать, что ничего не скажете ему об этом, — добавила она. — Я бы хотела посмотреть на него, когда он сам это поймет.

Роб тоже очень хотел увидеть этот момент.

Он вошел в столовую и обнаружил, что Джо стоит и улыбается стене. Должно быть, после его ухода тот провел незабываемый вечер. Роб налил

себе чашку кофе, приготовившись к неизбежному, но партнер молчал.

— Доброе утро, приятель, — сказал он. Джо, похоже, вообще не осознал, что он вошел. Или что сегодня утро понедельника.

Роб направился к двери. Проходя мимо, ждал его обычного вопроса и остановился, ничего не услышав.

— Утро понедельника, — помолчав, сказал он. Джо что-то пробормотал.

Роб вышел в коридор, прошел в свой кабинет, но Джо все еще молчал.

Роб не мог поверить, что ждал этого. Двенадцать лет они вели бизнес вместе, и каждое утро понедельника начиналось одинаково. Сотни недель начинались с одного и того же грубого вопроса.

Он ненавидел этот вопрос все двенадцать лет, и Джо никогда не забывал задать его. Черт побери, это не понедельник, если он не услышит знакомого вопроса. Роб поставил чашку на стол и вышел в коридор, прислушиваясь, не идет ли Джо навстречу, прошел по коридору весь путь до столовой. А влюбленный все еще стоял, правда, улыбался теперь кофеварке.

Пройдя в свой кабинет, Роб решительно уселся

в кресло и взял карандаш, но не мог начать работать, не мог сконцентрироваться. Все, что он мог, — это только ждать привычных слов. А они, похоже, не прозвучат.

Выругавшись, снова пошел в столовую. Он встал перед Джо, подбоченившись. Он точно знал — то, что он сейчас произнесет, прозвучит просто оглушающе.

— Получил что-нибудь?

Джо встрепенулся, и Роб видел, как он постепенно выходит из транса. Когда он наконец опомнился, на его лице отразилось изумление, смешанное с крошечной долей неодобрения.

— Ну и ну, не могу поверить, что это сказал именно ты. Неужели ты так плохо думаешь о женщинах?

Глава 9

Роб подъехал к дому Алекс и медленно потянул за рычаг ручного тормоза. Он не стремился увидеть ее, но был, увы, еще только в середине ее ремонтного списка.

Но может быть, и стремился. Невозможно было перестать мечтать о ней. Он мечтал о ней раздетой и раздевающейся, приглашающей его в постель. Улыбающейся такой улыбкой, от которой сердце сладко замирает, а затем совершающей такие движения, от которых нормальный человек сходит с ума.

Это всего лишь мечты. В реальной жизни она, возможно, совсем не такая.

Возможно, он не хотел, чтобы другой мужчина даже смотрел на нее. Ему нравилась даже мешковатая одежда. Правда, сейчас Алекс больше не носила ее, а носила платья и блузки, подчеркивающие фигуру.

О черт. Роб сидел в своем грузовике и ждал, пока ослабнет натяжение его брюк. Проклятие, если он будет думать об Алекс, ему наверняка придется все время жить в состоянии физическо-

го возбуждения.

Конечно, нужно признать, что существовало очень простое решение. Он мог встречаться с ней и уговорить ее лечь с ним в постель.

«Так почему же ты этого не делаешь?»

Невыносимо расстроенный, Роб ударил ладонями по рулю. Как только он приближался к ней, сама идея казалась абсурдной. Судя по ее поведению, она как будто даже не воспринимала его как мужчину. Он был для нее просто старый, верный Роб, который появляется на ее пороге каждую субботу.

«Ты мог бы дать ей понять, что ты мужчина. Раньше у тебя это прекрасно получалось. Мог бы попытаться».

Даже от одной этой мысли его ладони стали влажными. Он надвинул шляпу на глаза и вылез из машины, чувствуя сейчас себя немного удобнее в своих джинсах. Хоть в каких-то случаях беспокойство помогает.

Пока он шел к ступенькам крыльца, двойняшки на полкой скорости вылетели из дверей.

— Роб, как мы…

— …рады вас видеть. Нам не удалось попрощаться…

— …на прошлой неделе. И особенно нужно

поговорить сегодня…

— …потому что хотели попросить об особенном одолжении.

Как умудряются всего два человека создать толпу? Но у них получалось. Он шел к дому, чувствуя, что продирается сквозь толпу. И все это время девчонки продолжали болтать.

Алекс вышла на крыльцо, и видно было, что на лице ее отразились одновременно и тревога и облегчение. Может быть, она боялась, что он не придет? Это был бы хороший знак.

Близнецы трещали без умолку. Мужчина едва мог перевести дух от всех этих разговоров. Или это было из-за Алекс?

О Боже, он в беде.

— …так как, Роб, вы…

— …думаете, что можете пойти с нами?

Шум вдруг прекратился. Обе девочки напряженно смотрели на него огромными глазами.

— Простите, — сказал он. — Вы не могли бы повторить это еще раз?

Они обе дружно вздохнули.

— Ну, в школе Лига девочек каждый год устраивает…

— …банкет отцов и дочерей, — даже говоря ради него медленно, они все равно не могли сказать

сразу целое предложение. — И обычно мы ходим с нашим дедушкой, но в этом году он не может приехать, и мы…

— …подумали. Не могли бы вы…

— …пойти с нами.

Они выглядели испуганными, действительно испуганными, и стояли, прижавшись друг к другу, с расширенными глазами и сжатыми руками. А все потому, что он мог не захотеть повести их. Робу вдруг захотелось обнять их обеих.

— Это было бы отлично. Я с радостью пойду.

Двойняшки просияли от восторга. Он почувствовал себя королем.

Алекс тихо стояла на крыльце. На ее лице было облегчение, как будто все только что прошли особенно сложный период жизни.

Тишина продолжалась ровно секунду.

— Еда там наверняка будет ужасная, — возбужденно начала Дарси. — В этом году должна быть…

— …китайская еда. А к вашему сведению, это означает, что они дадут вам…

— …огромную кучу рубленого неизвестно чего в липком соусе…

— …и будут ждать, что вы съедите это.

Это Дарси жалуется? На странную еду?

— А теперь не двигайтесь.

— У нас есть кое-что для вас.

Роб устроился в кресле на веранде. Алекс встала рядом с ним.

— Надеюсь, вы не против того, о чем они попросили, — говорила она нерешительно, теребя в руках ткань брюк, не отрывая взгляда от своих пальцев. — Они обе были так уверены, что вы пойдете с ними, но я не думаю, что они действительно понимают, что далеко отсюда у вас есть своя жизнь. — Тон ее стал извиняющимся. — Я не хотела, чтобы вы чувствовали себя… — руки отпустили ткань, — обязанным.

— Алекс. — Она ответила взглядом. Ее глаза были переполнены тревогой. — Я не думаю, что когда-либо был так рад быть приглашенным куда-то.

— О! — Ее щеки порозовели. — Я рада, что вы так к этому относитесь, — отвернувшись, прошептала она, ее голос вдруг охрип.

Мать боялась за дочек, боялась, что он разочарует их или ранит их чувства.

А потом вернулись близнецы. У девочек был таинственный вид, и каждая их них что-то прятала за спиной.

— Роб, мы не были уверены, что у вас есть…

— …что-нибудь, кроме джинсов, чтобы надеть на банкет. Так что мы…

— …сложили вместе наши деньги, полученные за работу нянями, и…

— …кое-что вам купили. — Они вытащили красиво завернутые коробки. Все выглядело так, как будто у него был день рождения или что-то вроде этого. А они смотрелись чертовски довольными, энергичными и… совсем маленькими детьми. У Роба перехватило дыхание. Осторожно взяв коробки, он положил их себе на колени. Ему пришлось откашляться, чтобы спросить, которую из них нужно открыть первой.

Поспорив об этом, сошлись на том, что начать надо с большой. Он открыл ее — брюки.

— Отлично, и размер тот, что надо.

Девчонки просто светились от удовольствия.

— Мы посмотрели размер на ваших джинсах. Это я придумала, — гордо заявила Дарси.

— Правда, было довольно трудно прочитать задний ярлык, потому что он весь вытертый, а вы все время двигались. Мы не были уверены, что правильно рассмотрели, — честно добавила Шеннон.

Роб тут же вспомнил, когда они это высматривали. Одна из них разговаривала с ним, а другая

стояла сзади. А потом, когда он поворачивался посмотреть, что делает та, что сзади, первая заговаривала снова, а вторая, должно быть, рассматривала ярлык. Это было пару недель назад. Похоже, они давно это запланировали.

— Ну а теперь откройте вторую. — Они обе почти пританцовывали от возбуждения.

Он развернул вторую коробку. Голубая рубашка.

— Да это просто чудесно.

— Загляните под рубашку. Вы должны посмотреть, что под рубашкой, — загалдели девочки.

Роб вынул рубашку.

— Галстук в форме рыбы, — улыбаясь, произнес он. — Галстук цвета радужной форели. — Достав его из коробки, надел на шею и начал завязывать. — Это самое лучшее.

Сестрички прыгали и пританцовывали.

— Он был самый лучший. Мы знали, что так должно быть. Можете поверить, что бывают галстуки в виде рыбы?

Роб подумал, что, пожалуй, никогда не видел их более возбужденными. И все потому, что они вручили ему подарки, и эти подарки ему понравились. Черт, как родители выдерживают такое? Дети могут быть просто невыносимыми, а уже

через минуту такими милыми.

Девочки немного успокоились — ровно настолько, чтобы рассказать ему историю покупки рубашки.

— Мы не знали, какого размера…

— …нужно покупать рубашку. Нам сказали, что если вы носите самые большие футболки, то рубашка может быть совершенно любого размера, — закончила Шеннон.

— Мы увидели мужчину примерно вашего размера и спросили, какой размер рубашек он носит, и вот что выбрали. — Дарси была в восторге от собственной гениальности.

— Но продавец сказал, что, если не подойдет, ее можно вернуть, — хором заявили они.

Роб посмотрел на ярлычок с размером. Они, должно быть, считают, что у него размер, как у Кинг-Конга.

— Идеально, — сказал он, удовлетворенно улыбнувшись. — Эта будет как раз то, что надо.

Просияв, двойняшки сообщили ему дату и время банкета и исчезли на втором этаже, вероятно, чтобы начать сочинять сагу о рыбном галстуке.

Роб откинулся в кресле и окинул взглядом коробки. Это, пожалуй, было самое приятное, что произошло с ним за последние несколько лет, и

ему хотелось хотя бы пару минут насладиться этим. Но не тут-то было.

Алекс схватилась за спинку стула. Как могли девочки сделать это? Прося разрешения на приглашение Роба на банкет, они и словом не обмолвились об одежде. Как должно быть унизительно для него, что подростки заметили, что у него нет приличной одежды, и купили ему ее.

— Простите, я не знала, что девочки собираются сделать это.

Роб посмотрел на нее, оторвавшись от укладывания «рыбного галстука» в коробку. Он совсем не выглядит униженным, заметила она. Наоборот, кажется совершенно довольным, как будто получил действительно великолепный подарок. И это все можно было прочитать на его лице.

— Вы беспокоились о том, как я себя почувствую, приняв все эти подарки от девочек? — Женщина кивнула, и Роб успокоил ее: — Я чувствую себя просто прекрасно.

Но если бы он был беден, разве не было бы ему плохо — даже стыдно, — что кто-то это заметил? Может, Эмма была права?

Алекс выпрямилась.

— Роб? — Он выжидательно посмотрел на нее, и она решилась: — Роб, Эмма думает, что вы ра-

ботаете на меня бесплатно и что на самом деле вы не бедный.

— Вы хотите сказать, что я не отщепенец, которым вы меня считали и из-за чего дали мне эту работу, и поэтому ваши милые дети подарили мне эту одежду.

Алекс закрыла глаза.

— Если я не бедняк, должен ли я буду вернуть галстук?

Она открыла глаза только для того, чтобы увидеть, как он легким шагом направляется к своему грузовику с коробками в руках. Черт, это был не ответ, и ее охватило раздражение.

Ей хотелось получить точный ответ о средствах на ремонт, поэтому пришлось пойти за ним к машине.

— Роб, Эмма сказала, что вы наверняка уже использовали все триста долларов на материалы и не возьмете ничего за вашу работу.

А она умная женщина, эта Эмма. Роб никак не мог справиться с коробками, потом медленно повернулся. Алекс подошла и встала у него за спиной, так что теперь она оказалась всего в нескольких дюймах от его груди.

И он пропал. Запах ее волос, нежность тела, очаровательный румянец, появившийся на ее

коже. И эти уши. Он никогда раньше не замечал ее ушей. Они были маленькие, аккуратной формы и такого нежного розового цвета, что ему захотелось прижаться губами к мочке этого очаровательного ушка.

Желание наполнило его кровь. Еще до того, как он понял, что с ним происходит, по телу пробежала дрожь.

И она ответила ему. Ее зрачки расширились, губы смягчились. Тело почти незаметно качнулось к нему. Ее длинные мягкие ресницы коснулись щеки, и он нагнулся к ней. Его рука невольно поднялась, чтобы прикоснуться к ней, затем коснулась ее руки и скользнула вверх по плечу.

Алекс вздрогнула. Она подняла руки, чтобы как бы заслониться от него. В широко распахнутых глазах был страх.

Она сделала быстрый шаг назад, потом еще один, повернулась и почти бегом помчалась в дом.

Господи, ради всего святого, что он сделал не так? Роб был совершенно уверен, что она хотела его прикосновения. Он думал, что прочел в ее глазах то же желание, которое чувствовал сам. Но она вдруг отскочила, будто он напал на нее.

Роб стоял, прислонившись к своему грузови-

ку. Было так больно сознавать после всех этих жаждущих снов, что она не выносит даже его прикосновения, находит его отталкивающим.

Но это неприятие было больше чем физическим. Ему казалось, что после того времени, что они провели вместе, он сможет прикоснуться к ее руке, не напугав ее.

«Но Алекс почти никогда не прикасалась к тебе. Даже случайно».

Действительно. К девочкам она прикасалась постоянно — объятия, похлопывания, поцелуи, шлепки, особенно когда они не видели, что она подходит. Но к нему — никогда.

Дело в нем или в ней? Роб наконец захлопнул дверцу машины. Это можно выяснить прямо сейчас, пока идет ремонт ступенек веранды. Он взял молоток, гвозди и доски, которые привез с собой, вернулся на веранду и начал замеры.

Может быть, она не считает его привлекательным. Или может быть, действительно воспринимает его как брата, как сказала ему однажды.

Он отмерил нужный кусок и начал отпиливать кусок доски для замены.

Может быть, она вообще не заинтересована в любовном романе, помня, что ее брак не был счастливым.

Роб усердно пилил. Нет, это неправда. В конце концов, она же отвечала на объявления о знакомствах.

Она просто не интересуется им.

Он крепче сжал рукой доску и продолжал пилить. Опилки сыпались густыми потоками.

Черт, какой же он дурак! Несколько недель видел в своем воображении страстные ночи с ней, а предмет страсти не считает его привлекательным. Роб пнул ногой отпиленный край доски, упавший на землю. Он почему-то решил, что если сам считает ее привлекательной, она тоже должна считать его таким, хотя и знал, что так бывает не всегда.

Еще одна новая доска аккуратно легла в пол веранды. Как хорошо добраться до места, где можно поработать молотком. Он забивал гвозди до тех пор, пока они не запросили пощады, а ему все казалось мало.

Постукивая молотком в разных местах веранды, он размышлял о том, что бить молотком приятно. Даже попасть по пальцу не так уж плохо. По крайней мере это отвлечет его мысли от Алекс и даст повод поехать домой.

Забавно, как всего одна минута около грузовика изменила все между ними. Роб на самом

деле уже не хотел оставаться. И не хотел возвращаться. Может быть, он скажет ей, что все деньги закончились.

«Но ты должен вернуться на следующей неделе, чтобы пойти с девочками на банкет отцов и дочерей. Кроме того, когда ты скажешь ей, что деньги закончились, она захочет тебе заплатить», — напомнил ему его везде сующий свой нос внутренний голос.

Значит, надо поработать на этой неделе и на следующей, отвезти девочек на банкет, а потом навсегда убраться из их жизни.

А как же Шеннон и Дарси?

Не хотелось, чтобы они почувствовали, что он просто бросил их.

Есть ли способ сделать это правильно? Наверное, нет. Роб просто знал, что он не сможет, действительно не сможет вытерпеть, если Алекс снова вот так вздрогнет.

«Ты мог бы исчезать постепенно. Реже заходить, оставаться ненадолго. И когда однажды ты просто не появишься, все уже привыкнут к этому. Ремонт дома рано или поздно все равно должен закончиться. А ведь именно это причина того, что ты здесь».

Роб обыскал весь грузовик, пока не нашел грун-

товку для новой доски. Когда же это перестало быть причиной? Когда ему начало нравиться это общество?

«Какая разница? Ты по уши погрузился в эту семью, и ради твоего же собственного блага тебе нужно выбираться».

Он сделал долгий, глубокий вдох. Ему надо опять начать ходить на свидания. Сны быстро исчезнут, как только появится реальная женщина, чтобы занять место Алекс. В его голове все смешалось. После того как он увидел ее обнаженной, ему было очень легко поддаться страсти. Но это лишь фантазии. А то, что ему нравится Алекс и дети, вовсе ничего не меняет.

Может быть, ему стоит позвонить той кузине Лоры, если он вспомнит ее имя. Не то чтобы он так уж поразил ее. Он провел весь вечер, наблюдая за Джо, и гадал, сколько продлится это волшебное превращение друга.

Но девушка казалась милой и была действительно привлекательной. Да и Лора, может быть, замолвит за него словечко. И в его записной книжке наверняка есть имена, которые помогут скрасить одиночество, когда он перестанет пытаться жить в фантазиях.

Роб знал, что ему нужно выйти из состояния

— как бы оно ни называлось, это состояние, — в которое он попал из-за Алекс.

Надо убраться из ее жизни как можно тактичнее. Это он сделает после банкета отцов и дочерей — не хотелось нарушать обещание, данное девочкам Алекс. Даже если она считала его просто другом.

Глава 10

Роб и девочки вернулись домой словно на крыльях. Алекс подумала, что никогда не видела более счастливых людей. Им просто не терпелось рассказать ей все-все. Какая ужасная была еда, и как они устроили беспорядок, пытаясь есть палочками, и что там был ди-джей, и что Роб танцевал с каждой из них. И не забыли, как великолепно выглядел он в своей новой одежде и элегантном новом галстуке в виде радужной форели.

Девочки без умолку вспоминали все подробности, поглощая попкорн, пока не утомились. Тогда они отправились наверх, рассказывая друг другу, правда, теперь медленнее, что произошло сегодня вечером. Алекс проводила их до комнат и снова спустилась вниз. Роб все еще сидел в кухне рядом с попкорном.

— Не хотите ли рассказать мне, что случилось? — тихо спросил он. — Почему вы вот так сбежали?

— Не знаю, — был короткий ответ, при этом, встретившись с ним взглядом, Алекс сразу отвела

глаза, как испуганная лань.

Она снова посмотрела на него, но Роб так и сидел, удобно устроившись за столом, как будто ничего не слышал.

— Я думала, что мы друзья. Я честно не знала, что вы интересуетесь мной. Ну, в этом смысле.

Он не шевелился, молчал… и не собирался пока уходить домой.

— Скажите мне вот что, — наконец проговорил Роб. — Как вы думаете, мы могли бы быть больше чем друзьями?

— Ну… — Алекс долго раздумывала над вопросом и не отвечала, что бесконечно раздражало его.

Совершенно нелогично ему вдруг захотелось обнять ее, погладить ее волосы и сказать, что все будет хорошо… хотя он даже не знал, сможет ли она когда-нибудь думать о нем не как о друге.

Тут она встала, обеспокоенная и смущенная, и он все-таки это сделал. Встав вместе с ней, обнял ее и нежно провел рукой по ее волосам, и она прильнула к нему.

— Увидимся в следующую субботу, — сказал он, а когда она стала отстраняться, отпустил ее, хотя на самом деле хотел прижать крепче.

— Я рада, — неожиданно ответила Алекс, под-

нимая на него свои нежные глаза.

Роб вспоминал эти слова всю неделю. Она будет рада видеть его. Но сегодня ему придется опоздать — Джо в очередной раз сосватал ему дополнительную субботнюю работу. Только этот ремонт был для его дорогой Лоры.

Это было хуже всего. Влюбленный торчал там, дышал ему через плечо, суетился и критиковал все подряд. Роб надеялся, что приятель решит свои любовные дела поскорее.

Когда он, несмотря на происки друга, все-таки добрался до Алекс, был уже день. Если бы там не было Лоры, он бы давно выставил этого советчика и отремонтировал трубу за полминуты. Но надо было поддерживать имидж Джо как настоящего легендарного мастера на все руки, так что он зря тратил время, едва удерживаясь от того, чтобы не врезать ему по голове гаечным ключом. Когда он уходил, Лора подмигнула ему, и он понял, что ее не удалось обмануть. Роб покачал головой. Джо обманывал сам себя. Ну что же. Это тоже имеет какое-то значение.

Роб позвонил в дверь и долго ждал. Забавно: он привык слышать топот ног на втором этаже сразу после звонка. На этот раз дверь открыла сама хозяйка и, похоже, была рада видеть его. В

доме было тихо.

— Девочек, наверное, нет дома.

Она улыбнулась:

— Тихо, да? Они на летних каникулах у дедушки и бабушки, уехали вчера, сразу после того, как закончились занятия в школе.

— Они мне ничего не сказали. — Роб просто не мог в это поверить. На банкете они постоянно говорили о том, чем будут заниматься, когда закончится школьный год. Как они умудрились, говоря так много, сказать так мало?

Весь дом тоже был прибран. Не было ни тетрадок, разбросанных на кофейном столике, ни сумок со спортивными принадлежностями, валяющихся в коридоре.

— Очень странно, не правда ли? — Алекс выглядела немного нерешительной.

— Вас это тревожит?

— Обычно да, день-другой, а потом я начинаю понимать, что вообще-то могла бы снова иметь свою собственную жизнь, что мне, собственно, хочется. Когда они возвращаются, я никогда не бываю полностью уверена, готова ли я к их присутствию.

— Может, оставить вас одну? Чтобы вы могли насладиться покоем.

— Нет, я бы предпочла, чтобы вы остались, чтобы я могла перестать бессмысленно бродить, прибирая пустые, тихие комнаты.

— Хорошо. — Роб направился в подвал, где планировал заменить разбитое оконное стекло. Это был последний пункт в ее ремонтном списке, так что это он собирался сделать не спеша.

Алекс пошла за ним следом. Она действительно выглядела потерянной.

— Не хотите ли помочь? — спросил он.

— А вам нужна помощь?

Вообще-то нет, но он мог изобрести что-нибудь.

— Конечно. Подержите вот это стекло на месте, пока я наложу замазку.

Когда она принесла еще один стул и встала на него рядом с Робом, ей пришлось все равно тянуться к окну.

Роб выдавил полоску замазки и повернулся к Алекс, чтобы сказать ей, что стекло надо держать неподвижно. Она напряженно смотрела на стекло. Кончик нежного розового языка показался между губ. Несколько прядей волос вились у висков. Очаровательные брызги веснушек рассыпались по переносице.

По спине у него заструился пот. Боже мило-

сердный, но он желал ее. Он подумал, что ему не важно, хочет она его или нет. Он отдал бы пять лет жизни за то, чтобы запустить пальцы в ее волосы. Или почувствовать этот язык на своих губах. Или узнать, каково это — чувствовать ее кожу под своими губами.

Он не мог стоять рядом с ней, помня все свои безумные мечты о ней. Она была маленькой и теплой, и такой нежной и податливой, и…

У Роба было чувство, что если он сейчас же не отойдет от нее, то сделает какую-нибудь глупость, которая снова напугает ее.

— Я пойду наложу замазку снаружи, — с трудом выдавил он. — А вы продолжайте держать стекло.

Она улыбнулась ему, все еще сосредоточенная на стекле.

Бедняга тяжело слез со стула, на котором стоял. И тут взгляд его упал на ее ноги, стройные и длинные. Как бы они обвивались вокруг его талии! Он почти ощущал жар между ними.

Роб быстро вышел из дома. Замазку выдавливал рывками.

Что же делать? Сейчас он не мог остаться с ней в доме. Двойняшки были для него как изоляция. Теперь же они одни, и никакой надежды, что

кто-то появится, а весь второй этаж заполнен кроватями. Вот дьявол, он же не святой!

Он крикнул через стекло, что она может теперь отпустить руки, а он проверит другие стекла на крепость.

Вообще-то Роб уже сделал это на прошлой неделе. Именно тогда он и обнаружил треснувшее стекло. Но он проверил снова. Не хотелось уходить. Ему так хотелось дотронуться до нее.

А он не может сделать этого. Пока не будет уверен, что она сама хочет его.

Роб медленно вошел в дом. Алекс поднялась наверх с ящиком инструментов.

— Все окна подвала выглядят прекрасно, — сказал он.

— Отлично. Спасибо, что проверили.

Его грудь словно сдавило обручем.

— И это последнее из того, что нужно было отремонтировать.

— Правда? — Алекс смотрела на него не двигаясь. Потом она улыбнулась, но улыбка была очень слабой. — Итак, это означает, что вы больше не вернетесь? — В ее голосе явно слышалось напряжение.

Он проглотил комок в горле.

— Думаю, да.

— Вот как. — И ни один из них так и не пошевелился.

Она опустила глаза, потом снова подняла взгляд и пробормотала:

— Мне будет вас не хватать.

Прилив почти физической боли охватил его тело. Роб кивнул. Это все, что она должна была сказать ему.

— Было очень приятно работать на вас, — угрюмо ответил он, чувствуя себя ужасно глупо.

Он взял свой ящик с инструментами и направился к двери, она медленно последовала за ним.

— Подождите, — раздался тихий голос, когда он взялся за щеколду. — Подождите. Я же не заплатила вам.

Он остановился, ожидая пока это долгое, медленное прощание закончится.

Она вышла из комнаты, потом вернулась и молча протянула ему обыкновенный голубой чек. Его рука взяла бумагу и засунула в карман. Вот и все.

Он уже на веранде, спустился по ступеням, заставляя себя идти.

— Роб. — Ее нерешительный голос снова остановил его. — Вы бы не хотели сегодня отпраздновать

окончание ремонта?

Повернувшись к ней, он увидел, как она испугана, как трудно ей было это произнести.

— Угощение мое — я хочу отблагодарить вас за все, что вы сделали.

Ему следовало бы ответить ей «нет». Он знал, что должен был ответить ей «нет». Но он надеялся хотя бы раз быть тем, для кого она наряжалась. Мужчиной, на свидание с которым она собиралась субботним вечером. Мужчиной, который подвинет для нее стул или заплатит за ее напиток или… все, что угодно.

— Да, — медленно ответил он. — Мне бы очень этого хотелось.

— Я могу пригласить вас на ужин? — Это был вопрос.

— Мы даже могли бы пойти потанцевать в кантри-баре, — сказал он. Ему так хотелось именно этого, он мечтал об этом с того самого дня, когда услышал о ее первом свидании. Эти слова были у него уже наготове, хотя он даже не осознавал, что думает об этом.

Она зарделась, и на лице появилась искренняя улыбка.

— Вы любите танцевать?

— Да, люблю. — Он так хотел танцевать с ней,

смотреть, как она двигается, как смеется. И хотя бы раз, прежде чем попрощаться, он хотел прижать ее к себе. И не хотел слышать возражения, когда сделает это.

— Я заеду за вами в восемь, — сказал он, глубоко вздохнув. — Но платить буду я.

Алекс открыла рот, чтобы возразить. А потом, возможно, чтобы пощадить его гордость, она кивнула.

Закрыв дверь, почувствовала дрожь, возбуждение и испуг. Она решилась попросить Роба провести с ней время. И он согласился. Так, как будто действительно хотел этого. Через несколько часов он вернется, но не для того, чтобы ремонтировать дом, а чтобы увидеть ее.

Ей надо поразить его. Она собиралась вымыть голову, и не забыть про духи, и надеть ту впечатляющую блузку с джинсами. И…

«И что? Ты себя-то слышала? Ведешь себя так, будто это свидание. А это не свидание, Алекс. Этим ты просто благодаришь его за работу, которую он сделал».

Но что, если…

«Что? Если ты нравишься ему? И что тогда? Он прикасается к тебе, и ты пугаешься и ведешь себя как идиотка. Подумай об этом».

Думать не хотелось. Она долго нежилась в ванне с пеной, которую припрятала от близнецов. Затем расчесывала волосы до тех пор, пока они не стали потрескивать и блестеть, три раза накладывала самый лучший макияж, пока не добилась совершенства, перемерила все блузки в шкафу, прежде чем остановиться на той самой, что надевала в бар в последний раз. Только на этот раз она расстегнула еще одну верхнюю пуговицу и надела ожерелье, спускающееся низко на грудь.

«А я думала, что ты не любишь, когда мужчины смотрят на твое тело».

«Я не хочу, чтобы на него смотрели мужчины вообще. Я хочу, чтобы на него смотрел именно Роб. И хочу, чтобы он заметил, что я женщина». Она подумала о возможности того, что он уже заметил, но тут же отбросила эту мысль.

«А как же насчет ненависти к твоему телу?»

«Роб не будет ненавидеть его».

«Откуда ты знаешь?»

Откуда она знает? Он никогда не говорил ей об этом ни слова. Вообще никогда не делал ничего сексуального. И все-таки она была готова побиться об заклад, что ему нравится ее тело.

Алекс провела оставшееся время в приготов-

лениях. О том, что нужно надеть джинсы, она подумала с отвращением. Это были джинсы Дарси, и они были все так же в обтяжку. Она знала, что выглядит хорошо, и надеялась, что он заметит это.

Зазвонил дверной звонок, и она вздрогнула. Давно она не чувствовала себя такой взволнованной.

Алекс сбежала по лестнице и распахнула дверь. Роб стоял там в ковбойских сапогах и широкополой шляпе, его длинные ноги обтягивали джинсы, на которых не было ни единой дырки. На лице его была широкая улыбка, наполовину скрытая под густыми усами. Выглядел он лучше, чем любой мужчина имел право выглядеть. И он будет принадлежать ей весь вечер.

Роб не стал входить в дом. Он просто стоял у двери и смотрел на Алекс так, как смотрит мужчина, которому нравится то, что он видит. И она почувствовала, как каждая клеточка ее тела оживает.

— Вы готовы ехать? — наконец спросил он.

Она была готова.

Роб никогда не видел эту женщину более красивой. Ее волосы вились по плечам, глаза сияли, и она выглядела счастливее, чем всегда.

«И не забудь об остальном».

Джинсы такие тугие, что он видел очаровательный изгиб ее бедер, блузка заправлена, чтобы показать талию, такую тонкую, что трудно даже поверить. И потом ожерелье. Ожерелье, которое заставляло взгляд опускаться так глубоко, что к тому времени, как вы сможете оторвать свой взгляд, вы совершенно забудете, что на ней есть ожерелье.

Неужели она оделась так ради него?

И Алекс улыбалась ему, радуясь, что он заметил.

Да, радостно подумал он. Ради него.

Она не могла до конца поверить в это. Ей было весело — уже с самого начала. Даже ехать с ним в машине было весело. Просто сидеть рядом с ним на сиденье и болтать так же, как близнецы. Еще немного, и запрыгает на месте, как они.

Шумный бар был переполнен народом, музыканты играли во всю мочь, подвыпившая толпа веселилась. Роб захватил для них два стула и после недолгих поисков свободный столик. Они уселись и заказали пиво.

— Какие танцы вам нравятся? — спросил Роб.

— Все, какие я знаю, — ответила она. — А потом я могу научиться.

Роб улыбнулся. У нее сладко заныло в груди. Ему очень шло, когда он улыбался. В уголках его глаз появлялись морщинки, а его усы подчеркивали губы, которые выглядели мягкими и сильными одновременно.

— Тогда отлично. Идемте танцевать.

Они оставили свое пиво нетронутым и начали танцевать с середины песни. Танцевали танцы всех стилей — все, что играл оркестр. А когда вернулись за столик, пиво показалось им просто чудесным. А потом опять танцевали.

Алекс чувствовала себя невероятно счастливой, у нее кружилась голова. Она не знала, было это из-за танцев, из-за пива или из-за того, что Роб был с ней. Время бежало и бежало. Когда музыканты делали перерыв, они пили пиво, а потом снова танцевали. Толпа уже изрядно поредела, когда вдруг зазвучала старая медленная мелодия.

— Хотите танцевать под эту музыку? — тихо спросил Роб.

Какой-то холодок вызвал дрожь в ее животе. Она заглянула в спокойные ждущие синие глаза, кивнула и прошептала:

— Да.

Одна рука его скользнула вокруг ее талии, а пальцы другой сплелись с ее пальцами. Они были

так близко, что могли касаться друг друга.

Роб оказался больше, чем думала Алекс. Крепкий. Сильный. И она чувствовала себя в его руках в совершенной безопасности.

Положив руку ему на плечо и покорившись ритму танца, она прижалась головой к его груди. Он чуть дальше продвинул руку и обнял ее еще крепче.

* * *

Желание пульсировало в нем так сильно, что ему показалось, что он вот-вот упадет. Пришлось глубоко вдохнуть, стараясь побороть это.

Происходящее оказалось гораздо лучше, чем во сне.

В снах не было запаха ее волос и кожи, не было этого медленно возрастающего желания, которое он чувствовал, глядя, как она двигается. А движения ее становились все свободнее и раскованнее.

В снах не было и намека на ее теплоту и мягкость… того ощущения, когда ее грудь прижималась к его груди, прикосновения ее бедер к его, то, как ее полные губы приоткрывались…

Пронзающее желание. Под его кожей пылал огонь, напряжение в паху было почти невыносимым. Горячие волны начали пульсировать в

нем. Он поднял голову и попытался подумать о чем-нибудь другом. О чем угодно.

Но не смог, да и не хотел. Все, чего хотелось, это чувствовать ее в своих объятиях. Дать каждой клеточке своего тела впитать это ощущение, чтобы никогда уже не забыть.

Роб опустил лицо в ее волосы. Скользнув губами по густым прядям, он вдохнул запах ее духов и прижал еще ближе.

Она что-то пробормотала, но он не смог разобрать ее слов, которые прозвучали нежно и удовлетворенно, потом прильнула всем своим телом к его телу.

Алекс вся светилась, губы слегка приоткрылись. Роб смотрел в ее глаза, такие нежные и глубокие, что в них хотелось утонуть.

Опустив голову, он держал ее в своих объятиях. Его губы коснулись ее губ, они были невероятно мягкие. И податливые.

Его голова закружилась, он едва мог стоять, его рот касался ее рта, и ему вдруг показалось, что какой-то бесконечный круг наконец замкнулся.

А потом ее губы шевельнулись под его губами, и горячая сладость ее рта коснулась его. Желание было иссушающим. Все тело Роба дрожало. Пришлось поднять голову, заставив себя вспомнить

о людях, о баре, о том, что это общественное заведение. Пора отвезти ее домой.

Глава 11

Алекс толкнула дверь и вошла в дом.

— Думаете, вы могли бы… — ее плечи приподнялись от усилия, — поцеловать меня снова?

Роб был в ее доме, его руки обнимали ее, а его губы искали ее рот. И ничто в его жизни никогда не казалось ему более важным, чем это состояние.

Их губы встретились. Только прикосновение — никакого давления. Неспешно. Ища друг друга снова. Она подняла руки, чтобы обнять его, и ее губы смягчились, и он почувствовал на своих губах слабый вздох удовольствия.

И он пропал. Растворился в желании. И не мог остановиться, потому что мечтал прикоснуться к этой женщине с самой первой их встречи.

Как приятно то, что он делает, подумала Алекс. Его губы, его руки, его язык. Она прижалась к нему, страстно желая почувствовать прикосновение его груди к своим грудям. Хотелось, чтобы он трогал их, ласкал.

Его пальцы зарылись в ее волосы, приподнимая их, скользя по длинным прядям, он целовал ее лоб, глаза, виски, щеки.

Она слабо вскрикнула. Ничто не свете никогда не было таким приятным. Поцеловав его в ответ, проникла в его рот, ища близости, которой так жаждала. И желая еще большего.

— Алекс, — прошептал он, — боюсь, я напугаю вас или сделаю что-то, чего вы не хотите.

— Трогайте меня, Роб. И не останавливайтесь.

Подчиняясь, он опустил руки вниз, провел по ее бокам к спине. И это было так чудесно! И появилось еще одно чувство. Долгое постоянно растущее напряжение, которое требовало большего.

Скользнув руками по его груди, она чувствовала, как напряглись его мышцы, и ощутила трепет под самой кожей.

Он хотел ее. И это не пугало.

Протянув руку, расстегнула верхнюю пуговицу его рубашки. Роб замер. Она поцеловала основание шеи, почувствовав мягкие кудрявые волосы под своими губами. Расстегнула еще одну пуговицу, потом другую, стянув назад его рубашку, и провела руками по горячей коже.

Его кожа обожгла ее ладони. Чувствовалось напряжение внутри его… как будто каждый мускул был натянут в ожидании.

Но он не двигался.

Она стояла и смотрела на него в неярком свете, а потом ее руки потянулись к пуговицам блузки. Даже в полумраке он видел, как дрожат ее пальцы. Два ее пальца удерживали ткань, а большой поворачивал пуговицу. Толчок пуговицы, натяжение ткани — и пуговица расстегнута.

Роб почти не дышал, его глаза не отрывались от нее.

Он увидел бюстгальтер, кружевной и прозрачный, и высокие груди, и глубокую тень между ними. Но не мог пошевелиться.

Ее рука взялась за следующую пуговицу.

Роб дрожал. Во рту вдруг пересохло, а дыхание стало прерывистым.

Вытянув блузку из джинсов, она распахнула ее. Его тело натянулось как струна. Жар пронзил все его существо. Алекс потянула блузку с плеч, и она соскользнула на пол.

Роб смотрел, как она двигается, медленно, нерешительно, — самое эротичное зрелище, какое он видел в своей жизни. А потом женщина подняла взгляд.

В ее глазах был испуг.

Сердце у Роба екнуло и бешено забилось в груди. Он шагнул к ней и крепко прижал к себе. Милая Алекс, очаровательная, прекрасная Алекс.

Нежная, страстная… эротичная.

Он прижимал ее все сильнее и сильнее. Его руки касались шелковистой кожи ее спины. Она прижалась к нему, обвила его руками за талию. Он обнял ее еще крепче, зарываясь лицом в ее волосы, шею, вдыхал ее запах, целовал каждое нежное местечко, которое встречали его губы.

И все это время разгоряченная кожа ее груди соприкасалась с его горячей кожей, их разделяла только крошечная полоска кружева.

Он взял ее руку и поцеловал, а потом подхватил на руки, как будто она ничего не весила, и понес вверх по лестнице. Положив ее на кровать, поцеловал ее легко, едва касаясь губ. А почувствовав, что она расслабилась, продвинулся губами вниз по ее шее. А потом спустился к основанию грудей.

Алекс хотела большего. Ее грудь болела, соски затвердели. А Роб только ласкал, обводил губами круги, причиняя боль, и неудовлетворенность становилась почти невыносимой.

Алекс взмолилась:

— Роб, пожалуйста.

Его рот прильнул к торчащему бугорку, увлажняя кружево над твердым жаждущим соском. Спина Алекс изогнулась. Все ее тело сконцентри-

ровалось на его губах.

Жар и дрожь струились по всему ее телу. Она чувствовала сладострастный трепет. Он все еще был недостаточно близко, продолжая ласкать ее сосок, а рукой скользя по ее животу, по джинсам, обтягивающим бедра. Она беспомощно выгнулась в его руках и прижала его голову к своей груди.

Алекс протянула руку вниз к пряжке его ремня. Ее пальцы неловко теребили ее, а потом Роб почувствовал натяжение и освобождение, когда она расстегнула ремень. Ее рука, маленькая и теплая, была на его животе. О Боже, как он хотел, чтобы она прикоснулась к нему!

И она прикоснулась. Расстегнув пуговицы, стянула рубашку с его мускулистых плеч. Ее рука скользила по вьющимся волосам на его груди, опускаясь все ниже и ниже. Ладонь двигалась по его животу легкими движениями, каждый раз посылая огненный след прямо к его возбужденному мужскому естеству. Роб чувствовал огонь во всем теле, почти обезумев от ее ласк, ее чувственных прикосновений, ее нежности.

Рука остановилась, и она вдруг отпрянула.

Звук расстегиваемой молнии заставил его открыть глаза. Туфли были сброшены, а она сни-

мала джинсы.

Роб смотрел, и его дыхание было частым и затрудненным. Потом она встала рядом с ним, глядя на него сверху вниз, и, наверное, поняла, что он чувствует.

Алекс взяла его за руку и прошептала:

— Встань.

Он встал. Его трясло. Она провела рукой по его груди, вниз по животу и остановилась на брюках.

— Сними их, Роб, — сказала она очень тихо.

Он подчинился.

— Ты ждешь, что я соблазню тебя? — Ее рука прикоснулась к нему, лаская его с безграничной нежностью.

От прикосновения ее пальцев возникла дрожь, мгновенно охватившая все его тело.

— Нет, — резко произнес он. — Я жду, пока ты снимешь все эти очаровательные кружева. Я хочу видеть, как ты это делаешь.

Алекс отвела руки за спину. Он увидел легкое натяжение, услышал, как расстегнулся крючок, а потом она медленно спустила бретельки с плеч, и бюстгальтер соскользнул с ее рук на пол. Стянула трусики вниз с бедер и перешагнула через них, выпрямилась и встала прямо перед ним, но не

дотрагиваясь до него.

Ее груди поднялись, округлые и гладкие, бледные в лунном свете. Мягкие. Он знал, что они будут мягкие.

Звук, изданный им, был сдавленный, дикий, отчаянный. Роб привлек ее к себе и накрыл ее рот своим.

Он целовал ее яростно, губы блуждали по ее лицу, глазам, шее. Целовал ее груди — кружа, лаская языком, — пока не нашел сосок. Потом опустил ее на кровать, не переставая ласкать. Положив ее на спину, лег сверху, устроившись между ее ног.

Его мужское естество было твердое, горячее. Он прижался к ней, а она ответила страстно, желая, чтобы его жаркая твердость вошла в нее.

Тело Алекс изогнулось и приподнялось.

Женщина повела бедрами, стараясь поторопить его. Но его рот опустился ниже. Она почувствовала его язык, горячий и шелковистый, между своих ног.

Алекс извивалась от мучительного вожделения, а тело сотрясали спазмы — дрожь желания.

Рот его отправился назад, вверх, проводя горячую линию по ее животу и выше, кружа вокруг грудей. Пульсация становилась жарче, быстрее. Он опять прильнул языком к соску. Еще один

спазм сотряс ее тело. Она дышала часто, с трудом. Ее стоны сопровождали каждое движение его языка.

Роб поднялся над ней. Он увидела, как он протянул руку к джинсам, услышала шелест разрываемой фольги и поняла, что он надел презерватив.

Тогда она взяла его и медленно ввела в себя.

Непереносимо медленно. Ее бедра поднялись ему навстречу, заставляя его проникать глубже в нее. И еще глубже.

Он затих. Она слышала его дыхание, хриплое и тяжелое, и как бы издалека услышала свой долгий, медленный вскрик.

А потом он начал двигаться медленными, ритмичными толчками, от которых ее желание все усиливалось, доводя ее почти до безумия.

Ее тело выгнулось, тугое, напряженное. Это ощущение нарастало внутри ее, пока она не погрузилась в сладостное забытье.

Она почувствовала, как Роб толкнулся в нее. А потом она услышала его стон, и они соединились, объединенные в любви…

Почувствовав себя бесконечно слабым, Роб откинул волосы со лба дрожащей рукой.

— Алекс, — прошептал он, нежно поцеловав ее

в шею, пробуждая к реальности.

Она приоткрыла глаза в блаженном неведении, затем положила руку на его руку, как бы удерживая себя там, потом прислонилась головой к его груди.

— Роб, я и не знала, — прошептала она и прижалась к нему всем телом.

Он прижал ее к себе и поцеловал в волосы. Он тоже не знал. Не знал, что можно гореть так жарко и так сильно и все же выбраться из этого.

Мышцы Алекс медленно расслаблялись. Влага, выступившая между ними, холодила. Можно было дышать и видеть комнату.

Тихонько коснувшись руки Роба, потерлась щекой о его плечо, чтобы ощущение его твердых мускулов восстановило ее силы.

Большая ладонь Роба погладила ее волосы.

— Можно я останусь, Алекс? — прошептал он.

Останется. В ее постели. Так что завтра утром они проснутся вместе. Она тихо кивнула.

— Мне бы очень этого хотелось.

Алекс нашла впадину на его плече, в которую очень уютно укладывалась ее голова. Его рука обвилась вокруг нее, легонько прижимая ее. Их тела соприкасались, их общее тепло было таким восхитительно убаюкивающим. Наклонив голо-

ву, Роб нашел губами ее рот.

— Ты прекрасна, — проговорил он ей в губы. А потом снова поцеловал ее.

Роб чувствовал, что она расслабилась, а потом услышал ее тихое ритмичное дыхание. А ему не спалось. Он не мог спать. Он чувствовал оцепенение. Он не мог понять, что случилось с ним.

Должно быть, это долгое ожидание и все эти сны о ней так на него подействовали?

Он никогда и близко не приближался к тому ощущению, что почувствовал сегодня.

И все это дало ему это маленькое теплое существо, свернувшееся рядом с ним. Роб аккуратно отвел назад ее волосы, открывая чувственную линию ее скулы, изгибающейся около уха.

Доверяя ему, она прикасалась к нему так, словно он самый чудесный мужчина на земле, и открылась ему так, как будто важнее этого мгновения нет ничего на свете.

Роб закрыл глаза и постарался расслабиться и заснуть. Боже милосердный, это так больно, когда тебя переполняют чувства.

Проснувшись, Алекс почувствовала тепло и тяжесть его тела рядом с собой. Было все еще темно.

Его рука обхватывала ее, а ладонь лежала на ее груди, ноги оплетали ее ноги, его губы зарылись в ее волосы.

Алекс спала одна много лет. Когда она была замужем, то всегда думала, что эта кровать кажется маленькой для них с Джеком. В те дни она спала с краю, спиной к нему, и просыпалась, если он даже слегка касался ее во сне. Так что и сейчас она, должно быть, проснулась оттого, что Роб касался ее.

Алекс осторожно отодвинулась от него. Его рука скользнула по ее коже и упала на простыню. И ей вдруг стало так одиноко, хотя она чувствовала его так близко всего секунду назад.

Осторожно отодвинувшись к краю постели, она легла там, ожидая, что от уединения ей станет лучше. Но стало холоднее. И только еще более одиноко.

Через минуту она придвинулась к нему. Роб, не просыпаясь, открыл для нее свои объятия.

— Должен быть закон, — пробормотал он сквозь сои, прижимая ее ближе, — против того, чтобы человеку было позволено чувствовать себя так хорошо. — Потом он снова заснул, а Алекс лежала, касаясь его. И только так ей было хорошо.

* * *

Когда солнце сквозь жалюзи расчертило пол полосками света и тени, Роб вошел в комнату в полотенце, обмотанном вокруг бедер, позвякивая подносом с кофе и рулетом с корицей. Постель была пуста.

Слышался шум воды в душе.

— Алекс, — позвал он, — завтрак готов.

— Я выйду через пару минут.

Может быть, ей требуется помощь?

Роб сбросил полотенце и, открыв дверь душевой кабины, увидел ее. Пузырьки пены бежали вниз по ложбинке между ее грудей, кожа была розовой и гладкой, соски напряглись.

Роб намылил руки и стал гладить ее спину, опускаясь вниз по тонкой талии и дальше, по ее длинным стройным ногам. Намылил ее плечи, а потом развернул ее к себе лицом.

Скользя руками по ее груди, приподнимая и лаская, он провел ладонями по затвердевшим соскам.

Алекс выгнула спину, застонав от удовольствия. Найдя мыло, она стала намыливать его грудь. Ее руки опустились на его талию, круговыми движениями прошлись по спине и вниз

по бедрам.

С самого первого ее прикосновения он начал терять самоконтроль.

Роб приподнял ее бедра. Ее ноги обвились вокруг него, прижимаясь ближе. Он держал ее, чувствуя своим телом жар, исходивший от нее.

Потом погрузился глубоко в эту горячую, нежную влажность. Она начала дрожать, сжимая ноги вокруг него все сильнее и сильнее.

Роб вошел в нее, но не смог проникнуть достаточно глубоко. Он хотел поставить на ней печать своей любовью. Чтобы никто другой никогда не мог заявить на нее свои права.

Глава 12

Он вынес ее, завернутую в полотенце, из душа и осторожно положил на кровать. Ее волосы струились, кожа светилась, и она смотрела на него так, будто не могла наглядеться.

Вытирая ее лицо нежными похлопывающими движениями, он водил полотенцем по ее шее, по плечам, скользил по ключицам. Подняв ее руки, провел полотенцем по ним и дальше вниз, по груди, по животу, по ее ногам, легко и нежно, едва касаясь полотенцем.

Она лежала теплая, разнеженная, ее чувства обострились так, что от одного прикосновения его дыхания ее грудь напряглась.

Алекс лежала на кровати, Роб смотрел на нее с восторгом — волосы вьются от влаги, кожа розовая от его прикосновений. Губы мягкие, распухшие. Ее груди, тяжелые от желания, поднялись навстречу ему.

Он с трудом перевел дух.

— Алекс, прости. Я не могу остановиться. Мне кажется, я совсем не владею собой. — Он набро-

сил полотенце на свои колени, пытаясь скрыть очевидное.

Слабая улыбка тронула уголки ее рта.

— Я не хочу, чтобы ты останавливался, — нежно сказала она. Она потянула полотенце, очень медленно проводя мягкой шероховатой тканью по уже восставшей плоти.

Роб застонал:

— Ты сводишь меня с ума.

Она только улыбнулась и толкнула его на подушки.

Следующие две недели Алекс чувствовала себя словно окутанной золотым туманом. Она ходила медленно и смотрела куда-то в пространство, а однажды не сожгла рулеты с корицей лишь только благодаря настойчивому звону таймера, который наверняка пронзительно звенел уже целую вечность, но она все не слышала его.

Одного взгляда на Роба было достаточно, чтобы она могла думать только о том, как бы только прикоснуться к нему, заставить разгореться желание, таять и ощущать то наивысшее наслаждение, которое мог доставить ей только он.

Роб приходил в ее дом сразу же, как заканчивал работу. Встретившись, они тут же запирались вдвоем. Ужин оставался несъеденным. Все дела

были заброшены.

Он обнимал ее по ночам, его лицо она видела, просыпаясь утром. И все равно ее тело все время страстно желало его. Алекс не загадывала вперед, не думала о будущем. Лишь ждала только следующего раза, когда сможет увидеть его. Иногда она переставала дышать, желание охватывало ее, едва его губы касались ее рта.

В тот вечер Алекс встретила его у двери, странно смущенная.

— Роб, завтра домой возвращаются Шеннон и Дарси.

Тот остановился.

— Завтра?

Они не могут приехать завтра. Он все еще должен был прикасаться к ней, обнимать ее, утопать в ней каждый день.

Они стояли и смотрели друг на друга.

— Когда они приедут, мы больше не сможем быть любовниками, как сейчас, — медленно произнесла Алекс. — Им всего четырнадцать. И я не думаю, что это будет хорошо для них, когда они все поймут.

Робу показалось, что он не может понять смысла сказанных слов. Близнецы вернутся, и он больше не сможет прикоснуться к ней?

Между ними воцарилось молчание.

Роб запустил руку в волосы. Он был не готов к их возвращению и не готов думать об ответственности и последствиях. Он хотел ее. Только это имело значение.

— Может быть, мы могли бы объяснить… — Он покачал головой. Что можно объяснить? Он же сам ничего не понимает. — Мы могли бы пойти ко мне, — сказал он, как бы пробуя слова. Это тоже не казалось правильным. Он не мог представить ее там. То, что было между ними, было в ее доме, в ее постели.

Тон Роба был таким резким, что Алекс даже сначала не поняла, что этим он причинил ей боль. У него был дом, куда он явно не хотел впускать ее. Она ждала последующих его слов, объясняющих, как они смогут видеться друг с другом. Но никаких слов не последовало.

«Он не хочет встречаться со мной».

Тишина разрасталась. Боль начала царапать ее изнутри.

Может быть, он просто стесняется своего дома и не хочет, чтобы она видела, как он живет.

«Может быть. Или не хочет, чтобы ты стала частью его жизни. Он никогда не знакомил тебя со своими друзьями, не показывал, где работает,

не рассказывал о своей семье. А когда уходит, то как будто улетучивается, исчезает до тех пор, пока не появится снова».

Может, он стыдится ее?

Алекс вдруг осознала, что не имеет ни малейшего представления о том, что он чувствует к ней. Хотя, подумала она, это становится все яснее с каждой минутой.

Отступая от него, сцепив руки за спиной, она тихо заговорила:

— Думаю, все могло быть по-другому, если бы мы вместе подумали о будущем. — Боль нарастала, заглушая слова. — Но мы ведь на самом деле не будем думать об этом?

* * *

Роб не знал, что сказать. Будущее? Он никак не мог разобраться с настоящим. Еще вчера Алекс была его другом, а теперь они уже горели страстью в постели. И он чувствовал, что с того дня не может разумно мыслить.

— Алекс, я в общем-то не думал о будущем. — Он помялся, чувствуя, что это прозвучало как-то нехорошо.

— Я тоже не думала, — сказала она.

Все не так плохо. Просто это ново для них.

Людям требуется время, чтобы обдумать такие вещи.

— Но я не хочу, чтобы из-за этого пострадали девочки.

Роб был согласен, но не мог подобрать нужных слов.

Алекс заговорила снова. Ее голос был тихим.

— Это я сглупила. — Она улыбнулась, но уголки ее рта остались напряженными. — Думала, если секс был… был таким, каким он был, то между нами должно было быть что-то серьезное, забыв, что для тебя это может выглядеть совершенно по-другому. — Ее голос странно прервался. — Ты, наверное, раньше уже много раз проходил через такое, и все это лишь от того, что наши гормоны функционируют нормально.

Как она может говорить такое? Как она может быть такой спокойной? У нее было ощущение, что она смотрит на себя откуда-то издалека, а в это время изнутри ее пожирает всепоглощающая тревога.

Роб открыл рот, но ничего не сказал, так что Алекс пришлось заполнить паузу.

— Я была ужасно наивной, да?

Что она говорит? Их общее будущее? Он никогда не думал о будущем с Алекс. Мечтая о настоящем,

хотел касаться ее и заниматься с ней любовью, хотел смеяться и целовать ее. Но будущее?

Он никогда не хотел для себя такого будущего, в котором один взгляд на нее разрывает его на части. Где он беспокоился, волновался, заботился — и да, черт побери, ревновал. Где после занятия любовью он чувствовал себя опустошенным, потрясенным и жаждущим одновременно. Если он позволит себе любить ее так, от него просто ничего не останется.

Это было слишком. Он не мог долго жить так.

Роб произнес это так тактично, как только мог, и видел, как Алекс замыкается в себе, как бы заползает в маленькую холодную раковину. С ее лица исчезла мягкость, на смену ей пришла настороженность, которую он не видел уже давно.

Когда он договорил, она кивнула. Не пыталась убедить его, что он ошибается и что они созданы друг для друга, только кивнула. А потом она улыбнулась, слишком лучезарно.

— Тогда я думаю, это все, не так ли? — Она выглядела такой хрупкой, словно могла сломаться от легкого ветерка.

— Нет, — сказал он непринужденно.

На минуту она онемела. Замерла. Но оцепенение начинало проходить. Почувствовав, как боль

ручейком втекает в нее, она сцепила руки, стараясь оттолкнуть чувства, и попыталась говорить спокойно.

— Роб, мне уже не стать снова двадцатилетней. Я не могу заставить близнецов исчезнуть. И не хочу отношений с кем-то, кому не нравлюсь такая, какая есть, Я не хочу ломать себя снова. — Боль становилась сильнее, теперь она уже лилась потоком, и сопротивляться было бесполезно.

— Значит, ты хочешь, чтобы я просто ушел отсюда?

А ведь это может случиться. И уже очень скоро. Но ведь это совсем не то, что она хотела.

— Нет, — ответила она. И услышала, как рассмеялась коротким, жестким смешком. — Я хочу, чтобы ты думал, что я — лучшее, что когда-либо случалось с тобой. Я хочу, чтобы ты любил меня до безумия. Я хочу, чтобы ты думал, что не хочешь и минуты прожить без меня, не важно, сколько мы заплатим за то, чтобы быть вместе. — Она покачала головой. — Но я понимаю, что это невозможно.

Роб не мог поверить в это. Она не могла хотеть, чтобы он ушел.

— Алекс, мы не должны потерять все только потому, что это не может быть… постоянным. Нет

причин… — Он остановился, когда она отрицательно покачала головой и заговорила снова.

— Роб, мое чувство к тебе не временное. — Она заглянула ему в лицо, и ее голос стал еще тише. — Я люблю тебя. Я не знаю, когда это случилось, но я думаю, до того, как я захотела заняться с тобой любовью. И мне кажется, поэтому занятие любовью значило для меня так много.

Любовь. Когда они начали говорить о любви? В последний раз, когда он смотрел на нее, они говорили о сексе.

Алекс подошла к двери и распахнула сетчатую дверцу. Раздался скрип. Ему надо было смазать ее, автоматически заметил он.

«Ты за это больше не отвечаешь».

Роб вышел за ней на веранду и встал напротив. Она смотрела куда-то за его плечо. Где-то жужжала газонокосилка. Мимо промчался ребенок на велосипеде. Он вытащил из кармана ключи, но стоял, держа их в руке и водя по ребристому краю большим пальцем.

— Ты бедный человек, Роб? — Ее голос звучал отстраненно.

— Я совладелец «Дж. Р. контракторз». — Должен ли он объяснять, что не говорил всего этого, чтобы не пришлось лгать? Но он понимал, что

сейчас его поведение казалось лживым. Подозрительным.

— Почему ты начал помогать мне? — Ее голос стал резким.

— Я хотел помочь вдове. — Роб поморщился. Теперь это звучало глупо. — А потом, думаю, я захотел помочь тебе.

Они постояли еще несколько мгновений. Он попытался что-то сказать. Она выдавила улыбку, а потом повернулась и вошла в дом, закрыв за собой дверь.

— Где Роб? — спросила Дарси. — Он не дождался, чтобы поприветствовать нас?

Алекс сжала руки. Они едва успели вернуться домой из аэропорта. Он ушел только вчера. Она не была готова об этом говорить.

— Пока вас не было, он закончил все работы из списка, поэтому больше не вернется. — Ее голос был слабым, но она смогла сказать это.

— Ты не пригласила его зайти к нам? — осуждающе спросила Дарси. Лицо ее начал заливать румянец. — Он был нашим другом, возил нас на рыбалку и на банкет отцов и дочерей, обязательно захотел бы увидеть нас снова, а ты не пригласила его в гости? — От гнева она почти обезумела. А теперь подошла и Шеннон, и на ее

лице было осуждение.

Роб был и их тоже. Теперь он не вернется и к ним тоже. И им некого винить, кроме нее.

Алекс нащупала за спиной кухонную стойку и изо всех сил схватилась за нее, потом тихо начала:

— Он не вернется просто потому, что его работа закончилась. Пока вас не было, Роб и я пытались… встречаться.

Шеннон и Дарси уставились на нее так, будто никогда не слышали ничего подобного.

— И у нас не получилось. — Ей с трудом удавалось владеть своим голосом. — Плохие ассоциации. — Эти слова превратились в шепот. Она сглотнула. — Нам трудно видеть друг друга.

— Что? — В этом единственном слове звучала ярость. Если она надеялась на сочувствие, то его не получит.

— Ты хочешь сказать, что Роб больше никогда не придет увидеть нас? Что он никогда не возьмет нас на рыбалку…

— …и что мы больше никогда не увидим его в «рыбном» галстуке?

— Да. — Слово прозвучало глухо.

Дарси впала в ярость, стала метаться по комнате. Шеннон сурово посмотрела на Алекс, потом

поймала сестру за локоть. Та вырвалась. Шеннон схватила ее снова, бормоча что-то себе под нос.

Дарси остановилась. Посмотрела на Алекс. А потом помчалась в свою комнату, Шеннон понеслась за ней следом.

Роб отодвинул в сторону бумаги и калькулятор, он ужасно устал. Пятница. Половина пятого. Через час ему придется поехать домой. А там он будет сидеть, слушать пустоту, зная, что в субботу ему теперь некуда идти. И не сможет строить никаких планов, потому что…

«Потому что ты не готов признать, что не вернешься».

Он глянул вниз на свои брюки — те самые, что ему подарили Дарси и Шеннон. Так захотелось, чтобы на нем была и их кинг-конговская рубашка, и рыбный галстук. Они были… успокаивающими. Когда он надевал их, то чувствовал себя немного ближе к близнецам.

Подойдя к окну, посмотрел на улицу. Он скучал по девочкам даже больше, чем мог бы себе представить. Как могло все это раздражение превратиться в привязанность?

Увидев их, вероятно, вспомнится только, как они выводили его из себя. Он просто романтизирует их.

А как насчет Алекс?

О ней он не думал. Мысли об Алекс он отбрасывал так далеко, как только мог.

Но как только он заснет, она будет с ним.

Не слишком хорошее начало, чтобы найти кого-то нового.

Роб вздохнул. Но это может случиться, со временем.

На его столе ожил интерком.

— К вам посетители, мистер Кейлен.

Почему его секретарша не сказала, кто они такие? Обычно она называла ему имена посетителей.

Роб открыл дверь. В приемной сидели Шеннон и Дарси — аккуратно причесанные и в одежде без дыр. Он почувствовал, что будто кто-то ударил в грудь. Наверное, грузовик.

Увидев его, они встали. Дарси просияла, а Шеннон с широко раскрытыми глазами теребила свои пальцы.

— Привет, Шеннон и Дарси, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал громко и энергично. — Рад вас видеть.

Похоже, их это не убедило.

— Почему бы вам не зайти в мой кабинет?

Они одновременно кивнули.

Войдя в кабинет, девочки неловко стояли, прижавшись друг к другу, и выглядели такими ранимыми. Временами из-за их поведения не верилось, что они еще такие юные. У него сдавило грудь, и он отбросил свои попытки изображать веселость.

— Я скучал по вас, — тихо сказал Роб. — Я ношу одежду, которую вы мне подарили, только потому, что она напоминает о вас.

Дарси бросила на сестру взгляд, кричащий: «Ну, что я тебе говорила!»

— Не хотите ли присесть?

Они обе сели, но Дарси снова немедленно вскочила и начала ходить по комнате. Похоже, ни одна из девочек не собиралась заговорить первой.

— Как проходят каникулы?

— Хорошо.

— А как поездка к бабушке и дедушке?

— Хорошо.

Последовала долгая пауза. Дарси заходила быстрее, и он увидел, как побелели костяшки стиснутых пальцев Шеннон.

Робу было больно за них. Больно за себя. Они казались частью его сердца вопреки всем его многочисленным жалобам. Они были осложне-

нием, которого, как думалось, он не хотел.

— И какова причина вашего визита ко мне?

Дарси перестала ходить и остановилась перед ним, прямая и неподвижная. Ее лицо было бледным как мел, веснушки потемнели.

— Мы хотели поговорить о том, что произошло между вами и мамой.

— Хорошо, — произнес Роб. — Что она рассказала вам?

— Рассказала, как вы пытались встречаться, и как у вас не получилось, и что вы не вернетесь, потому что между вами слишком много чувств, причиняющих боль.

Шеннон тоже встала.

— Но я подумала, даже если вам нравится мама, вы не вернетесь на самом деле из-за того, что не хотите иметь семью. — Ее подбородок дрожал.

Эти слова оглушили его. Потому что именно так он говорил себе сам. Да, не хотел, чтобы они вошли в его жизнь. Даже гипотетически.

Шеннон — Шеннон! — теперь говорила за всех.

— И я подумала, что, если это правда, — она посмотрела на Дарси, — мы могли бы остаться у дедушки с бабушкой по меньшей мере до конца этого года. — Слезы потекли по щекам. — Тогда

вы с мамой могли бы…

— …могли бы быть как настоящие новобрачные, вокруг которых не крутятся постоянно дети, — торопливо закончила Дарси.

О Господи! Он протянул одну руку к Шеннон, другую к Дарси и крепко обнял их. И Дарси, Дарси, которая никогда и ни из-за чего не проронила ни слезинки, тоже начала плакать — тяжело всхлипывая, вздрагивая всем телом.

— Я скучала по вас, Роб, — прошептала она в его рубашку.

Роб хотел все исправить и остановить их боль. Сейчас отдал бы все, что угодно, чтобы думать, что не он был причиной всего этого.

Дарси почти сразу же отпрянула, оставив Роба дрожать и стыдиться своего эгоизма. Но как же Алекс без близнецов? Невообразимо.

— Не все так просто, дело не только в том, иметь детей или не иметь их, — попытался он объяснить. — Между двумя людьми возникает множество проблем помимо детей. Взрослым нужно думать о целях и о будущем.

— А как же любовь? — перебила Шеннон.

— Любовь тоже важна. Но когда мы с вашей мамой разговаривали, мы поняли, что наши взгляды не совпадают.

— Потому что вы не любите ее?

Что они так прицепились к этой любви? Как будто если бы они с Алекс любили друг друга, это мгновенно ликвидировало бы все трудности. Они такие наивные.

— Вы упускаете главное, — сказал он. — Даже если бы мы любили друг друга, существует множество вещей, которые должны совпасть, чтобы отношения могли наладиться.

— Но вы любите друг друга?

Роб не знал, как ответить на это, и молчал.

Девочки притихли. А через минуту как по команде одновременно встали.

— Думаю, нам лучше уйти, — сказала Шеннон. У Роба было твердое ощущение, что он подвел их.

Они вместе пошли к двери.

— Думаете, мы еще когда-нибудь увидимся? — спросила Шеннон.

Он дал сестричкам номера телефонов, уверил их, что они могут звонить всегда, если у них будут проблемы.

— И может быть, когда между мной и вашей мамой все успокоится…

Они захлопнули за собой дверь. Роб рухнул в кресло, схватившись за голову. К тому времени им не захочется видеть его. Их жизни мчатся

вперед. Они не будут больше скучать по нему.

Единственным благородным поступком будет попытаться завоевать Алекс снова. Прямо сейчас. Ради их общего блага.

Глава 13

Две недели спустя Роб был убежден, что любовь не может победить все. Он посылал Алекс цветы, а она не принимала их; звонил по телефону, а она вешала трубку; посылал письма и телеграммы, которые возвращались к нему нераспечатанными. Он даже повесил перед ее домом гигантский транспарант. Когда через несколько часов он проезжал мимо, он был разрезан на полоски.

Но если бы у нее действительно не было никаких чувств к нему, она бы так не старалась отгородиться от него. Читала бы письма или принимала бы цветы, зная, что они не повлияют на нее. Вероятно, он мог бы попытаться снова встретиться с ней лично.

Роб начал обдумывать план — перехватить ее в магазине, или помочь ей со спущенной шиной, или… О, черт, зачем он починил все трубы в ее доме? Можно было бы прийти как ремонтник из «Дж. Р.»! Однажды промелькнув в голове, эта идея пустила корни. Может быть, он все это еще осуществит. Если девочки хотят, чтобы он был с Алекс, они могли бы помочь.

Это так коварно. Использовать детей…

Правда. Но если они не хотят, чтобы он вернулся, то не помогут ему, а значит, так тому и быть.

Он позвонил по телефону. Трубку сняла Дарси.

— Привет, Дарси, это Роб.

— А, привет, — неуверенно ответила она.

— Я звоню, чтобы спросить, не поможете ли вы мне увидеться с вашей мамой.

Он услышал, как она закрыла рукой трубку, на том конце провода наступила долгая тишина.

— Прости, — наконец громко сказала она. — Я сейчас занята и не могу с тобой разговаривать. — Она повесила трубку.

Итак, теперь понятно, на каком месте он находится в этой семье. Никто из них не хочет иметь с ним никаких дел. Даже если и можно будет убедить Алекс встретиться с ним, это не поможет, потому что близнецы больше не хотят, чтобы он был рядом с ними. Роб предал их доверие, и они не скоро смогут его простить.

Он прошел в гостиную и, улегшись на диване, занялся изучением потолка. Может, бросить это дело? Алекс не хочет видеть его. Дети тоже. А вдруг она действительно не любит его?

Роб задремал, а когда проснулся, его тело горело, как в огне. Во сне она двигалась, как бы дразня

и возбуждая, и он никак не мог дотянуться до нее, ее теплый женственный запах просто сводил его с ума.

Зазвонил телефон.

— Алло. — Голос его прозвучал резко.

— Это Дарси и Шеннон. Мама ушла, так что теперь мы можем поговорить с вами.

Милосердный Боже, они хотели говорить с ним!

— Вам лучше придумать какой-нибудь план, потому что мы и так говорили с ней каждый раз, когда вы присылали что-то, так что она не будет слушать ни одного слова, которые мы скажем в вашу защиту.

Это была одновременно и хорошая и плохая новость. Он нужен им, а Алекс все еще была непреклонна. Что ж, могло быть и хуже. Так и было две минуты назад. Волна тепла захлестнула его.

— Да, — улыбаясь, ответил он. — У меня есть план.

О Боже, как она устала. Алекс опять обслуживала с Эммой прием — поздний завтрак. Всего несколько часов. Она не должна была быть такой измотанной.

Это началось, когда Роб перестал звонить, пи-

сать, присылать подарки. Она чувствовала себя такой сильной, победительницей, отсылая их обратно. Но теперь все это кончилось, и женщина впала в депрессию. Ей не хотелось знать, каким на самом деле коротким был его интерес к ней. Она желала, чтобы он добивался ее до конца дней.

Дарси подбежала к ней, на секунду задержалась и снова повернулась к двери.

— Мам, хорошо, что ты пришла. Что-то застряло в раковине в ванной, и вода залила все вокруг, так что мы вызвали водопроводчика. Он сейчас наверху, а мы с Шеннон собираемся сегодня переночевать у Дженнифер — нам нужно вымыть голову.

— А Дженнифер хочет, чтобы вы пришли прямой сейчас? В середине дня?

— Да, — быстро ответила девочка. — У нее есть новый журнал, и надо попробовать все эти новые прически. Это займет много времени.

Алекс помедлила. Она чувствовала, что что-то тут не так. Но дочь поцеловала ее, крикнула Шеннон, к они обе исчезли за дверью. Что ж, придется посмотреть, что ей скажет водопроводчик, а затем позвонить маме Дженнифер, усесться в кресло и попытаться не жалеть себя, уверяя,

что звонить Робу уже слишком поздно. Он явно потерял интерес к ней.

Торчащие из-под раковины ноги в джинсах показались ей знакомыми. Как и голос, сопровождающий проклятиями каждый поспешный поворот гаечного ключа.

— Вот глупые дети! — услышала она. — Нужно было засунуть сюда маленький кусочек тряпки, а не целый чертов рулон ткани. А сверху еще насовали шпилек и резинок. Они что, хотели, чтобы я провозился тут весь день?

Улыбка тронула уголки ее рта. Да, точно. Определенно, она уловила что-то рыбное, тихонько приблизилась к раковине. Роб снимал изогнутую трубу со слива раковины.

Она на полную мощность открыла кран холодной воды.

Вытаращенные глаза.

Крик. Потом яростный вопль:

— Шеннон! Я же говорил тебе раньше! Нельзя лить воду, когда раковина разобрана на части!

Алекс закрутила кран.

— Привет, Роб, — ласково сказала она, глядя на него через отверстие слива.

— Алекс, — хрипло пробормотал он.

Секундная тишина, и гулкий удар, такой, что

голова Роба врезалась в дно раковины. С чем именно встретилась раковина было видно, потому что когда Роб наконец выбрался, то держался за голову. Ей хотелось, чтобы он ударился очень больно.

— Алекс, — сказал он снова, становясь перед ней.

Горячая волна захлестнула ее. Его футболка промокла и прилипла к груди. Ее колени задрожали, и она стала отступать от него, пока не уперлась в стену.

Мужчина сделал шаг к ней. А потом еще один.

— Отойди от меня. Я предупреждаю. — Слова прозвучали слабо, но он остановился.

Черт, Роб забыл все слова, которые собирался сказать ей. Все, что мог, — это стоять здесь перед ней с дурацкой улыбкой на лице. Он был так рад видеть ее, что чувствовал себя как в тумане.

Но Алекс, очевидно, ощутила совсем другое. Ее лицо было бледное и настороженное. Она была почти готова убежать.

Роб не был уверен, как ему сейчас лучше поступить, и решил послушаться своего сердца. Сделал еще шаг и оказался так близко, что мог коснуться ее. Он протянул руку. И провел пальцами по самой мягкой коже, которой когда-либо касался

в своей жизни.

Его рука скользила по ее щеке. Она закрыла глаза. По ее телу побежала дрожь, мешая дышать. Открыв глаза, она прижалась еще сильнее к стене.

— Не прикасайся ко мне, Роб, — прозвучало предостережение. Но слова не убедили даже саму Алекс. А еще то, как ее лицо потянулось за его рукой…

Его ладонь ласково баюкала ее щеку. Так нежно. Слезы жгли ей глаза. Он мог быть таким нежным.

Его пальцы скользнули по ее волосам, назад, к затылку, приподнимая пряди волос, лаская. Тихим голосом он начал говорить:

— Я скучал по тебе, Алекс, скучал каждый день и каждую ночь. Видел во сне и желал тебя.

Она подняла глаза. Роб пожирал ее глазами, схватывая каждую деталь, как будто действительно не мог насмотреться на нее.

Ее сердце сжалось и бешено заколотилось в груди. Он опустил голову. Его губы скользнули по ее лбу, потом вниз, к вискам, целуя ее глаза и брови. Нежно, ласково.

Нужно бороться с этим. Но, чувствуя, что уступает, сдается, Алекс, открыла глаза и попыталась

выпрямиться. Надо сказать ему все снова. Он нашел уголок ее рта, и тут ее глаза закрылись и все слова превратились в слабый вздох.

А ее рука каким-то образом обвилась вокруг его груди.

Глава 14

Роб не мог перестать ласкать ее. Просто не было никакой возможности остановиться. Одно всепоглощающее желание быть ближе к ней, ближе, еще ближе.

— Я люблю тебя, Алекс. — Шепот был горячий и страстный. — Я хочу жениться на тебе. И хочу заниматься с тобой любовью.

От этих слов ее тело вдруг окаменело. Зрачки сузились.

— Не говори ничего, — сказала она. — Пожалуйста.

Роб отстранился, стараясь прочитать ответ на любимом лице. Но нежные руки протянулись к его шее, а губы нашли жаждущий рот.

Язык скользил по ее теплым, влажным губам, трепет стал нарастать в ее груди. Алекс знала, что должна остановиться, знала, что это ошибка. Но ее рот открылся, а язык встретился с его языком. Стало совершенно безразлично, что разумно, а что неразумна Все, чего она хотела, было заключено в Робе.

Его язык проник к ней рот, познавая и находя

нежные, чувствительные места. Алекс прильнула к нему, прижалась к его телу и почувствовала, как крепкие руки наконец-то обхватили ее.

Он застонал от наслаждения, удовлетворения, желания, язык продвинулся глубже.

— Я хочу заниматься с тобой любовью, Роб, — прошептала она.

Он ощущал ее трогательную нежность. Груди упирались в его грудь, бедра тесно прижимались к бедрам. Молча подхватив ее на руки, он понес любимую в спальню.

Чувствовалось, какая она маленькая и нежная, когда она прижималась к его груди вот так. Он положил ее на кровать. Она потянулась к нему, и вся медлительность исчезла, а у него кровь пульсировала в висках, разливая по венам желание.

Решив, что слишком торопится, он остановился. Нужно показать ей все, что чувствует. Если не хочет слышать слова, надо все передать действием.

Бег крови замедлился, бешеная пульсация утихла. Он лег рядом с ней.

Стараясь не спешить, начал расстегивать ее пуговицы, но его руки дрожали. Губы блуждали по ее лицу, тело плотно прижималось к ней. Расстегнув каждую пуговку, он наконец опустил голову.

Ее кожа пылала, груди как будто жгло огнем. А его рот делал ее еще жарче, заставляя до боли желать прохладной влажности его языка.

Алекс дрожала, желание стало почти болезненным.

Руки скользнули по коже и нащупали впереди застежку ее бюстгальтера. Он расстегнул ее и развел кружево в стороны. Она выгнулась навстречу ему.

Сильные мужские руки скользили по животу, по бокам, пальцы обводили, едва касаясь, контуры груди. Само прикосновение делало желание напряженнее, жарче, сладостная боль становилась все сильнее и сильнее.

Алекс дрожала, бормоча его имя. Рука опустилась к ее джинсам, и он начал их расстегивать, а она взялась за его футболку, мокрую, прилипшую к телу, и попыталась потянуть ее вверх. Ткань с трудом поддавалась, и Роб помог ей стянуть футболку.

Рука ласкала ее живот, проводя чувственные круги, а его губы в это время прильнули к ее груди. Он ласкал языком сосок, а потом втянул его в рот.

Его пальцы нашли горячую влажность между ее бедер и скользнули туда.

Роб быстро встал и сбросил одежду, стянул одежду с нее и устроился рядом. Горячая кожа. Напряженные мускулы. Он был словно из стали в противоположность ее мягкости.

— Я люблю тебя, Алекс, — нежно сказал он. Он лег между ее ног и вошел в нее.

— Я хочу показать тебе каждым движением, как люблю тебя, — хрипло произнес он.

Она хотела возразить, сказать ему, что не хочет это слышать. Ей не хотелось лжи сейчас, чувствуя себя так близко к нему.

— Я люблю тебя, Алекс.

Алекс хотела заткнуть уши. Она не могла слушать, но слова звучали с каждым движением. Входили в нее вместе с его желанием. И она обнаружила, что открывается, отпирает двери и отбрасывает барьеры, пока не поняла, что он проник в ее сердце, а его слова любви были уже там.

Ощущения закружили ее в водоворот, смешиваясь с желанием. Его слова звучали в ее ушах и в сердце, когда ее тело выгнулось навстречу ему и они вместе достигли вершины наслаждения.

Роб первым открыл глаза и нежно поцеловал ее. Он отдал себя ей. Он открыл ей свое сердце и пригласил войти туда. И она вошла. Он чувствовал ее желание всей душой.

Он перекатился на бок, крепко сжимая руки, чтобы не выпустить ее из объятий. Ее волосы упали на его грудь, глаза были закрыты, губы все еще касались его кожи.

— Я люблю тебя, Алекс, — прошептал он снова, только чтобы услышать слова.

На ее лице отразилось замешательство, и она приподнялась, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Не говори этого сейчас, Роб. Я… Мне нужно время.

— Время для чего?

— Чтобы вернуться на землю.

Роб чувствовал, что он не хочет возвращаться на землю.

Алекс повернула лицо к его груди и поцеловала. И еще раз поцеловала. Даже если она проживет сто лет, то никогда не забудет этого.

Завтра, когда он уйдет, будет в тысячу раз хуже, чем в прошлый раз. В прошлый раз он не говорил о любви. А на этот раз он не только говорил, но заставил ее поверить ему.

Алекс опустила голову. Какой она была дурочкой, не подозревая, что существует такое. Ради этой единственной ночи она поверила в любовь и близость — почти невыносимую близость. Она поверила в романтическую любовь, и она пове-

рила в Роба.

И не важно, как плохо ей будет завтра, ей будет что вспомнить.

— Теперь я могу сказать?

Алекс подняла свои огромные серо-голубые глаза.

— Я люблю тебя, Алекс.

Ее зрачки сузились, и она опустила глаза.

— Я знаю, что ты говоришь это ради меня. — Ее хрипловатый голос звучал сдержанно. — Но для меня на самом деле было бы лучше, если бы ты этого не делал.

— Ты не хочешь, чтобы я говорил, что люблю тебя?

— Именно так.

Холодное оцепенение охватило его грудь.

— Потому что ты… не любишь меня?

Боже, как это больно. Он был так уверен.

На ответ ей потребовалась целая вечность.

— Разве мы обязаны говорить об этом? — Ее вопрос ускользал от его понимания.

— Обязаны, и чертовски откровенно.

Он резко сел, напряжение требовало хоть какого-нибудь действия. Она тоже поднялась, но медленнее. Так медленно, что казалась измученной или раненой. Натянула простыню себе

на грудь и скрестила руки. Облизнула губы. Откашлялась.

Роб готов был выпрыгнуть из кожи. Когда же прозвучит ответ?

— Я знаю, это трудно — объяснить разницу между желанием и любовью, — осторожно начала она.

Нет, нетрудно. Они такие же разные, как солнце и снег. Никто не сможет спутать эти два чувства, подумал Роб. Разве только… разве только Алекс могла. Оцепенение становилось тяжелее, расползалось по телу.

— И иногда, когда желание становится очень сильным, может показаться, что это любовь. — Она помолчала. — Но это не так. А я не хочу делать вид. Если то, что ты чувствуешь, — всего лишь влияние гормонов, то пусть так и будет. А я не хочу, чтобы ты называл это любовью, думая, что мне от этого станет лучше.

Оцепенение раскололось на миллион кусков, и каждый был острый, как бритва.

— Подожди минуточку, Алекс. Ты думаешь, что я не чувствую того, что говорю?

Она обернула вокруг себя простыню и завязала узлом.

— Думаю, что чувствуешь, но это неправда, это

только потому, что… потому, что ты хотел меня.

— Думаешь, что я говорил это, потому что хотел секса?

Вздрогнув, она подняла глаза:

— Да.

Роб стиснул кулаки. Вывернув наизнанку душу, он открыл свое сердце, а она так и не поверила ему. Вся их близость была притворной — он почти умирал от любви, а она убегала, отталкивала его.

— Алекс, разве это не близость? Это то, что приходит с любовью.

Но в ее лице было только недоверие.

— Ты никогда не говорил этого раньше, — ответила она.

— Нет. Мне потребовалось много времени, чтобы все понять. Я не искал любви, и это удивило меня. Но я никогда не говорил того, чего не чувствовал. Теперь я сказал это, и я сказал серьезно. Думаешь, я бы попросил тебя выйти за меня замуж, если бы не любил?

Алекс покачала головой, ее подбородок упрямо затвердел.

— Я не знаю, на что ты способен, когда чувствуешь сильное желание.

Робу захотелось встряхнуть ее. Как она может отказываться понимать то, что было так оче-

видно?

— Алекс, секс был хорош, но просто секса недостаточно для брака. Я люблю тебя и хочу прожить свою жизнь с тобой. Я хочу, чтобы ты пахла корицей и ванилью; хочу отремонтировать этот разваливающийся дом раз и навсегда; хочу, чтобы мы состарились вместе. И даже хочу близнецов. Вот почему я решил жениться на тебе.

Алекс гневно посмотрела на него.

— Послушай, я пытаюсь спасти себя от большой боли и не хочу притворяться. И когда ты перестанешь чувствовать такую… такой… голод, ты будешь рад, что я так поступила.

— Нет. Это ни от чего не спасет! Ты собираешься оттолкнуть счастье. И все только потому, что однажды, много лет назад, твой первый брак не удался. — Он остановился, только чтобы перевести дыхание, и продолжал: — Алекс, я не Джек. А ты уже не такая, какой была тогда. Прошу, верь в то, что есть у нас. Ты можешь, ты должна верить мне.

Она покачала головой.

— Я верила. — Она поправилась. — Я почти верила. Но ты ушел, потому что я хотела обязательств. Почему я должна верить тебе теперь?

— Потому что ты любишь меня, а я люблю тебя;

а если ты сейчас не используешь этот шанс, то проведешь остаток жизни, прячась за своим фартуком… делая рулеты с корицей. Но даже лучшие в стране рулеты — это еще не жизнь. — Он сжал ее руку, словно пытаясь передать свои чувства. — Алекс, подумай об этом, — настойчиво произнес он. — Мы могли бы стать семьей. Мы могли бы проводить наши дни и ночи вместе. Мы могли бы быть друг с другом до конца своих дней.

Он ощущал ее нерешительность. Она снова покачала головой:

— Нет. Я не пройду через это снова. Не хочу, и не заставлю пройти через это детей.

Роб потянулся за своей одеждой.

— Не прячься за Шеннон и Дарси. Они бы заставили тебя ответить «да», полностью отдавая себе в этом отчет. — Он рывком надел брюки и туфли и натянул на грудь мокрую футболку. — И они были бы совершенно правы.

Он вышел из комнаты. Алекс ждала, что услышит его шаги по лестнице. Вместо этого она услышала ругательство и шаги в ванной. Она услышала звяканье и лязг — что-то с силой ударилось о корзину для мусора.

Она нашла халат и пошла на звук. Роб лежал под раковиной и, чертыхаясь, закручивал трубу.

— Что ты делаешь?

— Чиню эту чертову трубу, которую я попросил близнецов испортить. Только тогда я смогу уйти.

Еще несколько раз с усилием повернув гайку, он вылез из-под раковины и швырнул гаечный ключ в сумку с инструментами. Потом встал, огромный и злой, и вышел. Его шаги прогрохотали по лестнице. Взвыл мотор грузовика. Раздался шум гравия из-под колес. И все звуки стихли.

Дом стоял безмолвный. Покинутый.

Алекс спустилась вниз и вошла в свою маленькую пекарню. Такую компактную, функциональную, даже красивую. Можно было гордиться своим делом.

Но это не жизнь.

Нет. Не жизнь.

Пройдя в гостиную, миновала два рюкзака и сдутый волейбольный мяч. «Но девочки… я сделала это частично ради них».

«Ты имеешь в виду девочек, о которых собиралась справиться пару часов назад?»

Алекс застонала. Она схватила телефон и набрала номер. Трубку сняла Дарси.

— Это ты, Дарси?

— Да. — Тут она отвернулась от телефона и крикнула: — Шеннон, это она. Возьми параллель-

ную трубку.

Алекс услышала щелчок снятой второй трубки, и сразу же раздался голос Шеннон:

— Ну, расскажи нам все-все.

— Вы определили дату? — вклинилась Дарси.

А потом они обе затараторили так быстро, что невозможно было понять, кто что говорил.

— Мы же знали, что все получится.

— Ведь говорили же тебе, какой он замечательный, а?

— Мы уже нашли платья в универмаге…

— …для свадьбы. Розовое для меня и зеленое для Дарси. Они просто чудо…

— …и даже не очень дорогие.

— Разве не здорово, как мы придумали свести вас вместе? Роб был…

— …так взволнован, что наконец увидит тебя после всех этих попыток, когда ты отказывала. Мы добавили…

— …целую кучу всякой всячины в слив, только чтобы потребовалось больше времени на ремонт. И были совершенно уверены…

— …что это не займет много времени, потому что он любит нас так сильно.

Они говорили и говорили, возбужденные, счастливые.

— Откуда вы взяли, что он так сильно любит нас всех? — спросила она, прорываясь в разговор.

— Потому что он всегда там, где он нам нужен.

— И он сам говорил нам об этом. — Голос Шеннон звучал торжествующе. Алекс почти видела, как их головы одновременно кивают в тишине, последовавшей за их решительным ответом.

— Роб не стал бы говорить так, если бы это не было правдой, — объяснила Дарси. А потом они снова затараторили о своих планах, идеях и рассказах Роба.

— Увидимся завтра утром, — в конце концов вымученно произнесла Алекс.

С трудом поднявшись по лестнице, вошла в спальню. Постель была раскрыта и смята. Ее одежда лежала в куче на полу. Скользнула под простыню, прижала к себе подушку Роба. Подушка была влажной — его волосы были мокрыми. Наволочка хранила запах его кожи. Вдохнув, уткнулась сильнее в подушку.

Не то же самое, а?

Она вдохнула снова.

Как близнецы могут быть так уверены?

Они сказали, что он всегда был рядом, когда был им нужен.

Да, был. Он остался с Дарси, когда она заболела,

и водил их на банкет отцов и дочерей. Девочки привыкли рассказывать ему о многом, даже о личном. Они постоянно нуждались в нем.

И он был здесь не только из-за близнецов.

Алекс подумала о том, что он ремонтировал дом только потому, что хотел помочь ей. О том, что даже сегодня он не умчался сразу, потому что чувствовал ответственность за беспорядок, который устроил с раковиной.

«А как насчет того, что ему пришлось справляться со своим влечением к тебе?»

«Что ты хочешь сказать?»

«Ты привлекала его очень давно».

Алекс вспомнила. Она так сильно отталкивала свои собственные чувства, что не заметила его чувств. Но сейчас, зная эту его сторону, она понимала, что он заботился о ней долгое время. Вспомнила, как темнели его глаза, как становился хриплым голос, и поняла, каким взглядом порой смотрел он на нее. А последние недели очень часто.

Роб был человеком сильных страстей, но он терпеливо ждал своего часа. И он был нежен. Невероятно нежен и терпелив.

Алекс свернулась калачиком, обнимая подушку. Вспомнила, что чувствовала, когда он

принес ее в эту постель в первый раз. Страх. Она так боялась, что едва могла говорить. И в то же время была уверена, что Роб не позволит ничего, что может ранить ее, чувствовала себя с ним в безопасности. И только тогда она поняла, что влюблена. Так сильно, что могла сделать все, что сделает их ближе.

«Все что угодно, кроме того, чтобы поверить, что он любит тебя».

Он ведь никогда раньше не говорил, что любит ее.

А когда он наконец сказал это, то сказал не просто так. Он говорил о браке, обязательствах и о семье тоже.

Алекс сжимала подушку так долго и сильно, что ее руки заболели.

«Что ж, пришло время, когда ты поползешь к нему на коленях?»

Телефон в машине звонил и звонил. Вздрогнув, Роб уронил кусок наживки в свою чашку с кофе, стряхнул озерную воду с рук и потянулся за телефоном.

— Послушай, Джо…

Громкий звук поцелуя донесся до его уха.

— Я люблю тебя, Роб, А Шеннон и Дарси уже выбрали себе платья подружек невесты для сва-

дьбы.

— Алекс, где ты?

— Дома.

— Не двигайся.

Роб выскочил из раскачивающейся у причала маленькой лодки, заполненной принадлежностями для рыбалки. Ему удалось закрыть дверцу грузовика до того, как он ободрал соседние машины, выбираясь со стоянки. Он порадовался, что в Гранд-Бенде полицейские спят долго.

— Алекс! — крикнул он, распахивая дверь.

— Я наверху.

Он взлетел по лестнице, перескакивая через две ступеньки, но замер на пороге ее комнаты. Она лежала, взъерошенная, в постели. И было не похоже, чтобы на ней было надето что-то, кроме простыней.

Желание пронзило его с неожиданной силой. Она должна принадлежать только ему. И сейчас же.

Он стоял прислонившись спиной к дверному косяку и засунув кулаки в карманы.

— Это не только из-за секса, ты знаешь. — Слова прозвучали так же напряженно и натянуто, как он ощущал свое тело.

— Но ты же не захочешь игнорировать секс,

а? — Она лениво приподнялась. Простыни упали к ее талии.

Роб закрыл глаза. Все его тело пульсировало. Он вытащил одну руку из кармана и схватился за косяк. Невзирая на шуршание, доносящееся от кровати, он продолжал держать глаза закрытыми. А потом почувствовал, как ее тело касается его — нежные руки, теплые груди и гладкие бедра. Она дотронулась до его восставшей плоти.

Только тогда он открыл глаза. Она смотрела на него, ее глаза были ясные и теплые.

— Нужно запомнить одну вещь — время для уединения выкроить трудно. Ты не должен тратить его впустую. — Она обвила ногой его ногу, потерлась о его грудь, затем сняла его руку с двери.

Роб провел рукой по ее спине. Ее кожа была горячей. Она была обнажена.

— Но, Алекс, я хочу, чтобы мы поженились. Разделили вместе жизнь. Хочу, чтобы ты знала, что я люблю тебя.

— И ты думаешь, мне станет известно это, если ты будешь вот так воздерживаться? — Она медленно провела рукой по внутренней стороне его бедра.

Роб застонал.

— Да, — выдохнул он.

Покачав головой, она медленно улыбнулась.

— Думаю, я бы поняла это лучше, если бы ты рассказал мне это своим телом.

— Я уже пытался сделать это, — возразил он. — Говорил тебе это всеми способами, какие знаю, но ты не хотела услышать.

Она замерла, вдруг посерьезнев.

— Я слышала, Роб, — сказала она. — Но до меня слишком медленно доходит.

— Но ты поверила в это?

Она обнимала его плечи, совершенно серьезная.

— Да.

— Я говорю о браке, Алекс, — предупредил он. — Ты веришь мне теперь?

— Да.

— Я говорю о серьезных обязательствах.

— Да. — Она снова улыбнулась. — И не забудь про секс.

— Непременно, — произнес он, подхватывая ее на руки.

— Очень творчески, — проворковала она некоторое время спустя.

— Да, ну, я хотел доказать тебе, что смогу удержать наш брак от скуки.

— Хорошо. — Она улыбнулась. — Вот только… Роб, — неуверенно сказала Алекс, — ты говорил как-то, что мы занимаемся любовью слишком страстно.

Роб потянулся и поцеловал ее в макушку.

— Так и есть. — Он выглядел счастливым.

Она поцеловала его в грудь и намотала завиток волос на палец.

— Знаешь, сегодня ты одет так же, как тогда, когда в первый раз пришел сюда. Грязные джинсы и рабочая рубашка, пахнущая рыбьей наживкой.

— Ты заметила это? — В голосе Роба звучало удовлетворение.

— Да. — Она погладила его плоский живот.

— И заметила, что на мне сейчас надето значительно меньше?

— Да, и это тоже.

Наступила короткая пауза.

— Во сколько, ты сказала, девочки вернутся домой?

Роб был просто создан для семейной жизни.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.